

смена

№ 15 (январь 1976)

ФЕСТИВАЛЬНАЯ
РОМАШКА
ГАВАНЫ

**ГОДОВЩИНА
КОНСТИТУЦИИ
СССР
И 60-ЛЕТИЕ
ВЛКСМ—
ДВА
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
СОБЫТИЯ—
ОЗНАМЕНОВАНЫ
ЛЕНИНСКИМ
КОМСОМОЛОМ,
ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ
МОЛОДЕЖЬЮ
НОВЫМ
ПОЛИТИЧЕСКИМ
ЕДИНЕНИЕМ,
ТРУДОВЫМ
ПОДЪЕМОМ,
ВЕРНОСТЬЮ
ДЕЛУ ПАРТИИ.
ВЫСТУПЛЕНИЕ
МОЛОДОГО
ДЕПУТАТА
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СТРАНЫ,
РАБОЧЕГО
АЛЕКСАНДРА
ЧЕКУЛАЕВА,
ОЧЕРК
О ТУРКМЕНСКОЙ
СЕМЬЕ
КУЛИЕВЫХ
И ЛИРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
ПОЭТА
СТАНИСЛАВА
КУНЯЕВА
ПОСВЯЩАЮТСЯ
ЭТОЙ
ВАЖНОЙ
ТЕМЕ.**

НАРОДОМ РС

Конституция СССР действует, живет, работает

Александр ЧЕКУЛАЕВ,
депутат
Верховного Совета СССР,
шлифовщик Тульского
ордена Трудового
Красного Знамени
машиностроительного завода
имени В. М. Рябикова.

П орой мне кажется: этот исторический день был вчера. Так явственно врезались в память радостные лица людей, праздничная, приподнятая обстановка, царившая в зале Большого Кремлевского дворца год назад—4 октября 1977 года. В этот день мы, депутаты Верховного Совета СССР, собирались на внеочередную седьмую сессию девятого созыва, чтобы выполнить задачу огромной исторической важности—принять новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик.

И когда я слушал в тот день доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Конституционной Комиссии товарища Леонида Ильича Брежнева, говорившего о нашей новой Советской Конституции, я думал: как торжественно и светло, гордо и величественно звучат эти слова—Союз Советских Социалистических Республик!

Они всегда звучат для нас весенней мелодией и вызывают особые чувства. Они включают в себя патриотизм в самом широком смысле: любовь к родной земле и к своему народу, гордость за Родину и неизмеримую нежность к ней. Они заложены в самой сути прекрасной мысли К. Г. Паустовского о том, что какой-нибудь самый невзрачный мокрый куст на берегу Оки трогает русскую душу куда сильней, чем любые головокружительные и экзотические красоты мира.

Но любовь к Отечеству не терпит ни пустого краснобайства, ни бесплодного прекраснодушия. Не тот любит Родину, кто стремится побольше получить от нее, а тот, кто стремится как можно больше дать ей. Любовь к Отечеству требует действий.

Для того, чтобы земля, на которой мы с детства дышим вольным запахом лесов и полей, где мы сегодня чувствуем себя полновластными хозяевами, становилась могущественней и краше, поколения советских людей прошли огромный путь героической борьбы и немироверных испытаний.

Наши деды и отцы были активными борцами за власть Советов. В октябре 1917 года они под ленинским знаменем шли на штурм старого мира. Потом они возводили ДнепроГЭС, Комсомольск-на-Амуре, Магнитку. Ликовали, глядя на пламя первых отечественных домен. Они мужественно встретили июнь сорок первого, не дрогнули, выстояли и победили.

Победив фашизм, советские люди стали небывалыми темпами возводить светлое здание коммунизма. Одно за другим следовали выдающиеся открытия в науке и технике, покорялась целина, человек устремился—и опять первопроходцем здесь был советский гражданин!—в космическое пространство. И в это же самое время утверждались в нашем обществе новая, сознательная дисциплина труда, социалистические общественные отношения и мораль.

И так же, как наши деды и отцы, никто из нас, сегодняшних комсомольцев и молодых людей, не привык мерить свою жизнь лишь собственными годами; к нам перешли те черты, которые отличали старшие поколения: чувство долга, гражданственности, чести, культуры человеческих отношений. В нас воплотилось и живет то лучшее, что могло дать самое справедливое на земле государство—наша Родина: это верность героическому прошлому, живая сопричастность настоящему, непоколебимая вера в будущее. В то будущее, которое обеспечивает каждому гражданину общество развитого социализма. Будущее, которое гарантирует ему новая Советская Конституция.

Каждая ее строка, каждый пункт—это концентрированное обобщение множества важнейших слагаемых, получивших ясную и четкую форму закона.

Из всех благ, которые могут понастоящему осчастливить человека, главным, я считаю, было и есть право на труд и сам труд.

Почему я выше всего ценю именно это? Да потому, что в труде развивается, растет и возвышается человек. Поэтому, что сам я вижу смысл своей жизни именно в труде. Потому, что одним из самых дорогих и памятных дней в моей жизни был и остается день, когда я стал рабочим.

Школьную практику я проходил на нашем Тульском машиностроительном. Получив аттестат, сразу и бесповоротно решил: пойду на завод. Отец остался довolen выбором пути—сам кадровый рабочий, он хотел, чтобы я продолжил его дело.

И вот настал тот первый день, когда я получил не разовый пропуск, как «зеленый» практиканта, а постоянный, по всей форме. Директор поздравил нас с вступлением в рабочую семью. Мне выдали спецовку и оформили в инструментальный цех. Сразу прикрепили наставника Петра Антоновича Казеннова. Казалось бы, все просто: работай, учись, совершенствуйся. Но профессия давалась нелегко. Только поначалу кажется, что шлифовка инструмента—простое дело. На практике—много сложнее. От того, скажем, как заточен резец, зависит и

производительность и качество продукции. Петр Антонович—человек занятый и в коллективе уважаемый. И поначалу я боялся часто обращаться к нему, отрывать от работы. Он заметил это. В обеденный перерыв подошел ко мне.

— Давай договоримся, Саша,—сказал,—мы все заинтересованы, чтобы ты как можно быстрее стал хорошим рабочим. Не только наша brigada, весь завод нуждается в этом. Поэтому не стесняйся. Любой, не только я, тебе всегда поможет. Упорство, настойчивость у тебя есть. Это хорошо. Но без рабочей сцепки, без товарищеской поддержки ничего не получится...

То был первый практический урок гражданственности, полученный от кадрового рабочего.

Почему я так подробно рассказываю о первых своих шагах? Потому что в жизни каждого человека наступает момент, когда он начинает понимать, что без коллектива, без друзей ему не обойтись. И чем короче дорога к этому пониманию, тем лучше. У нас на заводе все трудятся и живут по законам дружбы и товарищества. Мы не знаем понятий «моё» и «твое». Тут все наше. «Завалил» кто-то задание—мы все в ответе. План горит—общая беда. Зато и радости тоже общие. Все это благодаря здоровой нравственной атмосфере, уважению и доверию товарищам понял я и оценил в первые же дни.

После армии, не раздумывая, вернулся на свой родной завод. Вот когда почувствовал я, как дорог мне мой цех, как близки люди, работающие в нем!

Продолжал осваивать специальность шлифовщика профильного шлифования. Вновь Петр Антонович Казеннов и бригадир Валерий Григорьевич Лукьянов учили профессии. Казеннов по старой привычке нет-нет да и подходил к станку, интересовался, что и как делаю. Его советы помогли быстро и в полной мере освоить секреты и тонкости мастерства шлифовщика.

Постепенно работать становилось все легче и легче, а вот свободное время все уплотнялось и уплотнялось. Комсомольцы цеха избрали меня заместителем секретаря комсомольского бюро—значит, после работы теперь проводил беседы и лекции в общежитии, контролировал учебу молодых рабочих в сети комсомольского политпроса. Общественная работа стала потребностью. Вечерами дома стал допоздна засиживаться за книжками: ребята во время бесед часто задают такие вопросы, ответ на которые не сразу найдешь. Как-то паренек из инструментального цеха спросил: «А что значит быть современным,озвученным временем человеком?»

Это значит—учить себя коммунизму, воспитывать, расти себя для светлого будущего, становиться таким, чтобы все твои поступки и дела соответствовали требованиям морального кодекса. И еще быть всегда впереди, служить примером для остальных. Вечером я перечитывал Гете. И вдруг мысль великого поэта как бы перекрестилась с вопросом того паренька. Мы должны делать из зла добро, писал Гете. Значит, для того, чтобы построить коммунизм, прежде всего надо уничтожить всякое зло на земле. Учить других и самому учиться доброте. Все стало на свои места. На нашем заводе сотни людей изо дня в день творят добрые дела и тем самым приближают светлое завтра. Вот у них

ЖДЕННАЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1233) ОКТЯБРЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАША ОБЛОЖКА:
ГАВАНА.
ВСЕМИРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
МОЛОДЕЖИ
И СТУДЕНТОВ.
ФОТО
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ
(РЕПОРТАЖ
ОБ XI ВСЕМИРНОМ
ФЕСТИВАЛЕ
НА 12-Й СТРАНИЦЕ).

нам, молодежи, и надо учиться коммунизму.

Я помню, как чуть больше года назад у нас во всех бригадах, цехах, комсомольских группах проводили собрания, на которых люди говорили свое рабочее слово о проекте новой Конституции. Выступали и молодые рабочие. Мы, говорили они, отдаляем себе отчет в том, что мало быть признательными старшим поколениям за те завоевания, которые обеспечили нам радостную жизнь. Мы обязаны крепить и умножать эти завоевания. И слова не расходятся у нас с делами. Сотни молодых машиностроителей являются гвардейцами пятилетки и вносят существенный вклад в выполнение предпринятого государственного плана. Присущие молодости инициатива, поиск новых, более эффективных форм и методов работы приносят весомые плоды: в десятой пятилетке свыше 3 тысяч комсомольцев и молодежи завода работают под девизом «Пятилетка качества—рабочую гарантию». Многие молодые производственники решили завершить личные планы трех лет к 7 октября—годовщине принятия Конституции СССР.

Нет такой области производства, где бы ни находила практическое применение творческая активность молодых. В традиционном заводском смотре научно-технического творчества принимают участие сотни молодых рабочих, инженерно-технических работников и служащих, среди которых много изобретателей и рационализаторов. Условный экономический эффект от внедренных в первом полугодии этого года изобретений и рационализаторских предложений достиг 150 тысяч рублей. Инженер центральной базовой лаборатории сверхпластичности Игорь Бубнов и инженер-конструктор Виктор Шатилин удостоены премии Ленинского комсомола. На третьем Всесоюзном смотре научно-технического творчества молодежи 12 работ молодых машиностроителей отмечены медалями и грамотами ВДНХ.

Ни одно дело на заводе не обходится без участия молодежи. Вчерашние неопытные новички вырастают в рачительных, инициативных хозяев. В них машиностроители видят достойных и верных продолжателей своей трудовой славы. Об этом говорит и такой факт—64 молодых рабочих избраны в местные Советы народных депутатов. Мне оказана самая высокая честь—представлять интересы рабочего класса города-героя Тулы в высшем органе государственной власти—Верховном Совете СССР.

Отчетливо помню июль 1974 года, когда, очень волнуясь, впервыешел вместе со своими земляками—дояркой совхоза «Мясново» Зинаидой Матросовой и старшей аппаратчицей Новомосковского химкомбината Ниной Семеновой—на первое заседание в Кремль. И сразу же отметил, что среди депутатов Верховного Совета СССР много молодых людей. А когда меня включили в состав Комиссии по делам молодежи Совета Союза, узнал, что в Верховном Совете СССР последнего созыва 279 депутатов в возрасте до 30 лет, причем 174 депутата—члены ВЛКСМ. Это, как сказал на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, «...реальное проявление заботы нашего общества о молодежи, доверия к ней».

В Комиссии по делам молодежи у меня сразу появились товарищи по работе: ткачиха из Узбекистана Халима

Акрамова, звеньевая из Армении Тамара Арутюнян, балерина из Ленинграда Ирина Колпакова. С нами, молодыми депутатами, опытом государственной работы охотно делятся директор Норильского горно-металлургического комбината Б. И. Колесников, академик Н. Г. Басов, композитор Д. Б. Кабалевский, писатели В. М. Кожевников, С. В. Михалков.

В сентябре 1975 года я впервые побывал за границей. Поездка в Мексику проходила в рамках межпарламентского обмена. Зарубежные поездки депутатов Верховного Совета СССР имеют большое политическое значение. Они способствуют развитию международных отношений, укрепляют мир и дружбу между нашим народом и народами других стран.

На следующий год поехал в Бирму. Помню, как в Рангуне шофер такси заинтересовался моей профессией. Узнал, что я рабочий, удивленно посмотрел на меня и, кажется, не поверил.

— Разве в вашей стране простой человек может поехать за границу? спросил он.

— Вполне, — отвечая.— Рабочий в Советском Союзе может быть даже членом правительства, как я, например.

От удивления шофер проскочил на красный свет. Когда мы остановились, я подробно рассказал бирманцу о деятельности депутатов в нашей стране, разъяснил, что избранник народа руководствуется не личными прихотями, а интересами государства, трудающих.

Парня так заинтересовал мой рассказ, что он стал задавать мне все новые и новые вопросы. Конечно, спросил, есть ли у нас в стране безработные. Опять удивился, когда я ответил, что у нас работа ищет человека, а не он работу. А парень чуть ли не каждый день ждет увольнения: хозяин транспортной конторы недоволен, что у него выручка маленькая, хотя работает он не за совесть, а за страх. Откровенно скажу: когда бываешь в капиталистических странах, страшно смотреть в наполненные безысходной тоской глаза здоровых мужчин и женщин, проводящих дни, месяцы в бесконечно длинных очередях у бирж труда. Но ведь безработица—это не только очереди у бирж труда. Это потеря веры в себя, бессмысленность существования, распад семей, детская беспризорность, убийства и самоубийства.

Нам, людям, выросшим в свободной и счастливой стране, все это дико. Я даже как-то поймал себя на такой мысли—мы все привыкли к тому, что дала нам Советская власть: не знаем ужасов безработицы, пользуемся бесплатным образованием и здравоохранением, нам обеспечивается право на отдых и жилище, нам чужды национальные распри, вражда и предрассудки. Мы привыкли к этому ко всему, как к воздуху, которым дышим. Попытайся у нас кто-нибудь безосновательно уволить рабочего—на его защиту встанут советские законы, вытекающие из положений нашей Конституции. Это давно уже стало для нас азбучной истиной.

Снова и снова вспоминаются октябрьские дни прошлого года. Слушая доклад Леонида Ильича Брежнева, выступления депутатов, принявших участие в его обсуждении, мы все воочию видели как бы воссозданную картину жизни страны, уверенно идущей к коммунизму, страны счастливых людей. Страны, в которой есть все возможности для раз-

1 Александр ЧЕКУЛАЕВ, рабочий, депутат Верховного Совета СССР, о годовщине новой Конституции СССР.

2 Георгий БАЖЕНОВ. «РОДОСЛОВНАЯ СЕМЕРЫХ».

5 Станислав КУНЯЕВ. «УВИДЕТЬ ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ».

6 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ—ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР Николай Константинович БАЙБАКОВ. «ТЮМЕНЬ В БАЛАНСЕ СТРАНЫ».

9 Рассказ Льва УСПЕНСКОГО «НОЧЬ В КАЛИКОВИЧАХ».

12 «МИР НА ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ». Фотоочерк Валерия ЕВСЕЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 Евгений ЕВТУШЕНКО. «ГОЛУБЬ В САНТЬЯГО».

18 Стихи Леонарда ЛАВЛИНСКОГО. ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

20 Владимир ФИРСОВ. «ПРОСВЕТЛЕННОСТЬ».

22 Фантастический роман Александра и Сергея АБРАМОВЫХ «ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ».

24 «ТАКОЙ ТРУДНЫЙ ПРАЗДНИК». Фоторепортаж Светланы ДУДЧЕНКО и Юрия УСТИНОВА.

26 К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО. «МГНОВЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ».

27 Игорь ИЛЬИНСКИЙ, народный артист СССР. «ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТОЛСТОМУ».

28 ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ. «БЫТЬ ДЕЯТЕЛЬНЫМ ВСЕГДА К ЦЕЛИ ДУХОВНОЙ».

31 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена». 1978 г.

смена 1

вития способностей, для творческого роста каждого гражданина. Чувство хо-
зяйской заинтересованности во всем, что происходит вокруг нас,—вот то, что возвышает советского человека, взращенного на идеалах революции, выпущенного ею, отдающего ей свой ум, талант, все силы души.

Первая среда каждого месяца для меня рабочая вдвояе. В этот день я встречаюсь со своими избирателями, высушиваю их просьбы и заявления. Свой депутатский долг вижу в том, чтобы активно влиять на всю окружающую жизнь—делать ее счастливей, интересней, радостней. И потому для меня нет и не может быть второстепенных вопросов. Просьбы избирателей и проблемы общегосударственного масштаба считаю одинаково заслуживающими внимания. Не раз приходилось на равных решать важные вопросы с министрами, с руководителями ведомств и различных организаций. Всегда мне шли навстречу: ведь я выражаю волю людей. Претворять в жизнь наказы избирателей—это мое право, право народного депутата, и оно записано в Конституции ССР.

«Человек—общество, общество—человеку. Таков характер взаимоотношений личности и общества при социализме»,—сказал, раскрывая содержание новой Конституции Страны Советов, Леонид Ильич Брежнев. И прекрасной иллюстрацией этих слов могут служить несколько примеров из жизни нашей Тульской области.

В этом году туляки дадут стране сверх запланированного 18 тысяч тонн чугуна, 42 тысячи тонн минеральных удобрений, 800 тысяч тонн угля, товаров народного потребления на 10 миллионов рублей. Намечено увеличить на 25 процентов выпуск продукции, аттестованной Знаком качества. Объем капитальных вложений в народное хозяйство составит 798 миллионов рублей. Продолжится строительство шести крупных шахт в Подмосковном угольном бассейне. Будут сданы крупнотоннажные мощности амиака и карбамида на новомосковском объединении «Азот». Войдет в строй Белевский завод машин и приборов железнодорожного транспорта...

На месте деревянных построек в Туле и районах возводятся многоэтажные жилые массивы. В эксплуатацию будет введено около 800 тысяч квадратных метров жилой площади (почти на 250 тысяч больше, чем в прошлом году). школ—на 7200 мест, детских дошкольных учреждений—на 4500 мест, больниц—на 1250 коек, поликлиник—на 1700 посещений. Согласитесь, грандиозные планы! И они по силам тулякам, умеющим не только «аглицкую блоку подковать»...

Я мог бы еще много привести примеров того, как туляки умносят уже достигнутое благодаря огромным материальным, созидательным успехам во всех сферах жизни. И это только примеры по одной области. А ведь так, как трудятся мои земляки, трудятся сегодня все советские люди, ибо они знают, что предначертания партии могут быть выполнены только в едином устремлении многих миллионов, сплочении их сил, творческих порывов и новаторских свершений.

7 октября 1977 года, в день, когда депутаты Верховного Совета ССР, в числе которых посчастливилось быть и мне, единодушно утвердили Основной Закон нашей жизни, Леонид Ильич Брежнев сказал: «Конституция начинает действовать, жить, работать».

С того исторического дня прошел ровно год. Новая Советская Конституция активно действует, живет, работает. И каждый советский человек—от убеленного сединами ветерана до молодого человека с комсомольским значком на груди—вдохновенным, созидающим трудом вносит свою лепту в великое дело претворения в жизнь гуманистических идеалов, утвержденных новой Конституцией.

Георгий БАЖЕНОВ

РОДОСЛОВНАЯ С

1. Восход солнца над Копет-Дагом и думы о младших сыновьях

Басмач Джунайд-хана мрачно оглянулся, темный его, блестящий зрачок опалил Курбана ненавистью и презрением. Под белым, как хлопок, барашковым теплеком басмача горел ненавистью всего лишь один глаз, второй был косо перевязан черной бархатной лентой. Через плечо басмача не был переброшен винчестер, не было оружия и у других басмачей в отряде, но вид их страшил не меньше косой басмаческой сабли. Ребятня из всего Бахардена сбежалась к магазину, в который один за одним ныряли басмачи и выносили оттуда мешки и кули с продуктами. И этот темный влажный зрачок басмача, опаливший Курбана ненавистью, был выразительней любых слов.

— Эгей, Курбан, опять ты стонешь, проснись...

Он открыл глаза—рядом сидела жена Солтан, смотрела на него встревоженным взглядом.

— Снова басмачи приснились. Будь они трижды прокляты...

Вот уже пятьдесят лет в дни волнений и особых переживаний снится Курбану Кулиеву этот тягостный сон про басмачей, про тяжелое свое сиротское детство, полное голода и нужды...

Он поднялся, вышел во двор, сел на кошму под тутовником, по-туркменски привычно подогнув под себя ноги, и подставил лицо теплым лучам разгорающегося над Копет-Дагом солнца. Ранними утрами он любил подолгу глядеть на скалистые отроги Копет-Дага, тонущие в нежной молочно-голубой дымке, сквозь которую пробивало себе жизнью солнце. Нельзя было представить свою судьбу, судьбу семьи и детей вне этих гор, вне этого далекого и светлого раздолья жизни...

Он сидел, и вспоминал сегодняшний сон, и думал, что сыновья на редкость крепко спят в такой день, не в пример ему, старому учителю, и думал, хорошо это или плохо, и решил, что, наверное, все-таки хорошо. Значит, они спокойны и счастливы. Солтан поставила перед ним пиалу и маленький, в крупных красных тюльпанах по белому полю чайник душистого зеленого чая, и старый учитель сделал первый глоток и спросил у жены:

— Разве ты не помнишь, как я собирался в школу? В первый раз?

И тогда она ответила ему:

— Курбан-ага, отец детей моих, ты шутишь. Я не знала тебя тогда, и ты не был еще мой муж, и я не помню. Ты шутишь.

Да, он женился в тридцать втором, а учителяствовать в школу пошел годом раньше, и, значит, это действительно шутка. Он улыбнулся и посмотрел на женщину, которая вырастила семерых детей, добрыми глазами мудрого человека и сделал второй глоток душистого чая.

— Если ты не знаешь этого, значит, знаешь другое. Почему, когда я приезжал в аулы проводить политзанятия, я не ночевал в сельсовете?

Он задал этот вопрос и отчетливо вспомнил нелегкие двадцатые годы, когда по заданию комсомола десятки раз ездил по разным аулам, читал аульчанам лекции о Советской власти, о необходимости скорейшего и всеобщего образования народа. Смешно вспомнить, что царизм предрекал, будто народам Востока потребуется больше двух тысячелетий, чтобы стать просвещенными. Вспомина об этом, Курбан Кулиев с улыбкой качал головой и вслушивался в ответ жены на свой вопрос.

— Курбан-ага, разве ты хотел когда-нибудь,—ответила ему женщина, которая вырастила четырех дочерей и трех сыновей,—чтобы басмачи расправились с сельсоветом и оставили детей без отцов?

— Этого я никогда не хотел. Правильно говоришь, дорогая Солтан, жена моя.—И старый учитель, сделал третий глоток зеленого туркменского чая, приступил тем самым к утреннему чаепитию.

Он пил чай, смотрел на горы Копет-Дага, спрятавшись от набирающего зной солнца под домашним широколистным тутовником, и думал о себе и о своих сыновьях, потому что сегодня было первое сентября, а он был старый учитель, заслуженный учитель Туркменской Республики, и сыновья у него—все трое—были тоже учителя, один из кото-

рых—Малика, самый младший в семье,—сегодня впервые пойдет в школу учителем. Когда-то, в далекие двадцатые годы, комсомол послал совсем еще молоденького Курбана Кулиева учиться в педагогический техникум, а затем направил в самую гущу народа поднимать дело всеобщего образования. Пришел день, и делом образования народа занялись комсомольцы 70-х годов—дети старого и опытного комсомольца 20-х годов Курбана Кулиева.

Был ранний час, и все в доме спали, и только отец с матерью не могли спать, потому что сердце у них болело и тревожилось за детей, как тревожилось за них всегда, всю жизнь. Учитель—трудное звание, которым сама жизнь награждает человека, несущего людям свет и знания. И чтобы нести эти знания, нужно самому быть источником света и добра, источником силы и любви к человеку. Вот они спят, твои сыновья, сами уже учителя, а в тебе тревожная мысль: правильную ли выбрали они дорогу, подтвердил ли жизни верность выбора? Впрочем, в глубине души старый учитель не сомневался в ответе, он знал, что сыновья не подведут его, порукой тому—давнее благоговение сыновей перед учительским авторитетом отца среди земляков. Пятьдесят лет назад директор Ашхабадского педагогического техникума поделился тайной сabitуриентами-комсомольцами, среди которых Курбан Кулиев выделялся совершенно еще детским лицом, маленьким, тоже еще детским ростом и внимательными, впитывающими в себя каждое слово глазами. На Востоке много мудрых афоризмов. Мой афоризм простой: пусть подушкой для вас будет книга—и народ поверит в ваше призвание. С этими словами в душе прожил свою жизнь Курбан Кулиев, передав мудрый завет старого педагога своим трем сыновьям, которые один за одним окончили Ашхабадский государственный университет. И не только это важно, что окончили, думал старый учитель, глядя на дымчатые сопки Копет-Дага, нет, не только это... И маленькими глотками пил особенно ароматный поутру чай...

Самое дорогое, что все трое вернулись на родину, в родной Каахка, продолжать дело, которому старый учитель Курбан Кулиев посвятил целую жизнь,—дарить людям радость узнавания, радость открытия мира, его вечности и бесконечности во времени и пространстве.

— Ты помнишь того английского офицера?—Он перестал пить чай и показал жене на кошму рядом:—Присядь, дорогая Солтан, присядь, у меня к тебе есть маленький разговор.—И она присела рядом, и взяла в руку пиалу, и тоже сделала глоток душистого чая.—Ты его помнишь? Он был такой красивый, в белой красивой форме и улыбался?

— Я помню его, Курбан-ага,—сказала она,—он был красивый и много смеялся, он смеялся над нами,—она вздохнула,—мы были маленькие девочки, а они, англичане, ты сам всегда объяснял это, хотели быть над туркменами, а он ел барабан, и бросал нам кости, и смеялся, у него был красивый такой шлем, как в кино, я запомнила, он думал, мы голодные дикие газели, а мы были гордые, мы не ели его поганого мяса...

— Да, это так,—сказал старый учитель.—И басмачи, и интервенты, и вот этот англичанин—они все хотели покорить наш народ. Но знаешь ли ты, почему будет учить сегодня детей наш Малика?

— Он скажет им: нас кормят не земля и вода, нас кормят свобода, запомните, дети. Я думаю, так.

— Он скажет им это на английском языке. Он придет сегодня в школу и скажет детям о свободной Советской Туркмении, которую долгие годы терзали басмачи, белогвардейцы и интервенты и которую покорить было нельзя, невозможно. Где власть принадлежит народу, там жизнь принадлежит вечности. Так гласит мудрость древнего Востока.

И жена старого учителя Солтан согласно кивнула своему мужу. И они замолчали, одинаковыми глазами смотря в далекую синеву с пиками золотых и бурых отрогов Копет-Дага по всей линии горизонта. Они гордились сейчас своим сыном Бердымуратом, которого называли Маликой, самым маленьким, он окончил университет, стал учителем английского языка, в Ашхабаде его управляли оставаться при университете преподавать и заниматься наукой. Но

ЕМЕРЫХ

он сказал: «Там, в краю моей родины, в маленьком поселке Каахка, я нужней, потому что меня ждут дети, деды которых делали революцию, и я в долгу перед ними. Ведь я комсомолец». Он сказал это, или только подумал так, или просто решил так, но главное—он сделал так. Это главное.

И он сделал так еще потому, что на родине его ждал старший брат Кутлимурад, по-домашнему Гена, который два года назад закончил тот же университет, тот же самый факультет, и так же упрашивали его оставаться в университете—преподавать латынь или английский, но он сказал: «Моя дорога ведет меня к людям моей родины, я это знаю и я это чувствую, мне нужно быть там, где я нужней всего, потому что я комсомолец. Нужней всего я людям и земле, которые взрастили меня».

И об этом своем сыне, о Кутлимураде, родители тоже сейчас думали с гордостью, он был умен и добр, решителен и неустанный, вот уже два года преподавал английский язык в колхозной школе № 13. Один преподаватель английского языка на всю школу. Есть норма преподавательских часов, Кутлимурад в 2–3 раза перерабатывал ее, и теперь, когда младший брат тоже окончил университет, они поровну поделили классы между собой, и вот сегодня пойдут в школу вместе—теперь уже вдвоем учить ребят английскому языку.

Старый учитель и жена его Солтан с улыбкой переглянулись: в дверях, сонно держась за косык, стоял внучок Байрамка. Верно говорят в народе: еще сокол не парит над Копет-Дагом, а уже птенцы тянутся из гнезда.

— Ма-ма...—И ручонкой показывает на пиалу—пить хочу. К кому бы ни обращался, что бы ни просил, у него пока одно слово в запасе: «мама».

Солтан подхватила его на руки, поднесла пиалу ко рту—Байрамка блаженно зачмокал губами. Тоже верно говорят: кто не встретил восход солнца с пиалой в руке, тот не туркмен. Еще раз улыбнулись Солтан с мужем: вот кто истинный туркмен в доме—полуторагодовалый Байрамка.

Старый учитель с женой прожили долгую жизнь, подняли на ноги семерых детей, от которых растут уже двенадцать внучат, и ни один внук, ни одна внучка не обошлись без их ласковых и заботливых рук. Когда детям бывает трудно, отец с матерью забирают внуков к себе. Вот и сейчас в доме спят пятеро внуков: Дурды и Артур—от старшей дочери, Джайрен—от средней дочери, Бегенч и Байрам—от старшего сына. Да еще невестки двух сыновей. Да и сами три сына. А комнат в доме две. В тесноте, да не в обиде, так говорят в народе. Верно говорят.

Отпил старый учитель еще глоток чая, еще раз поглядел на далекие горы Копет-Дага. Каждая вершина высока сама по себе, и все тянутся к небу, а человек тянется к самостоятельности. Четыре дочери давно уже живут в отдельных квартирах, теперь очередь за сыновьями, начиная со старшего Ораздурды...

Голова только подумает, а уж жизнь услышит. В дверях—легонько на помине—показался отец Байрамки, старший сын Ораздурды: поджарый, быстрый и легкий в движениях.

— Что-то ты веселый сегодня,—сказал отец и улыбнулся сыну.—Уж не потому ли, что твой класс займет наконец первое место по физкультуре?

И тогда старший сын ответил ему:

— Плох тот джигит, который не мечтает догнать аллаха. Вот только нет его, аллаха, отец.—И улыбнулся в ответ.

Первым делом Ораздурды направился к «Уралу»—верному своему другу. Жизнь свою он не представлял без мотоцикла, еще в годы студенчества мечтал, что его ученики будут не просто заниматься спортом, но будут любить скорость, победы, азарт, напряжение борьбы, и лучшим помощником-пропагандистом в этом деле считал мотоцикл. Окончил Ораздурды, первым из сыновей, тот же Ашхабадский университет и, прослужив в армии офицером, поспешил в родной поселок, к ребятишкам в школу, работать учителем физкультуры.

А уж на кошме под тутовником Солтан устраивала не совсем праздничный, но все же праздничный завтрак—первое сентября сегодня, первое сентября, и три сына идут в школу учителями, а отец их,

МНОГО ПРАЗДНИКОВ БЫВАЕТ В ДОМЕ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ, НО САМЫЙ РАДОСТНЫЙ ИЗ НИХ—КОГДА ВО ДВОРЕ ЗВУЧАТ ГОЛОСА ВСЕХ ЕГО ДЕТЕЙ.

старый учитель, останется дома, проводит их и ддумает свои думы, и взгрустнет, и насмотрится всласть на далекие и родные, тоже чуть грустные сегодня горы Копет-Дага.

И когда наконец уселись на кошму вся семья, а главное—сели три взрослых сына, три учителя, старый учитель незаметно оглядел каждого из них и остался доволен. И сказал:

— Для меня школа всегда была праздником. Пусть будут праздником и ваши дни в школе, сыновья. Пусть будет так.

— Пусть будет так, дети,—повторила за ним Солтан.

Малика, самый младший, старался сохранить спокойствие, но давалось ему это с трудом. Средний сын, Кутлимурад, был задумчив: сегодня ему предстояло ввести младшего брата в стихию школьных будней. Не волновался лишь старший брат, Ораз-

дурды: он был уверен в своих силах. И всех их понимал сейчас старый учитель и, понимая сыновей, вспоминал себя, молодого, неопытного, и думал: нет, тогда было совсем другое время, трудное, опасное, а теперь время иное, и это—счастье, ради этого счастья и было все прошлое, а радости и горести все равно одни и те же всегда, и в этом он близок сыновьям, а они близки ему. Он, Курбан Кулиев, жил без отца, а потом и без матери, воспитывался в интернате в Бахардене, учился в Ашхабаде в техникуме и в институте, работал учителем и инспектором района, стал заслуженным учителем Туркменской ССР, персональным пенсионером республики, отмечен двумя орденами «Знак Почета» и многими другими наградами, но если бы его спросили сейчас, что есть главное в его жизни, он бы, задумчиво глядя на горы Копет-Дага, спокойно сказал: главное—я учитель, в этом мое

счастье. И какие бы награды ни ожидали сыновей на их жизненном пути, главная награда для них будет та же—чувство гордости, что они, простые учители, живут радостями и болями своего народа.

Он думал так, а сыновья тем временем садились на мотоцикл, старший—за руль, младшие—один в коляску, другой на заднее сиденье, и уж мотоцикл осторожно погромыхивал газом, и вся большая семья от мала до велика собралась вокруг мотоцикла, и тогда старый учитель поднялся с кошмы, чтобы самому проводить сыновей в путь...

Не было особых слов, не было и особых напутствий, старый учитель спокойно оглядел своих сыновей и мягким прикосновением к плечу Малики будто благословил младшего на нелегкий учительский труд; в ту же минуту старший сын добавил газ, и мотоцикл покатил по дороге.

Мотоцикл катил по дороге, бегущей прямо на восход солнца, полный круг которого уже смело и яро пытал над Копет-Дагом, но старый учитель не шуршил и не мигал, он стоял и долго смотрел, как уезжают сыновья в школу—продолжать дело его жизни...

2. Яркие звезды над Каракумами и думы о старших дочерях

Он видел, как задрожала рука Солтан, когда почтальон передал ей маленький синий конверт; почтальон поприветствовал старого учителя, учитель с достоинством кивнул в ответ, и почтальон вышел со двора. Да будет вечно счастливой дорога, по которой приносят в дом добрые вести!..

Старый учитель подумал об этом на всякий случай, зная, что письмо, конечно же, от Огульгерек из Ташкента и, конечно же, сейчас побежит ручеек знакомого разговора о трудной доле матерей, и это, конечно, правда, доля у них нелегкая, а потом начнутся уговоры и просьбы, и тогда старый учитель напустит на себя строгий, независимый вид и будет молча смотреть на мудрые горы Копет-Дага...

— Курбан-ага, если она не увидит Джейрен, она вернется домой.—И Солтан протянула ему письмо.

— Она увидит Джейрен,—сказал старый учитель.

— Как она увидит ее? Курбан-ага, как может она увидеть ее?

— Я поеду с Джейрен. Я поеду и привезу Джейрен в Ташкент. И Огульгерек увидит свою дочь.

Солтан улыбнулась:

— Ты похож на неприступный утес, Курбан-ага. Но сегодня над утесом засверкало солнце...

Пассажирский поезд набирал ход, оставляя позади себя утопающий в садах родной Каахка. В купе они оказались вдвоем: народ сейчас мало ездит, все на уборке хлопка. Джейрен прилипла к окну, все еще не веря, что совсем скоро увидит мать, по которой так сильно соскучилась. Дедушка сидел рядом и помолдовевшими глазами тоже смотрел за окно, чему-то улыбаясь. Давно уж он никуда не ездил, давно... Он смотрел на колхозные поля, мелькающие за окном, на белые моря хлопка, разлившиеся по обеим сторонам дороги, на сады и виноградники, налившись зерлыми плодами, и думал, как изменился этот безводный край, какую набрал мощь и красоту, как только побежали по его земле воды Каракумского канала. Поистине вода кормит и питает туркменский народ, и нет для туркмена более святого понятия, чем вода.

За богатыми колхозными полями—где сразу, а где за иссохшими, покрытыми трещинами бесплодными песчаниками—начинались великие пространства Каракумской пустыни, уходящей в горизонт и сливающейся с его тонко-голубой границей. По другую сторону дороги, тоже за полями поднимались в небо неприступные горы Копет-Дага, так что самый плодородный пласт земли лежал между отрогами Копет-Дага и мертвыми песками Каракумов. Страшны когда-то были эти мертвые пески, душили и без того чахлую жизнь туркменского края, а нынче над Каракумами вольно гуляет любой ветер, даже самый огнедышащий и жаркий,—и земля не стоит и не чахнет от злой стихии. Каракумский канал защищает ее и утоляет беспрестанную жажду. Иногда вдруг слышны, явственней загрохотут колеса бегущего поезда—это как раз пересекает железная дорога один из участков Каракумского канала...

Взглянул старый учитель, а уж внучка его клюет носом, видно, умаялась с ранними сборами, устала. Он с улыбкой потряс Джейрен за плечо и показал на полку. Джейрен не упрямилась, согласилась прилечь и вскоре уже спала детским сном, светлым сном. Старый учитель смотрел за окно, думал свои думы и иногда поглядывал на Джейрен, радуясь за нее и за ее мать, что скоро они увидятся. Три дочери у Курбана Кулиева стали врачами, три сына—учителями, и лишь одна дочь—Огульгерек—пошла непохожей дорогой: ее направили учиться в Ташкентскую высшую партийную школу;

и, до этого она с увлечением занималась комсомольской и общественной работой. Три сестры и три брата решили: пусть Огульгерек обязательно учится, они помогут, всей семьей помогут ей получить высшее образование. А трудность заключалась в том, что у Огульгерек была дочь Джейрен—тринацать год, и она никак не хотела расставаться с ней, тосковала по ней, скучала и все писала письма домой: не выдержу, вернусь домой, хочу видеть Джейрен... Старый учитель прожил немалую жизнь и знал, что такое тоска по ребенку, потому-то и решил повезти Джейрен в Ташкент...

Джейрен сладко спала, а старый учитель, поглядывая на хлопковые поля, в которых сотни машин и тысячи людей были заняты кропотливейшим на земле делом—сбором белоснежного хлопка-сырца, вдруг вспомнил с улыбкой, как в пятидесяттом году вот так же вез свою старшую дочь, Гулю, в Ашхабад—учиться в медицинский институт. К ним в Каахка приехала тогда представительница ЦК партии республики, рассказывала о роли медицины в жизни народа, агитировала девушек поступать в медицинский институт. Две каахкинские выпускницы решили рискнуть, одной из них была комсомолка Гульджан Кулиева. Человек задумывает, жизнь улыбается... На вокзале в Ашхабаде подруга Гульджан исчезла—испугалась экзамена и сбежала в Каахка. А Гульджан поступила, училась на одни пятерки, и вдруг после первого семестра в слезы: не поеду больше в Ашхабад! Отец сурово сдвинул брови. «Не могу я жить без Каахка, без вас не могу!» Плакала. Очень плакала старшая дочь Гульджан, ведь она, что ни говори, была деревенской девчонкой и больше всего на свете любила простор и воздух, родные горы Копет-Дага и зеленые оазисы посреди Каракумской пустыни.

Еще раз улыбнулся старый учитель. Приятно сознавать в дочерях родство духа. Вот и он ни на что на свете не променяет маленький Каахка, ни на одно богатство мира, родина—это родина, и дети у него такие же: где бы ни учились, всегда возвращаются в родное гнездо. Нынче каких уж только отличий и наград не имеет заместитель главного врача Каахкинской больницы Гульджан Кулиева—и орден «Знак Почета», и отличник здравоохранения, и делегат ХХI съезда партии Туркмении... Но не меньшая для нее награда—работа врачом в родном Каахка.

— Ой, я все на свете проспала... Дедушка, это что?
— Спи, спи, Джейрен...

Но Джейрен уже не до сна, она с любопытством выглядывает за окно: маленький, обыкновенный аул, каких сотни и тысячи разбросаны вдоль железнодорожной ветки. Но вот этот извилистый поворот дороги, вот эти три домика, утонувших в винограднике...

— Дедушка, смотри, вот этот аул похож на колхоз имени XVII партсъезда. Правда?

— Пожалуй, похож.—Старый учитель улыбнулся.

Уж они отмерили немалый путь, вон и солнце начинает клонить к Каракумам, а тот колхоз... он ведь совсем рядом с Каахка, каких-нибудь тридцать—сорок километров. Но, пожалуй, что-то в самом деле есть похожее. Вот недавно как раз был там у Гульджан трудный случай. Срочно вызвали в колхоз, приехала, а уж поздно транспортировать больную, у женщины кровотечение открылось. Что делать? Колебалась Гульджан недолго. Скомандовала: «На стол!» Оперировала прямо в доме—дорога была каждая минута. Звали женщину Аннагозель, счастливое имя. Сделала ей операцию, а через двенадцать дней Аннагозель сама приехала сказать Гульджан Кулиевой спасибо.

— Хотел тебя спросить,—сказал старый учитель, когда поезд тронулся и в окнах снова замелькали поля и горы,—кем ты хочешь стать?

— Математиком,—сказала Джейрен.—И еще—волшебником.

— Ого!—рассмеялся старый учитель.—Волшебником?

— Я умею отгадывать, а тетя Огульзораз говорит, что из меня получится хороший волшебник.

Он узнал этот легкий и шутливый «почек»—младшей своей дочери Огульзораз. Самое для нее большое счастье—возиться с детишками, баловаться с ними и разыгрывать их. В медицинский институт она поступала, когда две старшие сестры—Гульджан и Оразбике—были уже врачами, и она пошла по их стопам, но решила стать детскими и только детскими врачом. Начиная с четвертого курса, вечером после занятий бежала скорей в больницу—устроилась медсестрой, подрабатывала, чтобы не обременять родителей, да еще помогала брату Ораздурды: он как раз тогда учился в университете на факультете физиологии. А как только получила диплом врача, скорей в родные края работать педиатром, которых так везде не хватает. Врач она молодой и коммунист молодой, но, пожалуй, ни у одного человека в совхозе «Путь

Ленина», где она сейчас работает, нет такого авторитета и такого всеобщего уважения, как у Огульзораз Кулиевой.

— Тебе не пора спать? Уж и солнце на бок повалилось,—сказал старый учитель.

— Хоть бы о себе чего-нибудь рассказал.—Джейрен так не хотелось ложиться.

— Я уж тебе столько рассказывал...
— А ты еще расскажи... Змеи тебя кусали?

— Нет, не кусали.
— Говорят, раньше аллах какой-то был. Ты его видел?

— Аллаха-то? Я аллаха не видел, а вот аллах меня видел.

— Расскажи, а? Как это он тебя видел?
— Ложись, тогда расскажу.

Джейрен мигом юркнула под одеяло.

— Дело было в двадцать девятом году, я тогда учился в техникуме. Нас, комсомольцев, мобилизовали под Кушку на саранчу. Фронт такой был—борьба с саранчой, все сжирали в полях, окаймленные. Мы делали так—в одном конце поля рыли ров, с другого конца гнали саранчу, загоняли ее в яму... А рядом, понимаешь, граница. Афганистан рядом. Граница—дело серьезное, нам винтовки даже давали. На всякий случай. Я маленький ростом удался, винтовка чуть по земле не волочилась. Иду как-то, а с той стороны афганец кричит мне (я немного понимал их язык): «Эй ты, не веришь в аллаха, а?» «Я,—говорю,—комсомолец, а аллаха нет». «Аллах есть, он видит тебя и послал на вас саранчу. Он видит вас, безбожников!» Одного он мне не объяснял—почему в Афганистане тоже саранча была...—Старый учитель рассмеялся.—Слышишь, Джейрен?

А уж Джейрен спала...

Горизонт за окном приблизился, налился густой синью, которую проклонули белесые звездочки опрокинутого ковша Большой Медведицы. Пора ложиться и отдыхать.

Старый учитель приготовил постель, но долго еще не мог уснуть, все шли в голову разные думы. Да и глаза что-то разболелись... Что и говорить, здоровье давно уже не то, да и годы не те. Вот и Солтан, дорогая его жена, нет-нет да и сляжет. Нелегко ей было поднимать на ноги семерых детей, семерым давать образование. Из дочерей самая сердобольная была, пожалуй, Оразбике, следующая после Гульджан. Как мать заболеет, Оразбике в слезы: «Когда вырасту, обязательно на врача пойду учиться. Мамку вылечу, и всегда-всегда она будет здоровой». И ведь в самом деле—окончила школу, поехала в Ашхабад, поступила в медицинский. Да только не так быстро дело делается, как сказка сказывается. Еще студенткой Оразбике вышла замуж и на четвертом курсе родила Майю, первенцу свою. Потом-то у нее еще трое появятся, но эта, первая, которая сейчас уже тоже в медицинском учится, воспитывалась сначала у бабушки Солтан детям и опора, и совет, и вера в тяжелую минуту. Солтан, Солтан, дай Бог тебе здоровья на долгие годы, дорогая жена моя... Выучилась Оразбике, и направили ее в Чардкоу. Всем город хорош—современный, культурный, чистый, но не могла Оразбике без родного Каахка, вдали от матери, от сестер и братьев. И добилась-таки своего—перевели ее в Каахка, в маленький, ничем не примечательный для других, а для нее самый дорогой уголок на земле. Как и у старшей сестры Гульджан, немало разных отличий и наград у Оразбике, ныне заведующей терапевтическим отделением Каахкинской больницы, но главное—она настоящий врач и действительно в любую минуту может прийти на помощь матери, как может прийти на помощь сотни других матерей.

Стучали, погромыхивали колеса мчащегося в ночи поезда, а старый учитель Курбан Кулиев никак не мог уснуть, все думал о своей жизни, о ее даже некоторой сказочности и невероятности, потому что он хорошо помнил старые времена, голод, холод, нужду и хорошо знал, как много раз Советская власть была вынуждена защищать себя, и думал теперь, что ведь все, что есть сейчас у него в семье,—все это оттого, что они сами и представляют собой настоящую Советскую власть.

Поезд, казалось, стучал колесами все мягче и мягче, все тише становился его бег, все уютней покачивался на рессорах вагон, и уставшие за день глаза старого учителя наконец сомкнулись, и все-таки он еще не спал, он еще думал, что завтра на перроне их с Джейрен будет встречать Огульгерек, и представлял, какая это будет встреча, сколько в ней будет радости. И, думая сейчас об этом, уже засыпал, он заранее улыбался.

А потом он уснул.

И только неустанный Полярная звезда долго еще светила и над безмерными пространствами Каракумов, и над скалистыми отрогами Копет-Дага, и над этим поездом, бегущим по просторам туркменской земли.

П

оселок Магистральный встретил меня гулом тракторов, ползущих по размокшей, рыжей глинистой трассе, первыми тротуарами, сбитыми из свежих досок, поблескивавших золотыми натеками смолы, палаточным городком—брэзентовыми полотнищами столовой, где под пологом за грубо сколоченными столами и лавками сидели—ах, какие же молодые!—девушки и парни, наворачивая за обе щеки, конечно, борщ и венную тушенку с макаронами, запивая, конечно, компотом или кофе...

Почему я так развелся, глядя на эту обычную картину сибирской стройки?

Разве я сам двадцать лет тому назад в таком же палаточном городке не дышал горячим строительным воздухом Сибири? Разве не спал в таких же палатках? Не читал свои первые, как мне казалось, гениальные стихи прямо в минуты перекура среди путеводчиков, присевших на новенькие, черные от креозота шпалы? Да—дышал, спал, читал, потому и развелся.

Развеялись бирюсинские туманы, и отшумели тайшетские выиги. Черная ниточка на карте, которая двадцать лет тому назад соединила Тайшет с Абаканом и с Леной, сегодня перешагнула на правый берег великой реки и движется на восток.

Как в юности, опять шагнуть по неожиданному простору, чтобы опять стеснилась грудь и жизнь как есть предстала взору...

Еще не выросли из мглы ни полустанки, ни разъезды, но все равно они милы тебе, как давние надежды.

Уже рычат бульдозеры, уже зима не за горами. Уже осенние ветра сменились зимними ветрами.

Гудят в тумане вертолет, смолой и снегом пахнут срубы, и воздух юности взахлеб ты пьешь и обжигаешь губы.

Перелистываю старые блокноты—корешки рассыпаются, бумага пожелтела, чернила поблекли, но, разбирая краткие белые записи, сделанные порой негнущимися на сибирском морозе пальцами, ощущаю, какое молохое, трудное и прекрасное время, наспех запечатленное, обозначенное, зафиксированное, живет на этих страницах и требует своего осмысливания.

Я люблю свою молодость, люблю дела и события, сопутствующие ей. Летом 1958 года я, начинающий журналист, отправился со станции Тайшет вместе с посланцами комсомола в палаточный лагерь, раскинувшийся неподалеку от поселка Сутихи, ныне города Бирюсинска.

Первая книжница моих стихотворений рождалась там, на пикетах строительно-монтажного поезда № 288, который сейчас прокладывает БАМ, в щитовых бараках и палатах, в кабинах самосвалов и тракторов. Называлась она просто и непрятательно, но точно: «Землекопы».

Летят на щебенку спеченные, июльское солнце печет. Ребята посмотрят на солнышко да вытурт ладонями пот.

Железных дорог перекуски гремят по громадной стране... Раскинув тяжелые руки, бетонщики бредят во сне.

Стихотворение из этой книги. Но я ведь вспоминаю, что написано оно не о «бетонщиках вообще», а о бригаде Николая Дроханова, прокладывавшей трубы под насыпью будущей дороги, спасавшей на моих глазах по колено в воде мешки с цементом во время неожиданного весеннего паводка!

Да почти каждое стихотворение тех лет вырастало из какого-то конкретного события, переживания, факта, потому для меня всегда были непонятны призыва критики о том, что

поэзия должна быть связана с жизнью: иначе и быть просто не может!

Девочки с комсомольских строек, я не забуду вас, нестройных, одетых в робы креозотные, обутых в сапоги кирзовые! Но, позабыв, что ноют косточки, снимают ватники заплатанные, и гладят шелковые корточки, и надевают туфли лаковые, и в клуб явления...

Помню я этот клуб-времянку в центре палаточного городка. А стихи, конечно же, написаны после какого-то праздничного вечера—кажется, это было зимой: клубящийся пар от молодого дыхания вырывался через открытую дверь в морозное небо; на дощатой сцене лежали груды валенок и пальтишек, в которых прибегали сюда девушки, чтобы тут же переобуться в туфли для танцев; два баяна выплескивали в тайгу щемящие звуки вальса «Память цветов», и мы с Галей Сверловой, выпускницей МИИТа, безнадежно пытались плавно и правильно вальсировать в шумной, молодой, дышащей здоровьем толче...

вый ковш экскаватора под будущую насыпь», «вот первый вагончик под жилье — его тащат по непролазной грязи трактор С-80», «вот первое звено рельсов, уложженное на насыпь», «вот первый ребенок — первенец! — родившийся в СМП-288...». Может быть, что он сейчас, уже двадцатилетний, продолжая семейные традиции, кладет рельсы где-нибудь в Тынде...

«Первый», «первое», «первая»... Дух первородства, дерзания, воплощения исходит от примет великого времени, эстафета которого передана в наш день. Помню, как августовской звездной ночью 1958 года мы увидели над гребнями Саян движущуюся искру — искусственный спутник Земли. Это сейчас, когда они во множестве врачаются вокруг нее, никого подобным зрелищем не удивишь...

А тогда мы на чай-то крик выскошли из палатки и с восхищением долго глядели вслед, пока светящаяся искра не растаяла во мгле. Его трасса была сказочной, всемирно известной, а наша лежала рядом с нами, заплывшая глиной, развороченная бульдозерами, помеченная колышками изыскателей. Но одна печать первородства лежала на них обеих.

Чуя, что настает конец их звериной воле, пересекают Великий сибирский путь и тянутся к Амуру, к Аргуни...

Загудят электровозы, полетят, распространяя по обе стороны насыпи жаркий воздух, поезда, груженные медной рудой Удокана, цеплопозом Братска и лесом Примуры, и какой-нибудь грядущий мудрец, глядя на жертвы будки, на стрелочников с флагами, на огорода и стога — вечные спутники железной дороги, — задумается под стук колес и начнет подсчитывать, что мы приобрели и что потеряли, проложив глубокую морщину по лицу вечної тайги, где тысячелетиями складывалась своя жизнь, которую человек неизбежно обязан изменить, чтобы построить свою...

Я люблю тебя, большое время, но прошу, прислушайся ко мне — не убей последнего тайменя, пусть гуляет в темной глубине.

Не губи последнего болота, загнанного волка пощади, чтобы на земле осталось что-то, от чего щемит в моей груди...

День и ночь грохочут лесовозы, день и ночь в пустынnyй небосвод сладкий дым ангарской целлюлозы величавым облаком плывет.

О, законы народной жизни и державных дорог! Тысячи молодых судеб, у которых вместе с мозолями растет душа и чувство собственного достоинства. Гигантское решето, в котором просеивается человеческий материал. Вот что такое КамАЗ, вот что такое БАМ. Где-то на его трассах работают ныне уже сорокалетние Феликс Ходаковский и Геннадий Сороковиков, комсомольцы 50-х годов, командиры стройки, увенчанные лаврами, награжденные орденами.

Я помню их чуть ли не юношами.

Добирались до их становища в деревню Сарончет то на попутках, то пешком, а зимой, спрямляя путь на лыжах, чтобы подышать воздухом строительных площадок, в котором было вдоволь всего: и кислорода, и выхлопного газа, и чего-то неведомого, связанного с молодостью, счастьем, влюбленностью и отчаянной верой в свою волю, в свою судьбу, в свое призвание... Не только человек строит дорогу, но и дорога строит человека. В одном из блокнотов я наткнулся на выписки из дневника Мефодия Калины, члена бригады коммунистического труда, первой на трассе Абакан—Тайшет. Вот несколько размышлений о жизни юноши 50-х годов, немногословного добродушного белоруса из глухой полесской деревушки:

«Все люди по-разному рассуждают о жизни — одинаково рассуждать не могут, так как у каждого человека свои стремления, свои мечты. Но все же идеальные рассуждения должны быть у всех одинаковыми по отношению к друзьям, благородству, к жизни. Основной целью должно быть стремление принести пользу Родине и человечеству. А вокруг этой цели и другие найдут себе место и осуществление».

При мне Мефодия Калину в бивучих полевых условиях строительной жизни принимали в комсомол. Было это в канун сорокалетнего юбилея комсомола — в октябре 1958 года. За это время, как два мощных эшелона, вошли в историю шестидесяти и семидесяти годы... Приближающийся шестидесятилетний юбилей нашей молодости — праздник не только тех, кто сейчас носит комсомольские билеты. Эта дата всколыхнет и наполнит гордостью сердца создателей Магнитогорска и защитников Сталинграда, новоселов казахстанских степей и строителей дороги Тайшет — Абакан, моих поседевших на ветрах времен ровесников.

Тучи мчатся, и ветер поет все о том, что по воле народа на бескрайних просторах идет то страда, то гульба, то работа.

Шпалы стонут, и рельсы гремят... Будь же счастлив, коль выпала милость вставить слово в такой звукоряд, чтоб не сразу оно позабылось.

Станислав КУНЯЕВ

УВИДЕТЬ ВОГЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ...

В вагончике, к земле примерзшем, то засмеются, то примолкнут...
Притихли мальчики калужские под звон стихов и треск поленьев — о, юные и наилучшие из нынешнего поколенья!

Была, как в сказке, отдаленность, казалась вычерченным путь, но не могли ни блеск, ни легкость землекопов обмануть. Глядели в дали ветровые, махали шапками: «Лети!» Мы понимали, как впервые прокладываются пути.

Мои ровесники слушают стихи, написанные о них же. Сейчас я не решился бы на такой рискованный эксперимент. А тогда? Кого мне было спрашивать, с кем советоваться, хорошо или плохо написано? Принимают, хлопают, улыбаются, ободряют, радуются — значит, хорошо, значит, искренне, значит, нужно. Наверное, именно там, на пикетах трассы Абакан—Тайшет, и сложилось у меня убеждение о том, что Слово может быть помощником делу.

Они, усталые, обрадованные, все близко к сердцу принимают и, звоном ямбов ошарашенные, они еще не понимают, что строки те — не одолжение и что мы со стихами нашими всего лишь только продолжение Саяны распластавшей насыпи, пробитой их руками просеки, что нет поэту больше счастья — читать и видеть в лицах проблески смятенья, веры и участия!

В маленькой районной тайшетской газетке тех времен с кадрами было туговато: приходилось порой не просто писать, но и верстать газету, и за линотип садиться, и заниматься фотоделом. Поэтому кое-какие фотографии остались в моем архиве. Гляжу на них, и одно слово чаще других приходит на ум: «вот первая палатка будущего городка», «вот перв-

ый ковш экскаватора под будущую насыпь», «вот первый вагончик под жилье — его тащат по непролазной грязи трактор С-80», «вот первое звено рельсов, уложженное на насыпь», «вот первый ребенок — первенец! — родившийся в СМП-288...».

Может быть, что он сейчас, уже двадцатилетний, продолжая семейные традиции, кладет рельсы где-нибудь в Тынде...

Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь—факты, проблемы, люди

Заместитель Председателя
Совета Министров СССР,
Председатель Госплана СССР
Николай Константинович БАЙБАКОВ
отвечает на вопросы
специального корреспондента «Смены»
Леонида ПЛЕШАКОВА.

ТЮМЕНЬ В БАЛАНСЕ СТРАНЫ

Прежде чем задавать вопросы, я хочу, Николай Константинович, вспомнить слова Генерального секретаря нашей партии товарища Л. И. Брежнева, сказанные им о Тюмени на XVIII съезде ВЛКСМ:

«...Всего за десять лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны... Сегодня Тюмень дает почти половину советской нефти и большое количество газа...

...Тюменскими запасами нам предстоит еще жить долгие годы. А в ближайшие десять лет основной прирост добычи нефти, газа и производства из них ценного химического сырья мы рассчитываем получать именно за счет Тюмени...»

Думаю, вы согласитесь, Николай Константинович, что стоит сейчас повести разговор о перспективах развития народного хозяйства страны, речь рано или поздно придется к Тюмени. Причем под «Тюменью» будут иметься в виду не город, не область, а нефтяные и газовые месторождения, открытые в этом крае, идущие отсюда нефте- и газопроводы, строящиеся предприятия по переработке добываемого сырья. Короче, все то, что уже заняло прочные позиции в народном хозяйстве и что в дальнейшем еще более укрепит их.

Рассказывая о здешних подземных кладовых, обычно не жалеют красок, употребляют эпитеты только превосходных степеней. А какое определение подобрали бы Тюмени вы, руководитель органа страны, планирующего развитие народного хозяйства, какую черту этого региона считаете нужным выделить в первую очередь?

— Если говорить об оценке уже открытых богатств Тюмени и тех, что ожидаются здесь в перспективе, то, пожалуй, можно сказать, что земля эта воистину щедро одарена природными ресурсами.

Что касается основной черты этого края, то в первую очередь следует отметить грандиозные масштабы и исключительный динамизм его развития в последние годы, высокие темпы создания и расширения отраслей промышленности, в основе которых лежит добыча нефти и газа. В истории народного хозяйства страны, пожалуй, нет второго такого примера, когда бы в течение полутора десятков лет после первых открытий природных богатств какая-либо область успевала занять столь весомые позиции в нашей экономике. Да и во всей мировой практике трудно сыскать аналог Тюмени по темпам роста добычи нефти и газа.

Тюменские месторождения нефти и газа не были чем-то неожиданным, неким подарком природы. Это—вознаграждение людям за долгие годы поиска и героического труда в этом суровом крае.

Думаю, уместно вспомнить об этом еще раз.

Как известно, академик И. М. Губкин еще в начале тридцатых годов предсказал возможность открытия нефтяных и газовых месторождений к востоку от Уральских гор. Геологи искали их в этом районе в предвоенные годы. Война приостановила работу. 10 мая 1945 года—буквально на второй день после победы над фашистской Германией!—Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР на своей первой сессии пришел к заключению о необходимости срочного возобновления прерванных из-за условий военного времени поисковых работ и разведочного бурения глубоких скважин в нескольких местах, особо перспективных в отношении получения промысловой нефти.

ТЮМЕНЬ В БАЛАНСЕ СТРАНЫ

Геологические поиски возобновили. Но результат был получен не сразу. Березовский фонтан газа ударил только в 1953 году, нефть с промышленными дебитами нашли в Шайме и Среднем Приобье только в 1960-м. Так что к нынешним открытиям вел долгий и трудный путь: тюменская нефть и газ дали нам нелегко...

— 1964 год—начало промышленного освоения нефтяных залежей Тюменской области. Тогда здесь было добыто 209 тысяч тонн жидкого топлива. Теперь такое количество тюменские промысловики дают менее чем за одну смену. В начале нынешнего лета была добыта миллиардная тонна нефти с начала эксплуатации месторождений. В 1980 году тут планируется добыть примерно 310—315 миллионов тонн.

209 тысяч и 300 с лишним миллионов тонн по любым меркам—это очень резкий скачок для короткого, всего в шестнадцать лет, периода. И его невозможно воспринимать без определенного процесса переоценки привычных представлений, сложившихся на основе прежнего опыта. Переоценки в экономическом и в чисто человеческом плане.

Я знаю, что в 1964 году вы, Николай Константинович, побывали в Среднем Приобье. Скажите, тогда, в самом начале «нефтяной тюменской реки», предполагали вы и ваши спутники, какую силу наберет она через полтора десятилетия? Думали, например, о том, что уже летом 1978 года Тюмень даст стране миллиардную тонну нефти? Я спрашивала так потому, что за вами опыт потомственного нефтьника: отец был рабочим бакинских нефтепромыслов, да и вы сами начали там же свою трудовую деятельность еще в 1932 году, а потом всю жизнь были связаны с добывчей нефти и газа. Так что вам, как говорится, дело было привычное, понятное.

— Я покривил бы душой, если бы сказал, что уже тогда, в 1964-м, мы представляли Тюмень такой, какой она стала теперь, или, тем более, какой она станет в ближайшие годы. В этом нет ничего удивительного. Тогда геологи нашли уже немало, но главные их открытия,—Самотлор, например, Уренгойское, Медвежье и многие другие месторождения—были еще впереди. А без них трудно было предсказать нынешнюю добычу или уровень ближайшего будущего. Дар предвидения, чувство перспективы, умение помечтать, заглянуть в будущее—все эти прекрасные человеческие качества в конечном счете основываются все-таки на имеющемся опыте, определенных фактах, данных исследований.

И наша группа прибыла тогда в Сургут с тем объемом знаний о тюменских месторождениях, которыми располагали в том, 1964 году. Они были убедительны, весомы, однако еще не позволяли даже мечтать о добыче 300 миллионов тонн нефти в год, хотя уже и обнадеживали, что со временем здесь может вырасти крупный нефтедобывающий комплекс. И тем, кто начинал здесь с «первого колышка», предстояло решить вполне конкретные, практические задачи: как на основании открытых запасов организовать добычу нефти и передачу ее к потребителю, какие необходимо основать промышленные города, поселки, построить дороги, линии электропередачи, и так далее, и так далее. Ведь Среднее Приобье в то время представляло собой край необжитой, довольно оторванный от остального мира. Малонаселенность, бездорожье. Сургут, который и тогда уже планировался в нефтяные

столицы, был всего лишь старинным сибирским селом в триста рубленых домов. Это сейчас он превратился в современный город с десятками тысяч жителей, речным портом, с воздушным сообщением с Москвой и другими городами, мощной ГРЭС, железной дорогой. И стотысячного Нижневартовска в то время не было, и Нефтеюганска, и Надыма...

В общем, в тюменскую нефть верили давно, но истинных масштабов здешних месторождений не могли даже предположить. А отсюда—постоянно менявшаяся оценка не только самих запасов, но и роли этого края в экономике страны.

Думаю, полезно вспомнить о том, как новые нынешние открытия заставляли нас пересматривать отношение к этому региону.

Сессия Западно-Сибирского филиала АН СССР, о которой говорилось выше, обосновывая необходимость возобновления в этом крае поисковых работ и разведочного бурения, имела в виду только обеспечение Западной Сибири собственной нефтью. Подчеркиваю, надеялись удовлетворить только нужды Западной Сибири. Ну, а на какие масштабы добычи рассчитывали, нетрудно представить, если вспомнить, что в предвоенном 1940 году вся страна добывала всего 31 миллион тонн нефти, включая газовый конденсат.

Геологи, поняв особенности здешних продуктивных структур, стали открывать одно месторождение за другим. Переоценивались запасы углеводородов, менялось отношение к тюменским богатствам, к самой Тюмени.

Но вот нефть и газ здесь нашли. XXIII съезд КПСС наметил: сформировать новый народнохозяйственный комплекс на основе открытых в Западной Сибири месторождений. XXIV съезд определил уже более масштабную задачу: создать в Тюмени крупнейшую базу нефте- и газодобычи. Решения XXV съезда партии определили этому региону уже роль главной базы страны по добыче нефти и газа. Пленум ЦК КПСС в декабре 1977 года отметил, что в ближайшие десять лет в обеспечении страны топливом и энергией решающая роль сохранится за нефтью и газом, прежде всего тюменскими.

Согласно пятилетнему плану, в 1980 году Тюменская область будет давать около половины нефти и более одной трети газа, добываемых в Советском Союзе.

О масштабах ведущих здесь работ, о размерах капиталовложений, о том, сколько эффективными окажутся эти затраты, можно судить по тому, что за десятую пятилетку из недр Западной Сибири будет извлечен 1 миллиард 700 миллионов тонн углеводородов—в пересчете на сырью нефть.

— Не могли бы вы, Николай Константинович, показать, что же в конечном счете дадут все эти тюменские миллионы тонн и миллиарды кубометров? Как они помогут нам решать главную задачу пятилетки—повысить эффективность общественного производства?

— Сейчас в Советском Союзе с применением природного газа производится 87 процентов стали и 60 процентов цемента, почти весь качественный металл. На нем работает каждая третья тепловая

ВСЕ ГЛУБЖЕ В ЗЕМНЫЕ НЕДРА УХОДЯТ
РАЗВЕДЧИКИ НЕФТИ.

САМОТЛОР—ЖЕМЧУЖИНА ТЮМЕНСКИХ
МЕСТОРОЖДЕНИЙ.

электростанция. Из него вырабатывается свыше 90 процентов удобрений.

Если Тюмень дает третью часть этого ценного энергетического и химического сырья, то, следовательно, можно смело «отдавать» ей и третью часть выработанной из газа продукции.

Далее. Газ позволяет нам быстро наращивать энергетические мощности, а для современного уровня развития промышленного и сельскохозяйственного производства энергетика имеет определяющее значение. Нынешний газопровод с диаметром 1420 миллиметров подает в год около тридцати миллиардов кубометров газа. Тепловая электростанция в один миллион киловатт установленной мощности потребляет в год 1,6—1,8 миллиарда кубометров метана. Иными словами, газопровод «1420» даст топлива для ГРЭС общей мощностью 17—19 миллионов киловатт—несколько Братских ГРЭС. И получить эту энергию мы можем значительно меньший срок.

Газ позволяет достигнуть экономного расхода топлива, добиваться экономии там, где раньше не могли об этом и мечтать.

Азбука истин: летом потребление в стране всех видов энергии падает, зимой возрастает. Вторая истина того же порядка: невыгодно использовать не на полную мощность газовые и нефтяные промыслы, трубопроводы, заводское оборудование, станки, транспорт. Ситуация кажется неразрешимой; чтобы снять зимние «пики», нужно строить дополнительные добывающие и передающие мощности.

— Где же выход?

— Пятилетним планом предусмотрено продолжение строительства подземных газохранилищ, главным образом в наиболее топливопотребляющих районах страны, максимально используя для этих целей выработанные газовые и нефтяные месторождения.

Что это даст? Можно будет вести добычу и транспортировку газа, ориентируясь на среднегодовое его потребление. Сезонные излишки будут закачиваться в хранилища рядом с потребителем и в «пиковые» периоды извлекаться оттуда.

Рядом с Москвой в таких «газовых аккумуляторах» мы можем хранить столько газа, что при его замене каменным углем для складирования последнего в ожидании «пиковых» нагрузок потребуется такая территория, которую под Москвой просто трудно найти.

— Но ведь не у всякого потребителя есть под боком отработанное месторождение...

— Разумеется. Но наши газовики, строители научились их создавать. Находят подходящую геологическую структуру—пористый, насыщенный водой пласт, надежно прикрытый слоем глины. Бурятся скважины, и через них в пористый слой закачивают газ, который вытесняет воду, а зимой, когда растет потребление, газ из скважин поступает потребителям.

Еще недавно такой проект показался бы фантасмагорией. Сегодня это реальность. Уже действуют Щелковское, Калужское и Инчуканско хранили-

ща такого типа. В прошлом году начата закачка в крупнейшее Касимовское подземное хранилище. Рассматриваются варианты создания их и в ряде других районов. Вот вам завтрашняя эффективность, проверенная сегодняшним днем.

Большой вес имеют нефть и газ,—значит, и Тюмень—во внешнеторговых операциях Советского Союза. Мы торгуем нефтью, газом и получаемыми из них химическими продуктами с десятками стран Европы, Азии, Америки. Это дает нам возможность закупать в этих странах машины и промышленное оборудование, которые необходимы для развития народного хозяйства страны, в частности, для освоения природных ресурсов самой Тюмень.

— Мне кажется, значение этого края не исчезает только тем, что он может ДАТЬ. Видимо, на баланс страны огромное влияние оказывают и требования самой Тюмень, которые, надо полагать, растут год от года вместе с ростом добычи и расширением территории, подлежащей освоению. Эта своеобразная «обратная связь» заставляет конструировать и создавать машины и оборудование, транспортные средства, которые необходимы этому краю, разрабатывать новые типы жилых домов, проекты новой планировки и застройки городов и поселков. Наконец, она заставляет искать новые методы организации работ.

И, наверное, говоря о роли Тюмень в народном хозяйстве страны, нельзя забывать и об этом ее качестве.

— Разумеется, это так. Требования Тюмень не менее гигантские, чем богатства ее недр. Конечно, затраты, которые уже сделаны и которые еще предстоит сделать, окупаются сторицей. Но стране необходимо предварительно изыскать эти средства—эффект будет получен потом. Чтобы представить, сколько миллиардов рублей предстоит еще вложить на этой земле, вспомним, что речь идет об экономическом освоении и заселении территории в один миллион квадратных километров, что примерно равно площади Испании, Италии и Великобритании, вместе взятых!

Тюмень с ее огромными расстояниями, суровым климатом, с несколькими климатическими зонами, малозаселенностью требует особого подхода, нестандартных решений тех проблем, которые тут возникают ежечасно... Мы не должны забывать, что, кроме нефти и газа, этот край дал другую, не меньшую ценность: знания, которые мы можем использовать в других районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Они тоже весомо войдут в специфический баланс страны—баланс народного опыта.

Многое уже сделано. Тюмень дала нам образец небывало широкого использования авиации—и особенно вертолетов—в народном хозяйстве, при строительстве нефте- и газопроводов, обустройстве промыслов, проведении линий электропередач. Тут впервые в практике промышленного строительства был опробован, внедрен и дал замечательный результат прогрессивный и высокоеффективный метод комплектно-блочного строительства. Здесь нашло дальнейшее развитие кустовое бурение сква-

жин. Освоены методы строительства железных и автомобильных дорог в зоне сплошных болот. Именно в Тюмень впервые были использованы данные искусственных спутников Земли для изыскания трасс будущих трубопроводов.

В общем, значение Тюмень не исчерпывается нефтью и газом.

— На XVIII съезде комсомола товарищ Л. И. Брежнев сказал, что наступил новый, более сложный этап развития Западной Сибири, который потребует вдвое-втрое увеличить там объемы всех работ, потребует новых материально-технических затрат, притока туда людей.

Не могли бы вы, Николай Константинович, рассказать об особенностях нового периода в развитии Тюмень? Что станет главной ее особенностью?

— Если коротко, главное на этом этапе—более глубокое исследование и освоение природных ресурсов этого региона.

— А если развернуть это краткое определение?

— Рассмотрим по отраслям.

Начало начал—геология. Нетрудно заметить, что большая часть тюменских геологических экспедиций тяготеет к рекам. Это понятно: долгое время реки оставались основным или даже единственным транспортным путем, по которому геологи могли завозить оборудование для ведения поисковых и разведочных работ. Теперь им придется уходить на новые, более удаленные от водных магистралей территории. Это потребует дополнительных затрат и новых транспортных средств.

Далее. Ученые утверждают, что в Западной Сибири вообще и в Тюменской области в частности геологами исследованы только верхние «этажи» углеводородных месторождений. Более глубокое бурение вскроет кладовые, которые обещают превзойти нынешние по своей продуктивности. Так ли это на самом деле, нужно еще проверить. Но для проверки гипотезы ученых геофизикам и геологам необходимо дать новую технику, способную «заглянуть» на большую, чем теперь, глубину. А это потребует уже не просто дополнительных средств, но и качественно нового оборудования, более мощных буровых станков, выше, что, в свою очередь, ведет к применению более грузоподъемного и проходимого транспорта.

Предположим, геологи справились со своей задачей успешно. Теперь уже нефте- и газодобытчики должны разбить и подключить месторождения к магистралям. И они, эксплуатационники, должны иметь соответствующую технику. И на их труд тоже потребуются дополнительные затраты.

Но добыть—еще мало. Их необходимо передать потребителю на переработку.

Таким образом, подошла очередь нефте-газостроителей. Я помню, как вскоре после войны прокладывался газопровод Саратов—Москва. В то время это была крупная стойка. Тогда укладывали трубы тридцатисантиметрового диаметра, которая пропускала полмиллиарда кубометров газа в год. Сейчас газопровод «1420» способен подать в 60 раз больше. Но даже эти гиганты нас уже не устраивают.

НА БУРОВОЙ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ В. ГЛЕБОВА.

ТУТ ТАКИЕ ДОРОГИ И ТАКИЕ РАССТОЯНИЯ, ЧТО СПРАВИТЬСЯ С НИМИ ПОД СИЛУ ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТУ.

ют, так как по нынешним масштабам, а тем более завтрашним они недостаточно производительны. Сейчас Медвежье месторождение дает 65 миллиардов кубометров газа в год. Уренгой в ближайшие годы должен выйти на рубеж более 100 миллиардов в год, с последующим значительным увеличением. Традиционные схемы транспортировки не годятся.

Институт электросварки имени Е. О. Патона разработал новую, многослойную трубу, которая способна выдерживать давление выше ста атмосфер и при том же самом диаметре пропускать газа в два раза больше. Правда, высокое давление — это еще и новые, более мощные компрессоры, новая, более мощная запорная аппаратура.

Как видите, увеличение объемов транспортировки газа сразу порождает перед многими отраслями нашей промышленности новые задачи: их решать должны и ученые, и металлурги, и химики, и машиностроители...

И речь идет об эксплуатации районов, которые уже освоены, откуда страна уже начала получать топливо. В недалеком будущем, это совершенно ясно, нам предстоит идти дальше на север. Наверное, вы помните, как этой зимой к полуострову Ямал, в Харасавей, пробился караван транспортных судов в сопровождении атомного ледокола. Они привезли грузы для буровиков и газовиков, которые начинают осваивать открытые в здешней тундре месторождения. Газ тут есть, и его можно взять. Но как передать? Трубопроводом? Вечная мерзлота еще недостаточно изучена, и как она поведет себя, когда в нее ляжет труба, неизвестно.

Более глубокого подхода потребует и использование добываемого в Тюмень сырья. Пока что большую его часть мы передаем для переработки в другие районы страны. Это не всегда эффективно. Некоторые виды нефтехимической продукции требуют большого расхода энергии. Глубокая переработка одной тонны нефти при производстве некоторых видов пластмасс и полимеров требует 8—10, а то 12—15 тонн условного топлива. Выходит, посыпая на большое расстояние тонну нефти для переработки, мы должны гнать следом десяток тонн в виде топлива. Очевидно, надо перерабатывать нефть и газ на месте, где избыток дешевой энергии, где обилие пресной воды — с нею в европейских и южных районах тоже напряженно, — где есть свободные, непригодные для сельскохозяйственного производства территории.

Сейчас ускоренными темпами возводятся нефтехимические комплексы в Тобольске и Томске. Их завершение позволит нам решить еще одну проблему, которая пока что остро стоит в Среднем Приобье, погасить «факелы» на нефтепромыслах. Попутные газы, которые в ряде случаев мы все еще вынуждены сжигать, содержат ценнейшее химическое сырье. Сейчас тут заканчивается строительство нескольких газоперерабатывающих заводов — ряд уже действует, — которые будут отбирать у попутных газов «жирные» фракции, передавать их для переработки на химические комбинаты, легкий же метан поступит в газопроводы.

Тюмень располагает богатыми лесными ресурсами, которые станут основой лесохимии.

Вообще если говорить о будущем этого края, то он видится колоссальным промышленным комплексом,

сом, в основе которого лежит уже не только нефть и газодобыча, как сейчас, но и нефтехимия. Причем представлена она будет самым широким образом. Тут будут построены предприятия энергоемкой крупнотоннажной химии, химии глубокой и тонкой переработки сырья, химии удобрений, азотных и метанольных производств. Это позволит передавать на запад страны не сырую нефть и газ, а полуфабрикаты, сырье для следующих производств, в том числе этилен, аммиак, метanol. А также готовую продукцию.

Такое комплексное решение, как показывают расчеты, обещает дать значительный экономический эффект...

— Не могли бы вы, Николай Константинович, привести пример, который бы показал эффективность конгломератного метода развития промышленности в Тюмень?

— Думаю, убедительным будет такой. В Среднем Приобье много сравнительно небольших по запасам газовых месторождений, газ которых целесообразно переработать на месте. Если построить в районе Сургута завод по производству аммиака, то можно будет на коротком плече и трубой относительно небольшого диаметра передавать сюда газ Среднего Приобья для переработки, а потом уже направлять потребителю готовый аммиак. Это сэкономит значительные средства. Производство аммиака даст попутно такое количество углекислоты, которое при закачке в пласты может повысить добывчу нефти.

И это только несколько примеров эффективности комплексного подхода к развитию промышленности в этом регионе.

Рост нефтехимического производства обязательно приведет к строительству в Тюмень и предприятий, изготавливающих химическое оборудование, машиностроительных заводов, к развитию отраслей, которые будут ориентироваться на обеспечение нужд нефте- и газодобычи, нефтехимии или на дальнейшую переработку ее сырья.

Короче, через некоторое время Тюменский ТПК займет в экономическом балансе страны весомое место и как производитель многих видов продукции химической и обрабатывающих отраслей, как поставщик дешевой электроэнергии и даже товаров широкого потребления. Все это потребует значительных капитальныхложений, освоение которых потребует большого количества рабочих рук. За последние пятнадцать лет в Тюмень прибыло более 600 тысяч человек, население области увеличилось в полтора раза. Дальнейшее развитие этого края приведет к росту населения, что заставит решать довольно сложные проблемы.

— Известно, что в короткую «нефтегазовую» историю Тюмень комсомол внес своим трудом не одну славную страницу. С начала освоения этого экономического района по комсомольским путевкам сюда направлено более ста тысяч юношей и девушек. Сейчас тридцать важнейших строек являются всесоюзными ударными. На них трудится свыше 700 комсомольско-молодежных коллективов, в их числе одиннадцать строительных управлений и монтажных поездов, два комсомольско-молодежных треста.

«...Тем не менее, — сказал, обращаясь к делегатам последнего комсомольского форума, товарищ Л. И. Брежнев, — я просил бы вас усилить внимание к этому району».

В чем, по вашему мнению, Николай Константинович, могла бы заключаться помощь комсомола Тюмени на новом этапе?

— Вклад комсомольцев и молодежи мог бы быть многосторонним.

Во-первых, для осуществления огромной программы, которая намечена на ближайшие годы, как я уже говорил, нужны рабочие руки. Но это должны быть руки специалистов: строителей, монтажников, буровиков, геологов, шоферов и людей многих других специальностей. Страна направляет сюда новейшую технику и оборудование, для эксплуатации которых требуются опытные и квалифицированные кадры. Тут сложные природные условия, обустройство стоит дорого, поэтому брать тюменские богатства нужно не числом, а умением. Конечно, тот, кто не имеет еще нужной профессии, но поедет сюда всерьез, может получить специальность здесь. Было бы желание, условия для учебы имеются.

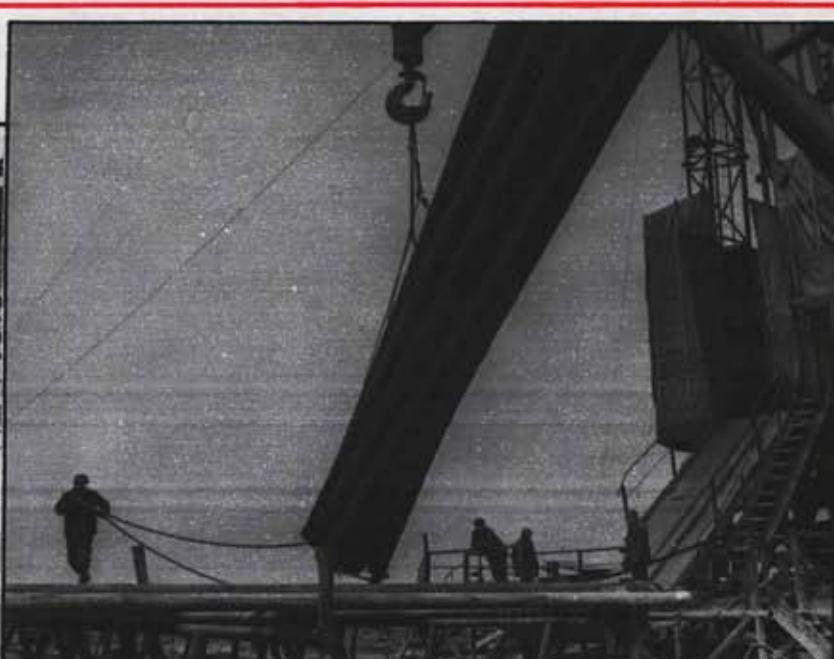
Исследования показывают, что для закрепления кадров, для снижения текучести — в Тюмень эта проблема насущна — необходимо развивать, как говорят, соцкультбыт. Хорошие заработки не всегда способны удержать человека на месте. Сейчас люди хотят иметь не только хорошие жилищные условия, но и возможность хорошо отдыхать, заниматься спортом, художественной самодеятельностью, ходить в театры, как в других, обжитых уже районах.

В Тюмень быстро растут новые города и поселки. А это школы, техникумы, дворцы культуры, магазины, стадионы, учреждения сферы обслуживания. Значит, нужны учителя, культпросветработники, воспитатели, тренеры и так далее.

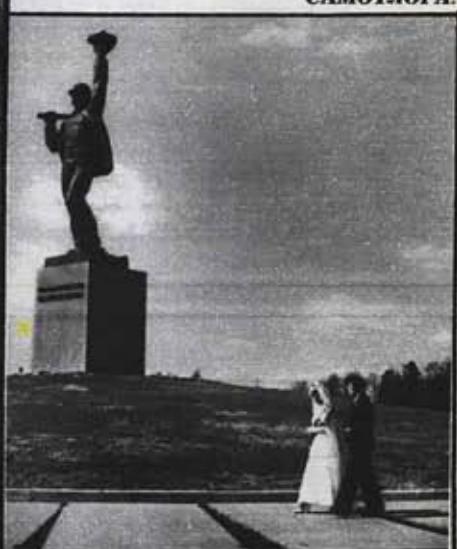
Тем молодым, кто решит связать с Тюменью свою жизнь, можно сказать одно: вы не ошибетесь. Здесь разворачивается колоссальное по масштабам дело, причастность к которому наполняет жизнь молодого человека смыслом, поднимает его в собственных глазах. Тюмень предстоит разрешить массу проблем, касающихся геологии, строительства, транспорта. И тот, кто приедет сюда с интересными, нестандартными идеями, может быть уверен, что дальние предложения здесь встретят поддержку и, как ни в одном другом месте, будут быстро реализованы. Тут есть возможности для творческого и служебного роста, что отнюдь не безразлично для тех, кто одарен способностями исследователя и организатора производства.

Мне кажется неправильным и односторонним понимание Тюмень как источника, откуда страна черпает только нефть и газ. В последние годы здесь выросло немало руководителей производства. Многие из них возглавили крупнейшие тресты, главки, некоторые стали заместителями министров, министрами. Их тюменский опыт сейчас на вес золота. Без него уже не обойтись при решении многих задач, которые стоят и еще встанут перед нашим народным хозяйством. Этот опыт и эти знания мы вправе также зачислить в баланс страны, в золотой фонд.

МОЛОДЫЕ ТЮМЕНСКИЕ ГОРОДА НАЧИНАЮТСЯ С ПЕРВОГО КОЛЫШКА, ТРУДОВЫЕ БИОГРАФИИ — С НОВОСТРОЕК.

ЕЩЕ ОДИН ПАКЕТ УЙДЕТ В ЗЕМЛЮ САМОЛЛОРА.
У МОНОМЕНТИА ПОКОРИТЕЛЯМ САМОЛЛОРА.

Лев УСПЕНСКИЙ

НОЧЬ В КАШИНКОВИЧАХ

РАССКАЗ

I. Посыльные штаба

В штабе энской стрелковой, когда я туда попал в июне 1920 года чертежником, было пять посыльных: Бойков, Ефимов, Туров, Николаев и Мамулашвили.

Придя в штадив эн, я сразу же впал в дружбу с ними и с двумя переписчиками.

Бывало, приедет штадив на новое место, старший помнаштадив говорит: «Ну,

тут постоим с недельку. Вчера начиву в штабе Комфронта это под строгим

секретом сказали: подтягиваем отставших».

А вечером, ложась на разостланный по сенному стогу брезент, переписчик Гриша Иванов, зевая, промолвил: «Эх, дали бы хоть до семи утра спокойно проспать! Чует мое сердце часов в пять поднимут!» «Зачем?» «Как зачем? Приказано — к 11 часам выдвинуться в деревню Вацевичи...» «Да брось ты, откуда ты знаешь?» «Откуда, откуда! Оттуда...» И, не успели глаз сомкнуть: «Вставай! Грузиться!» Едем и останавливаемся именно в Вацевичах... Или там в Вицнове, под Седлецом... когда где...

Была и вторая причина моего нежного отношения к посыльным. Дивизия эта некогда входила в состав 7-й армии и стояла на Псковщине. все посыльные, кроме Абрама Мамулашвили, были мои родные скобари, и я, свежеоторванный от тех уж совсем мне близких псковичей, с которыми дошел от дома до запбата эн, потянулся к ним всей душой.

Впрочем, сейчас вспомнил: был и еще один, шестой посыльный, толстый и спокойный, как хомяк, тверяк Осипов. С ним у меня были менее короткие отношения, но и плохого я ничего про него сказать не могу.

В особицу стоял Абрам Мамулашвили.

Он, само собой, и по внешности отличался от рыжего, с-под самой Опоцки Николаева, от светловолосого, высокого, но с лицом красной девицы холмича Ефимова, от несколько нахмуренного Турова, тоже холмича, от подвижного, исполнительного: «Я — на копытах!», то есть — «Я — это мигом» — Сашки Бойкова. Правда, и на классического грузина с девичьей талией и стройного, как тур, он ничем не походил. Он был самый настоящий «мужик», только не из-под Насвы, как Бойков, а из самой Кахетии. «Запоминай,— так сам сказал он мне однажды,— город Царские колодцы... Село Мачхан, деревня Дэзуган». Мешковатый и небыстрый на подъем, простодушный и доверчивый, он, как я скоро убедился, был — теперь про это много пишут экологи — той «особью», которая в стае стоит на нижней иерархической ступени. Нельзя сказать, чтобы мои «скобари» к нему плохо относились или, боже упаси, «не любили его». Но они как-то не могли поверить в то, что он о себе рассказывал. Они не верили, что его чуть ли не в 16 лет забрали в армию меньшевики, а что потом от них он попал в деникинскую «дишую дивизию». «Ну, какой с его дикарь? Сам подумай, товарищ Успенский». Но Мамулашвили все объяснил. «Пачему попадал? Захотел слишком умным быть. Нашел друг-советчик. Тот говорил: «Станут спрашивать: «Ты кто?», никак не говори «грузин» — расстреляют. Будут спрашивать: «Ты кто?» — говори: «Интуш». Говорил: «Ингуши». Писали: «дишная дивизия». По его словам, выходит, что он, попав от Деникина в плен к красным, служит теперь уже шестой год...

Не верилось, когда он рассказывал, что у него на родине вино держат в таких глиняных кувшинах, зарытых в землю, что, бывает, в этих кувшинах люди тонут. Не верилось, что он когда-то знал по-русски только два слова: легкое «руп» и трудное «капек». Каждый раз, как Мамулашвили садился писать письмо на родину, вокруг него собиралась целая толпа народа. Особенно почему-то эта процедура волновала толстого Осипова.

— Ну, — ядовито жмурясь, объявлял он по всему помещению посыльных и переписчиков, — ну, друзья-товарищи, прошу внимания. Сейчас знаменитый шифровальщик Р-с-е-ф-е-с-е-ре Абрам Мамулашвили будет шифровать тайную переписку со своими дружками-знакомчиками!

Мамулашвили прятался от него, забивался в разные тайные углы, но Осипов неизменно обнаруживал его и худом и добром уговаривал перейти куда-нибудь на общедоступный стол.

Сначала «шифровальщик» от смущения терялся, забывал свою родную грамоту, запинался, перечеркивал что-то, вызывая досадливое неодобрение Осипова: «Ай, Швиль, не стыдно? Ну что ты как первоклассник? Как это — забыл? Плохо вас там учили!..»

Но вот Мамулашвили преодолевал свой конфуз: химический карандаш его начинал бегать все быстрее и быстрее по листку бумаги, рисуя непривычные русскому глазу странные значки грузинской скорописи... Лицо Осипова озарялось изумленным восхищением. «Не, не, глядите, ребята... Шифрует!.. Ведь взаправду шифрует!.. Ну только не может этого быть, чтоб это читать можно! Надувательство это! Это и я так — только времени жалко... А поднапрактиковался бы и... Давай только бумагу!..

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

Остальные посыльные колебались. Одни резонно приводили в пример кто знакомых «яуреев», кто латышей или эстонцев. Те-то ведь тоже по-своему пишут! Другие отвергали это доказательство. «Ай, братки! Уж чухна, какой он тебе ни будь чухна, но сидет писать, и видно: не наши, не все-таки буквы... А это ж... Вот как раз — как еловую кору с сущины отдерешь, так там под ей у букашек такие рисунки разрисованы».

Особенное недоверие Осипова вызывало то, что, свернув свое письмо треугольником, Мамулашвили писал на нем адрес самым обычным русским шрифтом!

— Нет, Швили, ты не ври!.. Если ты взабыль пишешь, так почему же ты на конверте не шифруешь?

— Как я тебе буду на канаверте шифровать, — возмущался грузин, — когда его на русской почте никто не поймет!

Моих посыльных смущало, что изредка «Швили» получал ответы. На конвертах сверху и здесь было написано чудовищными, но русскими каракулями все, что тогда полагалось: номер полевой почты, «штаб такой-то стрелковой», Абраму Мамулашвили. А в середине была такая же «шифровка», и скептик Осипов — торопецкий, так что наши чистые скобари сомневались — не «тверской ли он козел?» — высказывал даже предположение, не отправляет ли сам Мамулашвили эти ответы самому себе с предыдущих стоянок штаба.

II. Лингвистическое недоразумение

Было и второе, что приводило в смущение, смешанное с досадой, Петра Осипова и компании. Я узнал об этом случайно.

Однажды на моем дежурстве Мамулашвили вбежал в помещение вне себя от горечи и обиды.

— Что с тобой, Абрам? — спросил его я.

— Веревка брать буду, петля делать, галава савать... Повещать себя буду! — весь красный, с глазами, в которых чуть ли не слезы стояли, ответил грузин.

— Да в чем дело?

— Смиются!

— Кто?

— Осипов первым делом смиется, Иванов Гришка; Бойков гаварил «друг», а сам смиется...

— Да над чем смеются-то?

— Осипов заставляет меня гаварить: «бик». Я гаварю: «бик». Они смеются. «Почему ты, Швили, «карова» можешь гаварить, «бик» — не можешь? Гаварят: грузины, как дети — правильно слово сказать не могут. Я гаварю: «бик», они гаварят: «не так!» Пойду помнаждии Адамов жаловатьсь: пусть самый фронт посыплют! Пусть пулья — сердце: все, больше жить нельзя...»

Мне стало жалко некрасивого этого кахетинского мужика и в то же время смешно.

— Да брось ты, Абрам! — прикрикнул я на него. — Возьми и заставь их какое-нибудь грузинское слово сказать... Ну, заставь Осипова, чтобы он сказал по-грузински «лошадь». Как по-грузински «лошадь»?

— Цххали, — выговорил Мамулашвили слово, включающее в себя почти не произносимое для русского языка грузинское «цхх», которое и слышим-то мы каждый по-своему.

— Ну вот, попроси, чтобы он сказал. И не скажет...

— Как так не скажет? — безнадежно махнул рукой грузин. — Осипов все скажет! Почему такое простое слово не сказать? Шутишь?

— А вот пойди попробуй...

Абрам Мамулашвили пошел, покачивая головой, пожимая плечами, в явном недоверии к моей выдумке...

Прошло не больше десяти минут. Он ворвался в мою «дежурку» счастливый, как какой-нибудь из самых удачливых персонажей Руставели. «Не может сказать! Не может сказать! — воскликнул он в полном восторге. — Старался, старался, говорит «цххали».

— Ну вот! — обрадовался я. — А ты вешаться хотел! Теперь иди с Осиповым вместе — рядом и вешайтесь. Ну, отправляйся, не мешай, видишь, сколько у меня пакетов: Ефимову и Николаеву через пять минут — тут быть... Да, Абрам, ты его заставь еще «лягушку» по-грузински назвать...

С этого дня насмешки над Мамулашвили по линии филологической окончились. Правда, Осипов пенял мне время от времени, что я лишил его такого развлечения, но я отлично знал: все посыльные хотят и любили безответственно — «мухи не обидят» — «Швили», но и не могли упустить случая посмеяться над ним.

Много раз мне приходилось вмешиваться, когда я в свое дежурство замечал, что при рассылке приказов «по всем адресам» (Комбригам 28, 49, 30; Комкавполка, Дивинжу, Нач. Особого Отдела, Пред. Ревтрибунала — и так далее и тому подобное) Бойкову, Николаеву, тому же Осипову, даже хмурому Турову доставались непременно адреса в радиусе полкилометра от штаба, и только одному Мамулашвили выпадало тащиться то по песчаным, то болотистым тамошним дорогам, по глухому лесу — километров за пять, а то и за семь до своего Дивинжа. Я вмешивался и перемещал своих вестников, причем никогда никто не протестовал, потому что я завел специальную ведомость и на ней по карте точно указывал, кто из посыльных, когда и на какое расстояние «направлялся».

Должен прямо сказать, что уже после второго моего языковедческого вмешательства в отношения между «Швили» и остальными его товарищами он впал в безоговорочное преклонение передо мною: «Ну, как же? Мало того, что его защитил, но перехитрил даже самого ОСИПОВА!» Как было не поклоняться такому человеку, который, подобно Эдину, разгадал загадку самого сфинкса?

«Преклонение» это обрело не только чисто платонические формы. В штадиве возвился обычай посыпать в места намеченных для стоянки белорусских и польских деревень квартирами посыльных. И вот, когда в этой должности выступал Мамулашвили, всякий раз начдивы приходили в недоумение: «В чем дело? Почему непременно у чертежника квартира — просто на командарма рассчитанная?..» Помню, как «Швили» поселил меня в деревне Вишнев под Седлецом у «млечарни» — молодой женщины, занимающейся скопкой деревенского молока, его сепарированием и перепродажей сметаны, масла и всех остальных продуктов за 15 километров в Седлец. В дни боев Седлецкий рынок закрылся, у «млечарни» образовались скопы всякой «молсыря», и кормила она меня на убой, тем более что я мог свободно снабжать ее таким редким здесь деликатесом, как вяленая рыба, солоной самой соли. Если при этом добавить, что «млечарня» так в точности соответствовала описанию «польской девицы» в пушкинском переводе «Будрыса и его сыновей», что она была «весела, как котенок у печки, и, как роза, румяна и бела, как сметана», то чего же удивляться, что начдив, которому, конечно, об этом донесли, принахмурился. Надо отдать

ему справедливость, он не потребовал перемены, и те три-четыре дня, что штадив простоял в Вишневе, все высшие штабные чины стократно допрашивали меня, как это и почему это мне так везет с моими «квартирами».

Я не выдавал Мамулашвили.

Надо сказать, что бывали случаи, когда выгородить нашего «Швили» из того или другого гиблого положения оказывалось не так-то легко. Грешным делом, чаще всего это приходилось делать именно мне — для такой выручки надо было располагать некоторыми языковедческими познаниями, а иной раз и картами местности в неограниченном числе.

Языковедом я тогда еще не был. Так просто, соображал. А вот карт у меня — с августа на некоторое время я стал уже и. о. «воентопа штадива» — хватало. В один дождливый вечер — это было уже после того основного происшествия, о котором я здесь хочу рассказать и по которому назвал этот рассказ, — ко мне «на копытах» прибежал Александр Бойков. Я не был дежурным, сидел дома.

— Товарищ Успенский, бежи скорее в штаб. Там Ревтрибунал хочет нашего Швили к расстрелу... Или в холодную запереть.

— Мамулашвили? А за что?

— Да не знаю я... Вроде быдто он его послал...

Если поверить Бойкову, то, несомненно, со стороны посыльного послать в такое место председателя Ревтрибунала было по меньшей мере опрометчиво. Несколько минут я только головой крутил, но потом, и совершенно случайно, мой взор упал на только что «поднятую» мною трехверстную карту района расположения штадива. Я все понял, схватил карту и быстрым шагом — с Предревтрибуналом Домбровским штуки были плохи — пошел в штаб.

Там было довольно существенный переполох. Помнштадивы, народ молодой и легкомысленный, с интересом выясняли подробности того, как посыльный Мамулашвили ни с того ни с сего «послал» Ревтрибунал туда-то и туда-то. Старпомнштадивы хмурились, ибо это было и вообще-то неслыханным происшествием, а по отношению к такому лицу...

На мое великое счастье, я узнал, что дежурным по штабу командиром в тот день был человек веселый, умный и ко мне отлично расположенный старший помощник Владимир Баумгартен. На него я мог опереться. Оказалось на его месте старпом Лимониус или такой же старпом Передерий, я бы не рискнул вступать с ними в объяснения.

Я постучал Баумгартену и был зван вовнутрь. Я заинтриговался, что пришел по поводу Мамулашвили. Баумгартен сделал суровое лицо.

— Ну, батенька! — сказал этот маленький человечек на кривых кавалерийских ногах и с такими же примерно «пиками усов», как у помянутого В. Маяковским Петра Семёновича Когана. — Ну уж о нем я и слышать ничего не хочу! Это же черт знает что такое. Приходит в Ревтрибунал посыльный и с порога заявляет: «Начдив приказал вам «немедленно идти...» Да, вот именно! И главное: «не-медленно!» Ведь это же надо додуматься?

— Владимир Юрьевич, да ведь он же грузин!

— А хотя бы даже империин, голубчик мой! Мы же как-никак в армии! Прийти к должностному лицу, к командиру достаточно высокого ранга и послать его...

— Да никуда он никого не посыпал!

— Как никуда? Он в присутствии трех свидетелей громко сказал: «Товарищ Домбровский! Начальник штаба приказал вам немедленно идти...»

— Смотрите, Владимир Петрович! — сказал я и положил перед ним на стол вырезку из соответствующего листа трехверстки. Из того, на котором обозначен участок железной дороги от Калинковичей до Речицы. Там, примерно на середине этого расстояния, я нарочно обвел синим карандашом небольшую четкую надпись: «Разъезд НАХОВ».

Баумгартен был в царской армии штаб-ротмистром. Он наизусть знал всю юнкерскую азбуку. Он схватил мою вырезку и исчез с ней за дверью, на которой не было ничего написано, но за которой располагались начдив В. Кангелари, штадив, фамилию которого я позабыл, и, судя по громкому голосу с латышским акцентом, сам Домбровский. На минуту там водворилось таинственное молчание, а затем загрохотал гомерический хохот.

— Вот так-то, Роберт Янович! — пробасил начштаба. — Вот видите? Значит, придется-таки вам немедленно идти... А что с грузина спросишь? Я не приказывал вам перемещаться туда пешком. Я средства передвижения представлял вам на выбор. А он вон по-своему понял: немедленно идти. Ну, шут с ним. Велите его отпустить подобру-поздорову...

III. Я трагедию жизни превратил в грэзофарс

Так жили мы и жили, воевали и воевали, выдержали проведенное «аллюром три креста» летнее наступление на Варшаву, выдюжили спешный отход от нее до Барановичей и осенью вцепились в горло обоим братьям Балаховичам — Стасю и Юзику, — засевшим в полесских болотах.

Я не занимался подробно историей этого периода гражданской войны; не смогу сказать достоверно: кончилась ли к этому времени война с Пилсудским, или же братья Булак-Балаховичи были последней ставкой в его игре с нами, но так или иначе, в сентябре — октябре 1920 года штаб наш дислокировался на станции Калинковичи у самых ворот глухого, трясинного Полесья. В Полесье были «они» — уже не регулярная армия, а просто бандиты. Но и бандиты держали фронт.

Пусть простят мне уроженцы Калинковичей, но я вполне понимаю, когда думаю о них словами нашего штабного опродкомдива Филиорина. Он сказал однажды: «35 лет не курил, а постоял в этих Калинковичах месяц — закурил». Может быть, по-настоящему они совсем не таковы, эти Калинковичи. Наверное, сегодня там есть асфальтированные улицы, кино «Спартак» или «Икар», а то и высотное здание. Но когда я вспоминаю Калинковичи 1920 года, я вижу только совершенно лишенные какой бы то ни было растительности бугры песка, вроде тех дюн, которые каждый может видеть западнее Сестрорецка. На этих буграх — покосившиеся серые домишки, вокруг которых — ни огородов, ни садов, а только жердяные невесты что огораживающие заборы... Где-то вдали, на горизонте, — темный, мрачный, враждебный лес. А тут — открытое пространство и неустанно дующий по нему, несущий с собой мелкий песок ветер.

По-моему, никакой открытой воды там не было. А если она и была, мы ее не обнаружили. Мы готовы были волками выть. Впрочем, может быть, значительно повлиял на наше калинковическое настроение именно опродкомдив Филиорин.

Филиорин был рослый и авантажный мужчина в зеленой, почти защитного цвета бекаше в талию. Я не знаю, почему и как, но с момента нашего прибытия в Калинковичи он посадил нас «на чистый гриб».

Бог его ведает, где он получал или сам заготавливал тысячи бочек грибов, соленых рыжиков.

Соленые рыжки, какая прелест! Лет десять после Калинковичей я не мог даже смотреть на соленые рыжки. Нам их выдавали «по сколько хочешь»: котелок — котелок, два котелка — два котелка! И брали, потому что другого-то нам Филорин ничего не выдавал. Но даже самые стойкие из нас, даже Туров, который был из густолесного Холмского уезда и на грибе выращен, не способен был съесть котелок этих рыжиков так, голяком, без сметаны, без льняного масла, без лука.

Кто-то пустил слух, что за окольцем городишки или местечка этого есть нивы, засаженные картохой, и будто нивы эти — ничьи.

Тогда полегчало. Получив котелок, а то и два, филоринских рыжиков, мы собирались партиями, так, чтобы в каждой был хоть один-два вооруженных — кругом рыскали балаховские ребята, «хлопчики», — и шли на заготовки.

Сколько ни проживу, не забуду: низкое сизое небо, мелкий желтый песок, темно-серые и почему-то наполовину пустые дома городишки, узкая полоса зари на западе, и всюду — кости. Все красноармейцы (да и не только они: и девчонки из «ПОЧ-ТЕ-кента» и лазарет и еще невесть кто) разжигали каждый свой костерок и на нем варили картошку. Потом ее толкли деревянными пестиками, потом добавляли туда рыжиков... И тем живы были. Нет, «спасибо» опродному Филорину: наверное, из-за него осталось у меня в душе такое апокалиптически-жуткое представление о Калинковичах!

Впрочем, надо прибавить, что военные действия против бандитов не возбуждают в душах спокойствия и тишины. Велено было удвоить бдительность. На каждом шагу тебя останавливали и спрашивали пропуск. Раза два или три устраивали учебную тревогу. Нервы у всех натянулись до предела.

И вот однажды ночью, когда я при трехлинейной керосиновой лампе сидел за столом дежурного, ко мне на этот раз не ворвался, как тогда Бойков, а, мягко ступая, вошел высокий, круглоголовый, краснеющий поминутно, как девушка, Ефимов. Он сел на стул против меня, поставил локти на столешницу и негромко, без всякого выражения проговорил: «Лев Васильевич, твоя голова нужна. Совсем на этот раз с ним плохо...»

— С кем? — не понял я.

— Со Швилей, Лев Васильевич.

— Погоди, а что с ним такое?

Ефимов ответил не сразу: ему страшно было это выговорить.

— Декшифрант потерял. И вместе с шифровкой...

Я так испугался, что даже встал. Да, вот это уже было не разъезд Нахов!

Чтобы представить себе, что случилось, вообразите такую картину.

В штаб дивизии 1920 года поступил некоторый секретный документ; что он секретен, ясно уже из того, что он зашифрован. Он, естественно, попал в руки шифровальщиков. Это особенные, наименее общительные и разговорчивые люди в штабе: не по характерам, а по профессиональной привычке. Шифротдел расшифровал документ. Он должен теперь поступить к начдиву. Начдив шифротдела вызывает из штаба посыльного и вручает ему в запечатанных конвертах и шифровку и ее декшифрант.

Вполне вероятно, что по правилам следовало бы поступать иначе. Вероятно, надлежало бы шифровку вручить одному посыльному, декшифрант — другому. Допускаю, что, согласно инструкциям, шифровки вообще должны храниться в самом шифровальном отделе, а может быть, и уничтожаться. Ничего этого я ни тогда не знал, ни теперь не знаю...

...В тот ветреный поздний октябрьский вечер для меня ясно было одно: Абрааму Мамулашвили вручен был секретный документ, даже разом два таких документа. И он их ОБА потерял.

Очень плохо было бы, если бы он потерял самую шифровку, но тогда было бы уже не так много шансов, что она попадет в руки человека, понимающего, что это такое, и будет прочтена. И все-таки возник риск, что шифр может быть раскрыт. Это означало, что с случившимся надо немедленно доложить по инстанции, что если шифровка пришла из армии, то надо будет менять армейский шифр, а если она из штаба фронта...

С одной стороны, лучше, с другой — хуже, если утерян декшифрант. Так, ради развлечения, никто не станет шифровать ни частных писем, ни маловажных бумаг. Очевидно, декшифрант говорит о чем-то и секретном и важном. А если так, то, хотя получив его в свои руки, противник не разгадает (и даже не заподозрит о ее существовании в данном случае) системы шифра, зато он спокойно прочтет важный и секретный документ. Может быть, директиву командарма. Может быть, перечень кодовых обозначений или хотя бы пароль и отзыв на завтрашний день.

Если же в одни руки попадут оба утраченных конверта, тогда...

— Лев Васильевич... Трибунал! — твердил Ефимов, и руки у него дрожали. — Трибунал... Расстреляют Швилю... Это ж надо ж такому случиться... Лев Васильевич, придумайте что-нибудь...

— Где Мамулашвили? — спросил я, понимая, что уже с этого мига становлюсь участником государственного преступления, если...

— В сенях. Его Сашка Бойков за руки держит... Он хотел прямо к товарищу Адамову сам идти, признаваться...

Я прикинул в уме: Мамулашвили получил пакеты в шифротделе. Огородами оттуда можно было пройти по одной-единственной тропинке, по улице — в круговую — тоже одним путем. Всего путей было ТОЛЬКО ДВА. Спросить у самого Абраама, как он шел? Ефимов умоляюще поднял руки: «Он память всякую потерял... Плачет... Говорит по-своему... Деда¹ все время поминает».

Надо было решаться.

— Так! — сказал я Ефимову. — Швили запрем в ламповую. Ты от двери — ни на секунду: ни туда никого, ни его оттуда. Давай мне Бойкова, и с ним пойду: хорошо, что я уже дежурство сдал, а ты все-таки ко мне пришел. Ну, давай быстро!

Бойков, самый сообразительный и разворотливый, явился, как всегда, «на копытах» и в нескольких словах все понял. Разумеется, ему не было никакой корысти «становиться на службу» вместо того, чтобы отсыпаться до очередного вызова по казенному делу; но он даже словом не возразил против необходимости идти в ночную темень на улицу. Подумав, мы сошлись на том, что кого-кого, а остальных посыльных придется взвести в курс дела: в любой момент в штабе могла начаться какая-нибудь заваруха, их могли разогнать в стороны, и оставшимся — Николаеву, Турову, Осипову — потребовалось бы брать на себя нагрузку. Пришлося открыть карты и старому ламповщику Подмостко: но в этом глубоком старике, который за свои 70 лет успел перевоевать по крайней мере в трех «чужих войнах» (в последний раз — за буров), да в трех «своих», мы не сомневались ни на минуту. Он выдал нам, кстати, лампу «молнию», не гаснущую на ветру, и мы отправились.

¹ «Деда» по-грузински «мать».

Надо сразу сказать, что такой пронзительный осенний восточный ветер, какой дул в ту ночь, загасил бы любую молнию, но, по счастью, она нам не понадобилась. Над Калинковичами стояла полная, точно вчера только заново отникелированная, яркая по-южному луна. Калинковичский песок в ее лучах казался серебристо-белым, стены нищих тамошних зданий черными, как физически абсолютно черные тела, и первое, что нас обрадовало, — мы сразу же от крыльца заметили две цепочки следов Швилиных ног. У Мамулашвили была сравнительно небольшая — 41-й или 42-й размер — нога. Но в те годы начеснабы не только дивизии, но и армии при всем желании не могли подбирать обувь по ноге. Я сам себя снабдил в одном месте стоянки, увидев лежащую посреди роскошного панского зала с канделябрами по стенам пару «канадских», чуть ли не из бизоновой кожи огромных башмаков, как раз по моей 46-й ноге, то ли снятых противником, чтобы скорее улепетывать, то ли не обутых по недостатку времени. Мамулашвили носил сапоги старой, еще царской выделки, из тех, под которыми, по словам Гоголя, дробятся даже гранитные плиты тротуаров Петербурга, но по крайней мере на два номера больше своего размера. Вследствие этого мы без труда опознали его след, а так как непрерывно дующий ветер упрямо стремился изгладить каждый отпечаток на песке, оказалось не так уж трудно отличить путь нашего грузина туда — от возвратного, не в пример более отчетливого и менее размытого ветром «хода».

Шифротдел помещался в полукилометре, может быть, в километре от штадива. Мы сразу решили разделиться: один по прямому, другой — по обратному следу. Правда, вероятнее всего, они не должны были далеко расходиться (такою почти на всем протяжении обоих его походов и получилось), но, следя каждый за одной линией следов, мы, естественно, меньше рисковали рассеяться и пропустить что-либо. Обоим нам было ясно, что утерянные бумаги никоим образом не могли остаться лежать на том месте, на котором их обронил злосчастный вестник. Но успокаивало одно, ветер в Калинковичах дул уже много дней и все время точно в одном направлении — унести шифровку и дешифрант он мог только вправо от дороги туда и только влево от дороги обратно. Значит, важно было не упустить ничего, что забелеется или засереется западнее наших двух исследовательских рейдов.

Потом, когда все осталось уже в прошлом, мы все без труда обнаруживали в своих действиях уйму нелепостей. Ну, как можно было кидаться на поиски, не выяснив даже, откуда и куда нес Мамулашвили свои «секреты» — из штаба шифровки, обратно — дешифрант или оба документа только на пути назад? Надлежало бы выяснить детально: какой они имели вид, были ли упакованы в пакетах, нес ли их грузин «у сердца» в нагрудном кармане, или у него была какая-нибудь папка? Да, все это верно, но как мы могли это узнать, если к самому «Швили» было и подступиться нельзя и если шум в штадиве ночью пробудил бы дремавшего на каком-то углом диванчике староминистадива Адамова, а Адамов был в прошлом царским офицером, да к тому же еще долговременным адъютантом знаменитого своей суворой беспощадностью к дисциплинарным проприштам генерала Сандецкого. Он сделал бы легкую гримаску и, не вступая ни с одним из нас ни в какие пререкания (со мной у него были самые милые отношения, с другими — никаких), без тени колебания направил бы дело Мамулашвили Абрама «по инстанции». А чем это могло грозить упомянутому Мамулашвили, мы даже представить боялись.

Мне трудно теперь, 58 лет спустя, даже примерно определить, сколько времени длилась наша «Операция Швили». Мы много раз сходились друг с другом (потому что грузин пересекал свои же следы) и много раз расходились. При одной такой встрече я обратил внимание, что Сашка Бойков дрожит мелкой дрожью. «Ты что? Не заболел ли?» — удивился я. «Да не, Лев Васильевич, — отвечал он мне тоже вполголоса, — в вас самих зуб на зуб не попада...» И на самом деле: и меня была такая же дрожь...

Стоял там в одном месте огромный черный сарай. Понадобилось нашему Мамулашвили один раз обогнуть его с востока, другой — с запада. С востока, следя за ним, шел обратно Бойков. И вот из-за сарая я услышал его сдавленный полукрик, полуухрип: «Василич! Сюда!» В один рывок я был за сараем. Бойков, точно мальчишка, поймавший бабочку, и руками и всем телом упал на серый, толстый, плохой бумаги конверт, притиснутый ветром к сарайнй стене. Конверт был открыт, скорее всего — распечатан порывами ветра, и из него, готовая вот-вот улететь, торчала бумажка. Шифровка! А дешифрант? Я знал, что в последнее время шифротдел жаловался на отсутствие бумаги. Дешифранты он теперь печатал на папиронской. Так вот, папиронского листика здесь не было. Его ветер вытеребил из конверта и... Сердце у меня сорвалось. Только каким-то остаточным зарядом воли я заставил себя взглянуть. Конверт лежал у самого северо-восточного угла старой развалихи. Если ветер вырвал из него невесомый листок, он мог унести его, только огибаю сараем с севера, вот туда. Заставляя себя не верить в возможность такого везения, такого счастья, я быстро обошел сарей с севера... Метрах в пяти за ним тянулся во многих местах разломанный невысокий хворостяной плетень. Еще саженях в шести или семи позади плетня была когда-то устроена более высокая жердяная изгородь — может быть, основа для второго такого же плетня, побогаче, поосновательней. Теперь от нее, там и сям, остались только отдельные суколы из молодых сосновок, кое-как очищенных от ветвей и вбитых в землю, так сказать, вниз мутовками. И понадобилось же так, чтобы первый забор заставил ветер нырнуть к земле и насадить свою летучую добычу прямо на зуб одной из таких мутовок на второй изгороди. Он трепал ее и сейчас, и заметь мы это все минутами пять спустя, кому стало бы по силу установить, куда бы он ее унес.

Мне было 20 лет, я был крепок на слезу. Но, увидев этот беленький флагок, я, не буду скрывать, всплакнул... Ну, как всплакнул? Подбородок запрыгал, в горле стал ком... Да что я?! Александр Бойков, пскович, отец трех мальцов, «отдувавший на хронте» с 1915 года, «почти что и без перерыва», бросился обнимать меня. И домой в штаб мы пришли «почитай что шалые».

На то велико наше скопское счастье — ни одной душе ничего не потребовалось в штабе в эти, может быть, полтора, может статься, два часа нашего отсутствия.

Все посыльные в голос отказались входить в замкнутую на замок ламповую. Побоялся принести ему первые вести снаружи и я. Старик Подмостко сам отомкнул огромный свой, насквозь проклеросиненный замок, сам осторожно приоткрыл дверь, взгляделся во мрак...

— Ну, Швили, пляши! — сказал он своим прокуренным басом. — Да нет, ты не пляши, растила, ты тихонько добрых людей благодари, чтобы, кроме нас, никто не услышал. Вот твой конверт, вот твои две бумаги...

Бумаги были уложены в конверт (дешифрант пришелся аккуратно подклепить клочком папиронской бумаги, которая «для курева»), и Ефимов, как будто это он ходил за ними, тихо-смирно вручил их младшему дежурному по штабу Иванову Григорию.

На этом история, происшедшая в ночь 1920 года в Калинковичах, кончается.

Валерий ЕВСЕЕВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

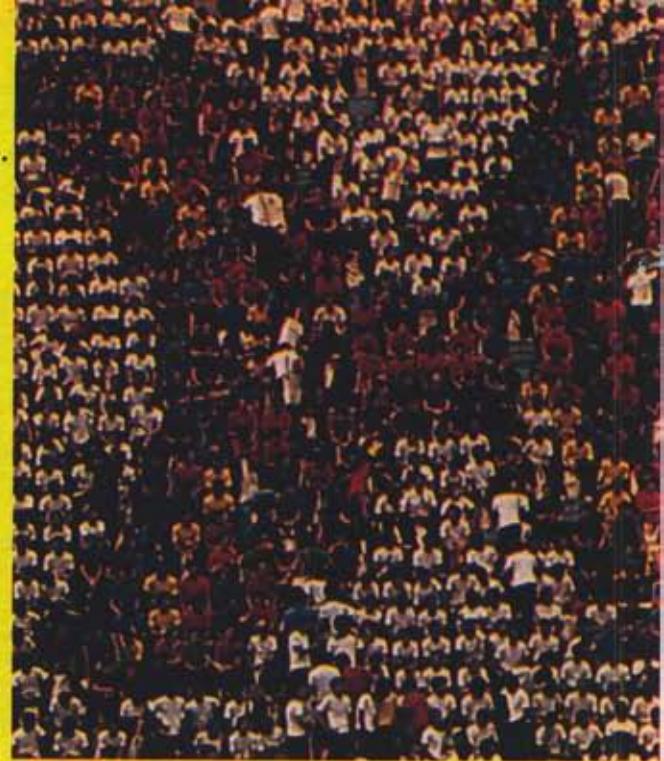
192 часа в Гаване над чашей бейсбольного поля Латиноамериканского стадиона горел огонь XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Впервые проводящийся на американском континенте, фестиваль собрал под своим знаменем 18500 юношей и девушек из 145 стран мира, представляющих 2000 организаций различных политических, философских и религиозных направлений.

Эти фестивальные часы, порою не знающие деления на дневные и ночные, вместе с собой 1209 мероприятий, каждое из которых надолго останется в памяти его участников.

Эти фестивальные часы благодаря современным средствам массовой коммуникации стали достоянием миллионов людей всей планеты.

Эти фестивальные часы еще раз убедили человечество в том, какую важную и активную роль в мире играет современное молодое поколение.

Эти фестивальные часы каждой своей минутой еще много раз будут переживаться участниками и свидетелями незабываемого форума молодости на легендарном острове Свободы летом 1978 года.

ВЕСЬ МИР НА ПЛОЩ

Ежедневно после полуночи

В фестивальной Гаване вы могли назначить любую встречу на послеполуночное время, и этому бы никто не удивился. День был не в состоянии вместить все события, и ночь—удивительная кубинская ночь!—предоставила им свои владения.

Ночью продолжались не оконченные в дискуссионных центрах споры. Ночью, стянувшись с себя дневной усталостью, выходили «во вторую смену» на открытые эстрады артисты. Ночью в отеле «Гавана Либрे», где расположился международный пресс-центр, собирались журналисты поделиться последними новостями. Ночью с удвоенной энергией атаковали делегатов собиратели автографов—кубинские пионеры. Ночью мы все узнавали другую Гавану...

Ночь в тропиках падает сразу, как занавес в театре. И начинается круговорот праздничной рекламы на зданиях небоскребов. Оглушенный неистовыми ритмами музыки, закруженный веселой толпой, ослепленный радостными улыбками, не сразу поверишь сам себе, что всего несколько часов назад ты стоял у окна знаменитой хемингузевской башни, в которой великий писатель любил работать; смотрел на зеленые холмы внизу, такие зеленые, что никакого другого цвета просто не было видно—лишь где-то у горизонта очертания города да узкая, сливающаяся с небом полоска океана, смотрел и старался запомнить навечно эти мягкие зеленые очертания, мягкость которых еще больше подчеркивалась тонкой графикой королевских пальм на их склонах, смотрел, и думал, и понимал всем сердцем—вот это и есть Куба.

И вдруг в двадцати минутах езды от домика Хемингуэя—как будто тысячи бутылок шампанского открыли одновременно, и плещет из них, пенится—нет, не вино, веселье, шум, ликование! И музыка, музыка, музыка!

Это тоже Куба. Такая же настоящая и традиционная, как там, за окном писательской башни.

...Однажды ночью мы выехали из центра и поехали к морю—а ла мар по-испански. И то место, куда мы ехали, так и называлось—Аламар. Это новый жилой комплекс, напоминающий чем-то московское Чертово. В ту ночь в третьем квартале Аламара, где находится школа имени Надежды Константиновны

● ТАКОЙ ПЕРВЫЙ РАЗ УВИДЕЛИ СТОЛИЦУ ФЕСТИВАЛЯ СОВЕТСКИЕ ДЕЛЕГАТЫ, ПРИБЫВШИЕ В ГАВАНУ ТЕПЛОХОДОМ. ● «СОЛИДАРНОСТЬ—ЭТО НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»,—СКАЗАЛ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ МИТИНГЕ ФИДЕЛЬ КАСТРО. ● ДЕЛЕГАЦИЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, БЫЛА ОДНОЙ ИЗ САМЫХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ. ● ВАЖНЕЙШИМ СОБЫТИЕМ ФЕСТИВАЛЯ СТАЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ «МОЛОДЕЖЬ ОБВИНЯЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ».

Крупской, жители района принимали у себя в гостях советских делегатов. И здесь, как на центральном Малеконе, гремела музыка, не кончались танцы и так же требовали автографы дети.

Но самая главная ночь фестивальной Гаваны наступила, когда, оглушительно завывая сиренами, мигая красными фарами, по Малекону, знаменитой гаванской набережной, клином промчались мотоциклисты, открывшие традиционный кубинский карнавал.

Традиция карнавалов на Кубе уходит своими корнями в древние времена, когда ритуальными праздниками отмечались начало сбора урожая, проводы зимы и встреча весны, а то и просто долгожданный дождь. Сейчас на Кубе карнавал проводится в конце июля и совпадает с праздником 26 Июля—Днем штурма казарм Монкады. В этом году карнавал соединился с фестивалем.

Гигантские колесницы—карнавальные каррося, сплав фантазии конструктора и художника, похожие то на сказочный дворец, то на невиданный корабль, то на пальмовую рощу, медленно двигались по набережной. На каждом выступе, на каждой площадке сверкающей огнями каррося, подобной многоэтажной эстраде на колесах, одновременно давали концерт сотни музыкантов, танцов, певцов.

В обрашивший в себя традиции Испании и Африки, кубинский карнавал с шумом разлился по набережной. До самого утра гремела праздничным весельем Гавана.

А следующей ночью эстафету кубинского принял карнавал международный. Делегаты многих стран демонстрировали на Малеконе свое умение веселиться и заражать этим весельем окружающих.

Казалось бы, карнавал—искусство лишь латиноамериканцев, испанцев, африканцев. Так считалось всегда. Но вот к трибунам подкатывает каррося, напоминающая громадную яхту с алыми парусами-флагами. На ней—советские делегаты. И, обогнув ее, под звон бубенчиков несется лихая русская тройка. Мелодия популярной «Катюши», сменившая задорной «Калинкой», сразу же захватила всех. И вот уже раскачивается в такт мелодии цепочка парней и девушек, взявшись за руки, чтобы многочисленные репортеры не заполонили всю набережную. До самого конца выступлений наших артистов не смолкли аплодисменты на трибунах, замирающих, лишь когда изящная акробатка делала слишком высокое сальто прямо над мостовой.

И клоунов, и ряженых, и искрометные танцы, и музыку всех народов, и разноязыкие песни—все увидела, все услышала Гавана. Взрывом оваций встретила она апофеоз карнавала—громадные символические весы, на чаше которых легкий белый голубь перевешивал зловещую черную бомбу.

...Трудно передать ощущение фестивальной Гаваны лучше, чем это сделал Николас Гильен:

И смерть в испуге свой профиль прячет.
Нет страха бомбы, нет горя, плача,

АДИ РЕВОЛЮЦИИ

лишь песнь свободы, борьбы и мира
поют народы в одном порыве.

Фестиваль. Что это такое?

Понимаю—подобный вопрос в фестивальных заметках звучит, видимо, несколько обескураживающе. Впрочем, как и то, что заметки эти начаты странничками в воспоминаний о ночной Гаване...

Но, во-первых, «фестиваль» в переводе с латыни означает «праздничный, празднество», во-вторых, какая же встреча молодежи может обойтись без музыки, песен, веселья—без праздника, а что может быть ярче гаванских карнавально-шумных ночей!

А в-третьих... В-третьих, как ни странно, именно это обстоятельство становится кое-где предметом не только кривотолков, но и достаточно жарких дискуссий. Суть их примерно вот в чем: стоит ли ради празднеств, пусть даже и очень ярких, ради огней фейерверка и метели серпантина тратить немалые средства? Не лучше ли, дескать, использовать их на что-нибудь более полезное?

В этом мнении, на первый взгляд таком трезвом и практическом, заложена коварной силы мина замедленного действия, часовой механизм которой буржуазной пропагандой заведен еще тридцать с лишним лет назад, когда на своем I Всемирном конгрессе в Лондоне прогрессивная молодежь выдвинула идею встреч представителей юности пяти континентов.

Желание определенных кругов представить Всемирные фестивали молодежи лишь развлекательным праздником, тем самым дискредитировав их политическую значимость, понятно. Не совсем понятно, правда, другое: почему же в таком случае эти же самые «определененные круги» так боятся «просто праздников» молодежи? Они не только отказывают в какой-либо финансовой поддержке делегациям молодежи своих стран, но и чинят им всевозможные препятствия на пути к фестивалю.

Однако все попытки помешать встретиться молодежи планеты оказывались и оказываются тщетными. Вот что рассказал в фестивальном интервью делегат США, национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение Джеймс Стил:

— За прошедшие полтора года мы потратили много сил на подготовку к фестивалю. И результаты превзошли все ожидания. Нынешняя делегация США—самая представительная за всю историю фестивального движения: 400 делегатов из 35 штатов и 65 городов страны успешно прибыли в Гавану. (Несмотря на то, что США и Кубу разделяют лишь 180 километров морского пространства, американским парням и девушкам пришлось добираться на Кубу долгим и кружным путем—прямых рейсов в США на остров Свободы нет уже многие годы.—В. Е.) А сколько людей и организаций финансировали работу нашего фестивального комитета, участвовали в сборе средств! Нам пытались помешать. В США многие

не желали успеха этим встречам молодежи мира, особенно на земле свободной Кубы.

Не в силах замолчать фестиваль, буржуазная пресса начинает применять сейчас другой прием: представлять его как исключительно «коммунистическую акцию». Думаю, не нужно объяснять, какую роль в фестивальном движении играют коммунисты, представители социалистических стран. Вместе с тем совершенно очевидно, что фестиваль—это широчайший форум молодежи планеты, объединившейся вокруг лозунгов борьбы за мир, дружбу, против империализма.

Представительный характер нашей делегации говорит сам за себя—это студенты, рабочие, безработные, молодые католики и протестанты. Далеко не во всем мы согласны между собой. Но соединяют нас общая борьба, общие проблемы. Единство—это слово, которое должно стать паролем нашей делегации, всего фестиваля.

К этим словам американского делегата, как говорится, ничего ни прибавить, ни убавить. Сама история фестивального движения—это результат единства, антиимпериалистической солидарности, дружбы и боевой решимости прогрессивного молодого поколения борьбы за мир.

Так что же все-таки такое Всемирный фестиваль—праздник или политическая акция? Что главное в нем—митинги, дискуссии или музыка и песни, не смолкающие круглые сутки?

Фестиваль—это очень важный момент в жизни молодежи на протяжении нескольких лет, это итог большой и напряженной работы юношеских организаций во всем мире. И определять число участников Всемирного фестиваля лишь цифрой его делегатов, приехавших в фестивальную столицу,—значит обеднить саму идею фестивального движения. Сегодня во многих странах фестивалем Всемирным предшествуют национальные фестивали, проходящие под тем же девизом. Например, центрами фестиваля индийской молодежи стали Дели, Хайдарабад, Калькутта. По инициативе двух прогрессивных организаций ФРГ—Социалистической немецкой рабочей молодежи и марксистского союза студентов «Спартак»—накануне гаванской встречи был проведен фестиваль западногерманской молодежи. Шестнадцать провинциальных подготовительных комитетов фестиваля провели по всей Анголе кампанию «Против империализма, за мир и дружбу». Португальские комсомольцы организовали десятки митингов, конкурсов, концертов, посвященных XI Всемирному, в которых приняли участие около 40 тысяч человек...

А предфестивальные акции молодежи Советского Союза, других социалистических стран! Одно их перечисление заняло бы немало страниц.

125 фестивальных национальных подготовительных комитетов было создано в мире.

Фестиваль—это большое политическое событие, знаменующее собой новый шаг в укреплении единства молодежи планеты, в борьбе за мир, безопасность, национальную независимость, демократию и социальный прогресс.

А как же музыка и песни? Конечно, и песни! И театрализованные концерты, и спортивные соревнования, и карнавалы... И не надо спешить вносить поправку в слова, толкующие фестиваль как празднество. Молодежный фестиваль—это большой праздник. Праздник, сближающий народы. И разве не песню привезли с собой в 1947 году в Прагу, первую фестивальную столицу, советские делегаты, в основном вчерашние воины, участники битвы с фашизмом:

Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

● ДЕЛЕГАТ ФЕСТИВАЛЯ—СТУДЕНТКА МИСИ МАРИНА ПОРТНОВА. ● 28 ИЮЛЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ СТАДИОН ПРИВЕТСТВОВАЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ 145 СТРАН МИРА. ● В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ ВСТАЛ СТАДИОН, КОГДА НА ДОРОЖКАХ ПОКАЗАЛИСЬ ЧИЛИЙСКИЕ ПАРНИ И ДЕВУШКИ, НЕСУЩИЕ ПОРТРЕТ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ. ● ГОРЯЧО БЫЛИ ПРИНЯТЫ ЗРИТЕЛЯМИ СОВЕТСКИЕ УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО КАРНАВАЛА.

ГОЛУБЬ В САНТЬЯГО

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

В центре моей новой поэмы «Голубь в Сантьяго» реальная история, рассказанная мне в 1972 году в Чили. Юноша-художник, чистейший, впечатли-тельный, разрывавшийся от семейных, личных и общественных противоречий, прыгнул с крыши гостиницы «Каррера», убив своим самоубийством голубя, мирно гулявшего на асфальте. Юношу сломала разрушительная мысль о том, что только в самоубийстве есть выход из сложностей жизни. Порой такая мысль может подчинить себе хрупкие, несформировавшиеся души, привести их к пессимизму. Но самоубийство есть жестокость не только по отношению к самому себе, а прежде всего к собственной семье, к любимой женщине, к друзьям, ко всему миру. В мире происходит борьба за справедливость, и нельзя капитулировать в этой борьбе, ибо самоубийство есть капитуляция.

Такова основная идея поэмы.

Личная трагедия героя разворачивается в поэме на фоне общественной трагедии чилийского народа, когда клика Пиночета захватила власть, используя внутренние противоречия. Этой поэмой мне хотелось сказать определенной части молодежи, у которой иногда опускаются руки перед лицом жизненных трудностей, о том, что безвыходных ситуаций нет, о том, что всегда надо находить в себе силы для преодоления трудностей, воспитывать в себе личное и гражданское мужество.

Замысел этот я долго вынашивал в себе, не знал, в какой форме он выльется. Сначала думал о повести в прозе, потом родилась повесть, написанная нерифмованными стихами. Хотя в эпилоге рифмы все-таки независимо от меня самого вырвались. Сейчас я снимаюсь в кинофильме «Взлет» в главной роли К. Э. Циолковского, и непроизвольно прорезались строки об этом замечательном человеке, так ненавидевшем смерть и именно ради человеческого реального бессмертия проложившем нам дорогу к звездам.

Поэма «Голубь в Сантьяго» будет полностью опубликована в журнале «Новый мир». С любезного разрешения редакции «Нового мира» я очень рад представить несколько отрывков из поэмы на страницах молодежного журнала «Смена», с которым меня связывает творческая дружба еще с юношеских лет. Поэма моя адресована прежде всего именно молодежи, без духовной связи с которой поэзия невозможна.

Автор

Вернемся в Чили, в семьдесят второй.
Я жил тогда в гостинице «Каррера»
напротив президентского дворца.
Как противоположные слова,
Альянде и дворец не совпадали.
Со многим президент не совпадал,
и что всего, наверное, опасней —
с засевшим в обывательских умах
понять, что такие президенты,
и был убит несвободным этим.
Альянде был прекрасный человек.
Быть может, был прекрасный даже слишком.
Такого «слишком» не прощают люди,
которым все прекрасное опасно.
Боятся, если кто-то слишком умный,
прощают, если кто-то слишком туп.

Альянде был умней своих убийц,
но он умен был не умом тирана,
который не побрезгует ничем.
Альянде погубила чистоплотность,
но только чистоплотные бессмертны,
и, мертвый, он сильнее, чем живой.
Когда к нему явились «леваки»
и положили список — десять тысяч
тех, кто расходу сразу подлежит
(и, кстати, среди них был Пиночет), —
сказал Альянде:

«Расстрелять легко.
Но если хоть один, а невиновен?
Мне кажется: еще ни я, ни вы
не обладаем даром воскрешенья.
Нельзя с чужою жизнью ошибаться,

Рисунок
Владимира ДЕЛЬБЫ

когда, ошибшись, воскресить нельзя...»
«Самоубийство! — закричал «левак»,
пропахший табаком и динамитом.—
Не будем убивать — убьют всех нас!
Один процент ошибок допустим.
Не делают в перчатках революций...»
«Как видите, на мне перчаток нет,
но в чистоте я соблюдаю руки.
Самоубийство — в легкости убийства.
Самоубийство — все тираны мира.
Таким самоубийством я не кончу.
Сомнительны и девяносто девять
процентов справедливости, когда
один процент преступного в них вкрадся.
На правильной дороге кровь невинных
меняет направление дороги,
и правильной она не сможет быть...» —
спокойно отвечал ему на это
в своей дешевой клетчатой рубашке,
с лицом провинциала-фармацевта,
уверенного в собственных лекарствах,
товарищ-президент, так непохожий
на свой портрет в парадном фраке с лентой,
с действительно правдивом только лентой,
с тяжелой, алоей президентской лентой,
с той честной лентой, где ни капли крови,
в которой его можно упрекнуть.
Но «леваки» не слушали Альянде,
романа «Бесы» тоже не читали.
Левацкий доморощенный террор
лицом социализма стал казаться,
пугавшим обывателей лицом.
Раскалывалось все. В кинотеатры
входили люди вежливо, единогласно,

но стоило Альянде появиться
в документальных кадрах на экране,
как половина зала в полуутяже
свистела, выла, топала, визжала,
а половина хлопала так сильно,
что я бессилья признак ощущал.
Включался свет, и сразу выключалась
борьба, что разгорелась в полуутяже.
Все наясней при полном освещении.
Все в жизни там ясней, где все темней.
Я видел митинг около дворца,
где света было тоже многочтого
для выяснения точного — кто с кем.
Свет создан был во мгле прожекторами
и фонарями, взмывшими в руках,
но даже руки площади огромной —
не руки всех. Есть руки про запас,
готовые к предательствам, убийствам,
такие руки, если час не пробил,
и кошек могут гладить, и детей,
и даже аплодируют вовсю
своими грядущими жертвами простодушным,
как будто выражают благодарность
за то, что те дадут себя убить.
Альянде был оратором неважным,
лишенным артистичности обмана,
в который так влюбляется толпа,
когда она обманутой быть хочет.
Обманывать Альянде не хотел
ни площадь, ни страну: себя — пытался,
когда он слишком часто говорил
в той речи, неминуемо предсмертной,
о верности чилийских генералов,
стараясь эту верность им внушить.

Эта песня стала гимном ВФДМ, гимном демократической молодежи мира. С тех пор она звучала на открытии всех Всемирных фестивалей.

В общей сложности во Всемирных фестивалях молодежи и студентов приняло непосредственное участие более четверти миллиона юношей и девушек.

Не раз противники фестивального движения пытались помешать его триумфальному шествию, не брезгую никакими средствами. Только в период VII Всемирного в Вене, когда фестиваль впервые проходил в капиталистической стране, они ассигновали миллионные суммы для его срыва, завербовав около шести тысяч своих сторонников. Но венское поражение «антифестивальщиков» еще раз подтвердило силу и притягательность идей фестивального движения — идей дружбы, мира и солидарности.

По своему политическому весу, по своей значимости Всемирные фестивали вышли за рамки чисто молодежных мероприятий, стали неотъемлемой частью жизни всей планеты. В них как в капле воды всегда отражались национальные и международные проблемы, волновавшие мировую общественность.

«Мир — это выкрик, прозвучавший из Праги на весь мир, который, конечно, получит отклик в сердцах всех честных людей... Мир и демократия. Это послание, направленное фестивалем молодежи...» — так выразил Клемент Готвальд суть I Всемирного фестиваля, состоявшегося всего два года спустя после самой разрушительной в истории человечества войны.

Делегаты последующих фестивалей заявляли о солидарности прогрессивной молодежи мира с борьбой народов Кореи и Индокитая, Египта и Конго, Кубы и Алжира, со всеми борцами против агрессивной политики империализма. На каждом этапе истории

передовая молодежь стремилась внести свой вклад в решение задач, стоявших перед человечеством.

«За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!» — этот нашедший поддержку и одобрение всей прогрессивной молодежи девиз фестиваля собрал летом нынешнего года юность планеты в Гаване.

Президент ВФДМ Эрнесто Оттоне на пресс-конференции, говоря о значении XI фестиваля, в частности, заметил, что он проходит в стране, в которой 20 лет тому назад даже немыслимо было представить подобный форум.

Урок испанского

«Joven del mundo, Cuba es tu casa!» В русской транскрипции это звучит так: ховэн дель мундо, Куба эс ту каса. Вслушайтесь в мелодичность слов: ховэн дель мундо, Куба эс ту каса...

Красив и выразителен испанский язык. Язык Сервантеса и Хосе Марти, Лопе де Веги и Гарсия Лорки, Бласко Ибаньеса и Пабло Неруды, Мигеля Эрнандеса и Николаса Гильена...

Но в бурную жизнь нашего века испанский язык вошел не только литературой. В ноябрьские дни 1936 года все прогрессивное человечество подхватило впервые прозвучавшее у стен осажденного Мадрида и с тех пор не требующее перевода республиканское «Но пассаран!». В словесный обиход поколения тридцатых годов прочно вошли малоизвестные до тех пор испанские названия — Гвадалахара, Эстремадура, Валенсия, Бильбао, Барселона... И не случайно одно из лучших произведений советской поэзии называется по-испански — «Гренада». Риторически звучал

вопрос поэта: «Ответь, Александровск, и Харьков, ответь: давно ли по-испански вы начали петь?» Испанский стал языком интернациональных бригад.

И два десятилетия спустя другое поколение людей вновь открывало испанские слова, вновь отыскивало на карте испанские названия, следя за действиями мужественных бородачей — «барбудос», впервые в истории западного полушария посыпнувших на устои империализма на маленьком острове всего в 180 километрах от США. И еще два боевых призыва — впервые прозвучавшие по-испански, перестали нуждаться в переводе: «Патрия о муэрте! Венсеремос!» Этими словами и сегодня заканчивается каждое выступление каждого представителя свободолюбивой страны, будь то государственный лидер или юный пионер.

Испанский изучали все делегаты и гости XI Всемирного. Изучали по заботливо приготовленным хозяевами разговорниками, по радостным восклицаниям темпераментных гаванцев, по ярким плакатам, смотрящим с каждого здания: «Ховэн дель мундо, Куба эс ту каса!». Переведенная на десятки языков, эта фраза сегодня известна миллионам юношей и девушек, к которым, собственно, и обращена: «Молодежь мира, Куба — твой дом!».

В искренности этой формулировки, думаю, не усомнился никто из гостей Гаваны ни в одну из минут 192 фестивальных часов. И за все это надо поблагодарить хозяев фестиваля. Большое спасибо, дорогие друзья! Мучас грасиас, керидос аминос!

Закончить этот маленький урок испанского языка хочется словами журнала «Куба»: «Главное, не бойтесь, что вас не поймут». Далее следовало пояснение: «Для человека, говорящего по-русски, испанское про-

Они стояли за его спиной
с мохнатыми руками — наготове
и для аплодисментов и предательств.
А площадь к небу факелы вздымала,
из газет сегодняших скривив,
и вдруг увидел я в одной руке,
поднятой ввысь во славу президента,
его тихонько блекущее фото
с каёмкой пепла черно-золотой,
как в траурной скимающейся рамке.
Вот рамка скжаслась, и лицо исчезло.
Я вздрогнул — стало мне не по себе,
хотя живой Альенде на трибуне
ещё стоял, но отблеском тревожным
тех факелов, качавшихся в очках...
А после площадь сразу опустела,
лишь в полуутёме, склоненная наспех,
поскрипывала мертвая трибуна,
лишь городские голуби блуждали
по пеплу бывших факелов толпы,
в него с опаской клювы опуская,
как будто что-то в нем найти могли...

***

Два друга у Энрике были с детства.
Один — из многодетнейшей семьи
рабочего консервного завода.
Второй был сын единственного владельца
какой-то странной фабрики зеркал,
где также выпускались и подтяжки.
Троих детей объединил футбол,
когда они такими же детьми
потрепанный футбольный мяч гоняли,
небрежное подобие ворот
создав на пустыне из школьных ранцев,
демократично брошенных на щебень.
Но ранцы были разными: одни
из дерматина, рвавшегося быстро,
вторые — из свиной шершавой кожи,
и третьи — из шевровой, мягкой-мягкой,
а ранец сына крупного банкира
из кожи крокодиловой был даже
и, говорят, с замочком золотым.
Футбол смягчает классовые чувства,
но он, однако, их не отменяет,
и выражалось иногда в подночках
презрение крокодилового ранца
к облупленности гордой дерматина,
и не скрывал, различием терзаясь,
кожзаменитель ненависть свою.
Свинья кожа колебалась между.
Шеврова с презрением к свиной,
к надменной крокодиловой тянулась,
от зависти скрываемой скрипя.
Но все-таки и поле было общим,
и общая игра, и общий мяч.
У взрослых нету общего мяча —
они его на части раздирают,
и поле общим быть перестает,—
его своим желает сделать каждый,
и общая игра у них сложиться
не может, ибо общих правил нет —
рехнуться можно из-за разных правил

и безнадежно крикнуть: «Где судьба?»
Все сразу — нарушители и судьи.
Три друга постепенно разошлись,
но все-таки старались быть друзьями.
Они ходили вместе на футбол,
и он все больше становился тем
единственным, что их соединяло.
Один из них, став, как его отец,
жестянщиком консервного завода,
был, видимо, и будущий жестянщик.
Второй, не видя смысла никакого
ни в зеркалах отцовских, ни в подтяжках,
был будущий священник, а Энрике
был, как он думал, будущий художник.
Откупорив «Жервезу» на скамье
и вынув из пакета бутерброда,
они сначала обсуждали матч,
переходя к политике текущей.
Футбол еще в нас детство сохраняет,
а наши политические споры
остатки детства убивают в нас.

Жестянщик говорил: «Альенде медлит...
Как это можно — медленно бороться?»
Священник: «Медлит? Хорошо бы, если...
Пугает многих то, что он спешит...»
Жестянщик: «Напугать монополистов
не грех... Я опасаюсь, как бы только
испугом не отдалась они...»
Священник: «А испуг дохозяек?
Они монополистки лишь на кухне,
а ведь боятся завтрашнего дня.
Хватают враз по двадцать пачек мыла...»
Жестянщик: «Все равно им не отмыться
от мелких буржуазных предрассудков...»
Священник: «Ну так что ж — не мыться вовсе?
Когда в глазах дохозяек власть
так ненадежна — дело безнадежно...»
Жестянщик: «Безнадежно ваше дело...»
Священник: «Что такое — наше, ваше?
Понятие единое — народ...»
Жестянщик: «Мне противно быть единственным
с чиновничими рылами тупыми,
с лакейской рожей, с полицейской харей,
с мурлом поповским,
с генеральской рожей
и с мордочкою лисьей торглаша...»
Священник: «Мучас грасиас, амиго,
что не забыл поповское мурло...»
Жестянщик: «Еши, амиго, — напросился...»
Народ, народ... Затрепанное слово,
которым очень любят спекулируют
сидящие на шее у народа,
привыкшие болтать с трибун о том,
как нежно они любят эту шею.
Единого народа в Чили нет.
В народе нашем — два народа:
те, кто сидят на шее у других,
и те, кто эту шею подставляют.
А надо разучиться подставлять.
Маркс нам оставил неплохой учебник:
он ясно говорит, как разучиться...»

Священник: «Бытие определяет
сознание... Как это одномерно!
Сознание ведь тоже бытие.
Христос хотел объединить людей,
а Маркс привел сегодня мир к расколу...»
Жестянщик: «Был расколот мир всегда,
а, кстати, торгаш из храма кто
гнал плеткой? Маркс? Он в личной жизни был
интеллигентней, вежливей Иисуса...»
Так спорили и спорили они,
и молодые кулаки стучали
по выцветшей скамье у стадиона,
не зная, что очень скоро станет
тырьмой для них двоих и для других.
(Жестянщика священник дома спрятал
и брошен был за проволоку с ним,
а после навсегда исчезли оба,
и вместе с ними споры их исчезли...)
Жестянщик был в тырьме и при Альенде.
Он в группу ультраправую попал,
изготавливая бомбы-самоделки,
чтобы навести на всех монополистов
уже совсем нешуточный испуг,
не понимая, что такие взрывы
лишь на руку тем генеральским рожам,
кто под предлогом красного террора
устройт свой коричневый террор.

И в это время кто-то распустил
слух подлый, что не кто-нибудь — священник
«по дружбе» на жестянщика донес.
Рос шепоток за спиной, нехороший —
приятно в нехорошее поверить:
ведь сразу возвышаешься ты сам.
Отнюдь не ультраправые студенты
священнику руки не подавали,
брзгливо морща уголочки губ.
Достойным завершением всего
явилось то, когда отец — владелец
какой-то странной фабрики зеркал,
где также выпускались и подтяжки,
всем заявлявший, что в такое время
всего умней повеситься немедля,
из собственных подтяжек сделав петлю,
сказал однажды сыну с одобрением:
«Ты посадил жестянщика, я слышал?
И правильно. Я думал, что ты рохля.
А ты мужчина. Всех бы их — в тырьму!
Всех красных во главе с их президентом!»

Тогда священник и пришел к Энрике.
Священник был издерган и затравлен.
Стараясь не глядеть в глаза, шатаясь,
измученно он выдавил: «Ты друг?»
«Конечно, друг... Ты ни при чем — я знаю...»
«А кто же слухи эти распустил?
Кто слушал наши споры на скамейке,
а сам трусливо в споры не встревал?»
«Молчал я не из трусости, а просто
из-за того, что иногда жестянщик
казался справедливым, иногда
казался ты, а иногда вы оба,

а иногда ни ты, ни он...» «А кто же?»
«Никто, — сказал Энрике. — Что-то третье...»

Священник, наступая на него,
тряс бледным потным лбом,
как в лихорадке:
«Нет, эти слухи ты распространял!
Ты хочешь быть выше, всех умнее,
и для тебя унизить ложью друга
есть способ возвышенный твоего.
Ты независим от Христа и Маркса.
Ты вечно третий. Ты ни с кем.
Над схваткой.

Ты сам себе сказал: «Я гениален,
и, значит, все, что делаю — прекрасно,
а все негениальные способы
в любую подходящую минуту
на гадости — к примеру, на донос».«
И ты вообразил, припомнив споры,
какие мы с жестянщиком вели,
что ненавистным сделался мне он,
что он мне враг, а разве грех великий
предать врага? Вот что подумал ты...»
«Я не подумал...» «Нет, не лги — подумал!
Так знай — люблю его гораздо больше,
чем самого себя, люблю давно
и только потому давно с ним спорю.
Я, как за брата, за него боюсь.
Он хочет переделать все и сразу.

Он сам, как будто бомба-самоделка,
взорваться может в собственных руках,
убить себя, а множеством осколков
изранить или, может быть, убить
совсем не тех, кого взорвать замыслил,
а самых близких — мать, меня, тебя...
Мне так его предостеречь хотелось,
но я совсем не из ханж в сутанах —
доносом я не мог предостеречь!

А знаешь, кто ты сам? Ты сам — доносчик.

Ты сделал на меня донос толпе,
которая таких доносов жаждет.
Какое наслаждение для ничтожества
доносчиком невинного назвать!
Но есть еще и низость комплимента,
внушающих нам: «Правильно донес...»
Я даже благодарность склонял
за минимум моих доносов от своего
подтяжечно-зеркального папаши...
Вот что со мной, Энрике, сделал ты...»
«Я ничего подобного не сделал...»
«Ты это сделал. Сделал и забыл.
Ты — гений. Это вырвалось. Невольно.
Небрежность отличительной чертой
всех гениев является, я слышал.
Небрежно предал. Не заметил сам,
как предал. Лишь одно твое словечко.
И все. Оно теперь на лбу моем.
Но на твоем его я вижу тоже!»

Пощечиной стегнула больно дверь.
Стоял Энрике, потрясенный ложью,
которую себе о нем придумал,
чтобы спастись от оскорблений, друг.

изношение, в общем, не представляет особых трудностей.

Советские делегаты убедились в этом с первых же аккордов прекрасного праздника на гостеприимной земле социалистической Кубы.

Это здимое слово «солидарность»...

По старой русской примете, приезжать и уезжать в дождь — хорошее предзнаменование. Не знаю, существует ли подобная примета на Кубе. Но если да, то как удалось гаванцам войти в такой идеальный контакт с природой! Шутка шуткой, а лето на Кубе — период тропических дождей, но вот в фестивальных дни ливень обрушился на Гавану лишь дважды: за два часа до начала церемонии открытия фестиваля и за такое же время до заключительного митинга.

Дождь начался настолько внезапно, что сидевшие на трибунах стадиона под крышей не сразу и поняли, почему вдруг парни в желтых рубашках стали дружно скатывать в огромный рулон светло-зеленый клетчатый ковер, покрывающий все поле.

Дождь в тропиках не приносит желанной прохлады, наоборот, подобно очередной порции воды, выплеснутой на раскаленные кирпичи парной, он лишь добавляет влажного жара. Но для того, чтобы промокнуть до нитки, достаточно, по-моему, и одной секунды. Тонны воды падали на стадион, уже готовый принять первые колонны делегатов фестиваля, начинавшие в это время свой торжественный марш на Малеконе.

Дождь лил минут двадцать, но за это время не колыхнулся ни один лепесток фестивальной ромаш-

ки, не дрогнули ровные линии римской цифры XI на живом панно, сотканном на открытой трибуне стадиона 4560 молодыми кубинцами. Ни один зонтик не поднялся на трибуне, дабы не исказить красоты и четкости фестивальной эмблемы. И стадион разразился аплодисментами. Неистово грохотал гром, но, заглушая его, перекатывалось над трибунами задорное молодое многоголосье: «Мир, дружба, солидарность!».

Многое видел Латиноамериканский стадион. Построенный буржуазными предпринимателями в сороковые годы, он был «бейсбольным Монте-Карло», где ставки достигали баснословных размеров, где бушевали алчные страсти, где удовлетворенно поглаживали кошельки одни и разорялись другие. Революция изменила судьбу спортивного сооружения, сделав его одним из центров развития физической культуры. В 1961 году здесь состоялся первый подлинно национальный чемпионат страны по бейсболу, а спустя 10 лет стадион, вдвое расширивший свои трибуны, принял лучшие любительские бейсбольные команды всего мира. На этом стадионе неоднократно выступал с речами Фидель Кастро. В историю страны он вошел как место провозглашения первых преобразований революционной Кубы.

Сегодня Латиноамериканский стадион является крупнейшим и наиболее удобным спортивным сооружением Центральной Америки и Карибского бассейна. 28 июля 1978 года он вписал одну из самых ярких страниц в свою историю. В тот день по его дорожкам прошли представители молодежи всей нашей планеты.

Разные, внешне очень непохожие друг на друга группы входили на стадион — большие, двигающиеся

внушительными колоннами, и маленькие, всего в 5—6 человек (в торжественном параде принимали участие сорок процентов состава приехавших на фестиваль делегаций, остальные находились на трибунах); карнавально-пестрые и сдержанные в одежде; гордо шагающие под флагом своего государства и стыдящиеся его, идущие под стягом с фестивальной эмблемой...

Над колоннами плывут многочисленные плакаты, транспаранты с ярко выведенным: «Нет — нейтронной бомбе!», «Мы — за разрядку!», «Да здравствует мир!»...

Солидарность. Это слово приобрело на фестивале здимость. Нужно было видеть, как в едином порыве, как-то по-особенному вздохнув, встал стадион, когда диктор произнес до боли короткое слово «Чили» и на дорожку вышла группа юношей и девушек, несущих портрет Сальвадора Альенде. Трудным был путь этих молодых людей в Гавану. Некоторые из них добрались сюда нелегальным путем прямо из Чили, страны, одно упоминание о которой щемит сердце каждого честного человека. Большинство же идущих за портретом убитого президента — эмигранты. Фашистский режим Пиночета лишил их самого главного для каждого человека права — права на родину. Из 34 стран мира прибыли они на фестиваль, чтобы еще раз продемонстрировать, что молодость Чили не растоптана, что она продолжает борьбу...

Выступая перед журналистами, председатель Чилийского подготовительного комитета Исабель Альенде сказала:

— Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в состав делегации входят лучшие представители нашей молодежи. Естественно, что мы смогли собраться

благодаря замечательному проявлению интернационализма и солидарности. Поэтому нас на XI фестивале двести человек...

Надо было слышать, как аплодировали, забыв про блокноты и фотоаппараты, журналисты словам Луиса Корвалана:

— Мы не гадалки и не прорицатели. Мы не можем сказать точно, когда будет свергнут диктатор, когда будет свергнута диктатура. И тем не менее мы уверены в том, что пройдет не так уж много времени и над землей О'Хиггинса и Альенде снова взойдет солнце свободы. Пиночет становится все слабее, а мы, наш народ, с каждым днем все сильнее. Мы не сомневаемся, что покончим с ним благодаря борьбе нашего народа и международной солидарности.

Да, солидарность — слово, которое входит в девиз фестиваля — могучее слово. Именно солидарность помогла обуздать агрессора в тяжелой и долгой вьетнамской войне, именно солидарность позволяет вызволить патриотов из фашистских застенков Пиночета, именно она объединяет людей и становится мощным заслоном на пути сил, стремящихся развязать новую мировую войну.

Встать, суд идет!

Эту историю я случайно услышал в гаванском автобусе. Выбывающая самой своей тональностью из общей атмосферы, царившей в те дни в столице Кубы, она настолько поразила меня, настолько врезалась в память, что каждый раз потом, проезжая или проходя мимо этого места, я почти подсознательно останавливал взгляд на высоком здании, печально отражающемся в водах Мексиканского залива. И каждый раз действительно находил сходство его бетонных балконов с серыми глыбами гробов-саркофагов, якобы так задуманных архитектором в память о своем сыне, утонувшем в водах изумрудного залива.

Необычный и жуткий этот памятник своим воздействием заглушал звуки музыки, доносившиеся со всех сторон с многочисленных открытых эстрад.

И вспомнилась фраза, произнесенная шведским студентом на «открытой трибуне» фестиваля. Фраза, смысл которой не может принять нормальный человеческий разум. И в то же время смысл которой должен быть хорошо понят каждым живущим сегодня на нашей планете. «Нынешнее поколение отличается от всех предыдущих тем, что оно может стать последним поколением человечества».

Последним поколением... Существуют уже средства, способные убить все живое на нашей планете. Существуют силы, способные привести их в действие. И некому будет даже сделать балкон-памятник. Гробами-саркофагами станут целые города на мертвый земле...

Схватить замахивающуюся на человечество руку! Остановить ее, пока не поздно! Пока не поздно!

Это стремление объединило на фестивале всех: молодых людей самых различных политических ориентаций, философских направлений и религиозных убеждений, расходящихся подчас в оценках сегодняшнего дня, по-разному представляющих будущее, различными методами пытающихся его строить, но единичных в желании иметь его — будущее. Отстаивающих свое право на него — будущее. И понимающих, что сегодня за это право надо бороться.

Главный враг на фестивале был назван в полный голос, своим именем — империализм. И потому основным событием форума молодежи стал Международный трибунал «Молодежь обвиняет империализм».

Гаванский Капитолий был в свое время построен как точная копия Капитолия в Вашингтоне. Даже кресла, в которых заседали кубинские сенаторы, были такими же, как у их северных соседей. Стремление во всем походить на «северный идеал» было в крови у бывших правителей Кубы, забывших или не желавших понимать, что на самом деле их «правление» сводилось к безотказному выполнению воли тех, кто сидит в Капитолии в Вашингтоне.

Сегодня увенчанное опирающимися на белые колонны куполом, громадное здание на улице Прадо, к которому ведет широченная каменная лестница, отдано Академии наук Кубы. В фестивальных дни здесь был открыт Международный центр антиимпериалистической солидарности. Здесь же, в круглом амфитеатре зала имени Камило Съенфуегоса, постоянно заполненного людьми, заседал Трибунал.

В его составе — видные политические и общественные деятели, юристы многих стран мира, среди

● ПИОНЕРСКОЕ РОДЕО — ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ ФЕСТИВАЛЯ. ● ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЛИСЬ ВСЮДУ. ● КАРНАВАЛЬНЫЕ КАРРОСЫ — СПЛАВ ФАНТАЗИИ КОНСТРУКТОРА И ХУДОЖНИКА. ● МУЗЫКА — ПОСТОЯННЫЙ СПУТНИК МОЛОДЕЖНЫХ ВСТРЕЧ.

которых представители Вьетнама, Франции, Советского Союза, ГДР, США...

На повестке дня — обвинение империализма как системы. Обвинение в преступлениях против человечества:

в сохранении и поддержании на земле колониальных режимов, в проведении политики неоколониализма;

в дискриминации народов по расовым или национальным признакам, по цвету кожи, полу;

в проведении политики агрессии и войн; в насаждении террора, насилия, фашизма.

...В зал заседаний Трибунала приглашается очередной свидетель.

— Скажите ваше имя и страну, из которой вы прибыли.

— Мануэль Руи Алвеш Монтейро. Ангола.

— Вы можете сесть и приступить к показаниям.

Представитель Анголы заявил в своем выступлении, что народ его страны вот уже много лет страдает от различных преступлений, организованных и совершенных ЦРУ, этим орудием американского империализма.

— В задачи ЦРУ, — отметил Руи Алвеш, — входило уничтожение авангарда ангольского народа — движение МИЛА и установление власти машионеточных агентов, что позволило бы империализму эксплуатировать огромные экономические ресурсы Анголы, главным образом горнодобывающую промышленность, в своих военных целях, а также овладеть стратегически важными районами Африки. Для ведения войны против ангольского народа ЦРУ вербовало наемников, которые прибегали к массовым убийствам, поголовному истреблению мирных жителей, пыткам и террору.

Посланец Анголы продемонстрировал суду оружие, захваченное у наемников — американское, бельгийское, английское, западногерманское, южноафриканское, китайское.

— Перед лицом этих очевидных доказательств, — подчеркнул ангольский делегат, — мы говорим, что самым грубым нарушителем над китайским народом стал тот факт, что пекинские правители оружие, изготовленное руками молодых китайских пролетариев, вложили в руки наемников, оплачиваемых ЦРУ.

В заключение Руи Алвеш сказал:

— Все молодежные организации должны считать одной из своих важных задач упорную и неустанный борьбу против империализма, против ЦРУ, этого всемирного центра преступлений. Необходимо также дать открытый бой всем тем, кто, извращая идеи Маркса и Энгельса, прибегает, сидя в Пекине, к действиям, которые как нельзя лучше отвечают интересам империализма, рождающей смерть и ужас.

Немало гневных и пламенных выступлений услышал Международный трибунал, немало вещественных и документальных доказательств преступлений империализма против человечества было представлено на его заседаниях.

По каждому пункту расследования этих преступлений было вынесено обвинительное заключение. Вот лишь один пункт из обвинительного приговора, вынесенного делегатами Всемирного фестиваля:

«Мы осуждаем империализм за то, что он несет постоянную угрозу народам, стремясь задержать прогресс человечества даже ценой его уничтожения».

Даже ценой его уничтожения... Вдумайтесь в эти слова. Перенесите их с бумаги в вашу реальную жизнь. Примерьте их на себя, на ваших детей... Да, вот чего хотят, вот к чему ведут империалисты. Но так же твердо и решительно, как в тридцатые годы, звучало на многочисленных митингах фестивальной Гаваны интернациональное «Но пассаран!». И бескомпромиссный голос молодежи планеты, единодушно выражавшей свою волю, вселяет уверенность в будущем мира. В светлом будущем. Потому что какие сегодня мы, молодые, таким будет мир завтра.

...Проехав последний раз по набережной, где стоит поразивший меня дом-памятник, я снова взглянул на него. На этот раз, раскрашенный флагами пропаганды с делегатами и гостями фестиваля, он не показался мне таким мрачным. Но серые его балконы все же напоминали, что есть еще на земле вещи, забывать о которых нельзя никогда.

В Мирамаре у русского самовара

Этому пузатому трехведерному красавцу сейчас, пожалуй, самое место в музее. Во-первых, согласитесь, далеко не все самовары совершают на комфортабельном лайнере путешествие за океан. Во-вторых, его популярности может позавидовать иной киноартист: и не сосчитать, сколько фото- и кинообъектов отразилось в его сияющей поверхности, сколько метров пленки истрачено на то, чтобы увезти домой

фотографию, напоминающую о посещении Клуба советской делегации... Я уж не говорю о том, сколько чашек ароматного чая было выпито вокруг него в одном из красивейших районов Гаваны—Мирамаре.

До революции здесь был яхт-клуб, который могли посещать только миллионеры, только «золотая молодежь». Сейчас это Дом Революционных вооруженных сил. А на время фестиваля—Клуб нашей делегации. Здесь есть все, что должно быть у клуба,—залы и многочисленные уютные помещения, просторные холлы и террасы, открытая эстрада, кафе и танцевальные площадки... И плюс к этому—море, подкатившее свои изумрудные, лазурные, ультрамариновые (можно перебирать десятки оттенков) и все же не найти нужного! волны прямо к порогу Клуба.

В советском Клубе всегда было многолюдно. Здесь можно было побывать на концерте и посмотреть советские кинофильмы, просто потанцевать и посетить литературный и музыкальный салоны, выставку молодых художников-графиков и выставку издаваемых в нашей стране книг. И уж никто не оставлял без внимания яркую экспозицию, рассказывающую о Ленинском комсомоле, о его многосторонней деятельности, вкладе в коммунистическое строительство.

Но, конечно, главное, чем привлекал Клуб,—это возможность интересных встреч. Советская делегация с первого дня пользовалась на фестивале огромной популярностью. Популярность эта прежде всего объясняется признательностью молодежи планеты нашей страны за ее миролюбивый и реалистический внешнеполитический курс, за неутомимую и целесустримленную деятельность на благо мира, свободы и независимости всех народов.

И хозяева и гости кубинской столицы с большим воодушевлением встретили приветствие участникам фестиваля Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева. В приветствии дается высокая оценка современному международному молодежному и студенческому движению и, в частности, говорится, что оно «носит значительный вклад в борьбу миролюбивой общественности за устранение угрозы новой мировой войны, за укрепление процесса разрядки, достижение взаимопонимания и дружбы между народами».

Делегация, представляющая молодежь первой в мире социалистической страны, была на Гаванском фестивале одной из самых многочисленных. В нее входили юноши и девушки всех республик, краев и областей СССР: рабочие и колхозники, молодые ученые и инженеры, учителя и работники культуры, студенты и школьники. Каждый пятый советский делегат—передовик производства. Каждый четвертый удостоен высоких правительственные наград, знаков отличий ЦК ВЛКСМ. Среди наших делегатов было 155 депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов республик, местных Советов.

В Клуб советской делегации привезли большими группами на специальных автобусах и заходили просто так, «на огонек».

Однажды вечером в Клубе советской делегации собирались бамовцы из двух стран.

Это не оговорка. На Кубе полным ходом идет строительство Центральной железной дороги длиной 840 километров—от Гаваны до Сантьяго-де-Куба. Молодежь объявила ее своей ударной стройкой и назвала «кубинским БАМом». Строителей двух БАМов связывает крепкая дружба. Делегация советских комсомольцев уже приезжала на Кубу и заключила договор о соревновании, итоги которого подводятся регулярно. Вот и в тот вечер наши ребята вручили кубинским друзьям рапорт о своих трудовых успехах.

Секретарь комсомольской организации одного из участков Центральной железной дороги Рамон Родригес говорил:

— Мы знаем о замечательных успехах советских друзей, строителей БАМа, они служат нам примером в нашей работе. Ударным трудом встретили мы Всемирный фестиваль, а сейчас главная наша задача—закончить сооружение основных объектов железной дороги к 1980 году.

У этих ребят, рассказывающих друг другу о своих успехах, делящихся планами и понимающих друг друга профессионально—не то что с полуслова, а с полужеста, у них впереди еще много новых встреч. Но, несомненно, они надолго запомнят свою первую встречу—на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов, в Клубе советской делегации.

Запомнил свое посещение «советского дома» в Гаване и каждый из почти трех тысяч человек, приходивших сюда ежедневно.

«Советской молодежи, делегатам XI фестиваля молодежи и студентов. Примите самый горячий привет от кубинского народа, который встречает вас как самых верных наших братьев. Желаем вам больших успехов на этой важной встрече молодежи мира. Рауль Кастро»—такую запись в Книге почетных гостей Клуба советской делегации оставил второй секретарь ЦК Компартии Кубы, первый заместитель

Председателя Государственного совета и Совета Министров Рауль Кастро.

Весь мир на площади Революции

Итоги гаванской встречи еще долго будут изучаться политиками и историками. Это был самый представительный из всех прошедших форумов молодежи мира. Делегаты фестиваля—коммунисты, социал-демократы, социалисты, радикалы, католики, демо-христиане—люди самых разных политических убеждений и взглядов, убедительно продемонстрировали полное единодушие в главных задачах, стоящих перед молодежным движением планеты.

В принятом на гаванском форуме «Призыва к молодежи мира» делегаты фестиваля обратились к каждому честному человеку:

«Расширим наши действия в интересах мира во всем мире, разрядки, международной безопасности и сотрудничества, прекращения гонки вооружений и агрессивных империалистических войн, за всеобщее и полное разоружение. Возвысим во всем мире наш голос протesta против планов разработки и производства новых типов оружия массового уничтожения, таких, как нейтронное оружие.

...Объединим наши усилия во имя

— новых побед народов;

— новых успехов международного революционного, демократического и прогрессивного молодежного движения;

— антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы.

Да здравствует Всемирный фестиваль молодежи и студентов!»

Эти слова, зачитанные героиней вьетнамского народа Во Тхи Тханг, прозвучали в день закрытия фестиваля на самой большой площади Гаваны—площади Революции.

Эта площадь—центр кубинской столицы. Четко вырисовывающийся на бело-розовом фоне Гаваны пятиугольный обелиск монумента Хосе Марти виден отовсюду. Начиная с гигантского митинга 26 июля 1959 года, когда площадь получила свое гордое имя, здесь собираются кубинцы, чтобы отметить памятные даты в истории страны, почтить память тех, кто погиб, выполняя свой революционный долг, утвердить важные законы, приветствовать высоких гостей.

Эта площадь, вмещающая до миллиона человек, в день закрытия фестиваля приняла «весь мир».

По всей планете разнеслись произнесенные с ее трибуны слова благодарности делегатов фестиваля кубинской молодежи, героической стране, которая ныне посыпает, как маяк крепости Эль Морро кораблям, свет надежды многим народам.

«Мы еще раз поднимаем наши голоса, звучащие на всех языках планеты, с требованием немедленного прекращения преступной империалистической блокады Кубы и безоговорочной ликвидации военно-морской базы США в Гуантанамо».

Фестиваль прощался с Кубой, Куба прощалась с фестивалем. Немного грустное, как и каждое прощание, оно все же меньше всего напоминало о разлуке.

Бурей оваций аккомпанировала площадь Революции словами Фиделя Кастро:

— Это была встреча лучших представителей молодости мира, в сердцах которых пылает пламя идей братства между народами и которые посвящают себя служению самому благородному делу. Особенно ярко проявилось в дни Фестиваля стремление молодежи крепить солидарность и защищать мир. Солидарность—это необходимое условие успешной борьбы за прогресс человечества. Чтобы сохранить мир, отстоять право на жизнь и лучшую судьбу для всех народов в эту ядерную эпоху, когда не прекращаются промиски поджигателей войны, авантюристов, человеконенавистников, молодежь мира провозглашает: «Войне—война!», «Поджигатели войны не пройдут!». Народы никогда не согласятся ни с угнетением, ни с самоуничтожением. Они сумеют завоевать мир и свободу.

...И снова, как на каждой подобной встрече послевоенных десятилетий, грянули мощные аккорды Гимна демократической молодежи. Молодость мира, собравшаяся в тот час на гаванской площади Революции, дружно подхватила знакомые слова:

Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

● ТЫСЯЧИ АВТОГРАФОВ БЫЛИ ДАНЫ В ЭТИ ДНИ В ГАВАНЕ. ● СОТНИ ЗНАКОМСТВ ЗАВЯЗАЛИСЬ НА КУБИНСКОЙ ЗЕМЛЕ. ● ПОД АККОМПАНИМЕНТ ГУДКОВ СТОЯЩИХ НА РЕЙДЕ КОРАБЛЕЙ ЗАЖЕГСЯ В НОЧНОМ НЕБЕ ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК.

Давнее

На завалах беды и разрухи,
Где не баловнем парень возрос,
По углам торговали старухи
Трын-травой набивных папирос.

По твою комсомольскую жилку,
Что блатной шелухе невтерпеж,
Тени зла собирая в ужимку,
Закоулок оттачивал нож.

Хоть юнца не спасало куренье
От избытка голодной слюны,
Но салюты победной сиреной
Расцветали над игом штаны.

Потому и на ринге обласкан
Полновесным добром новичок,
И ввнтился в застиранный лацкан
Областного калибра значок.

Хоть запретную финку на случай
Согревал ты в худом рукаве,
Но сирене за престреленной тучей
Распускалась на зло трин-траве.

Юбилей

Без единого междометия,
Кроме тихого «ну и ну»,
Отмечая двадцатипятилетие
Непокоя в грозном плуне.

Слава русскому богу Случаю:
Мне из добрых и злых княгинь
Он доверил, бесспорно, лучшую.
Чья победа? Кому аминь?

Вот загадка из древней повести,
Словно молния взорвавшая:
Звезды вечности в скором поезде,
Черту с ангелом по пути.

Строчка светится нитью жемчуга,
Или мне за полынью лет
Улыбнулась грустная женщина,
Пряча в сумку чужой билет?

Скоростная (тем драгоценнее)
Сказка выжила не в грязи:
Поседеешь за два мгновения
И не скажешь «притормози».

Пророк

Стукнет первыми каплями
Вихревой листвопад.
Вот по ставням царнули,
За которыми спят.

Предрекая пожарища,
По четыре копья
В кулаках угрожающие
Сотрясают Илья.

Но в домах не откликаются—
Крепок сон трудовой,
И пора с этим свыкнуться
Трескотне громовой.

Из поэмы «Разинские колокола»

СЛУХИ

Как рождается о чуде молва?
Буйный ветер шевельнет жернова.

— Братцы, Стенку изловили.— Да ну?
— Видел, небо полыхнуло в Дону?

— Не гуляет рыбаком по реке.
Подцепили за усом. На крюке.

— Байки в сторону, глумливая рвань.
Языка об этот нож не порань.

Стенка долго ли в тюрьме ночевал?
Давит косточки царев сеновал.

Узник вычертил гвоздем на стене
Востроносую ладью в буруне,

И темницу закачала река.
Прободался лунный рог с потолка.

Тут железные запястья— бутых,
Навидался атаман золотых.

Персиянку посадил на корму,
Сам за весла— не догнать никому.

И не видно сквозь туман трех веков,
Чьи такие жернова— кто каков?

ПАМЯТЬ

Готическим эхом

гримя в ресторанном подвале,
Про Волгу и Стенку

по-русски они распевали.

Вручили на память
советскому гостю открытку—
Радушные парни.

А ночью он выдержал пытку...

Коллеги из Мюнхена,
добрые дяди и тети!

Вы так о России
любовно и складно поете!

Вам нравятся сени и сани,
кремлевские стены,

березы, морозы,
но только без нашей системы.

Вот если бы звезды или карты
изменился порядок,

Уж вы бы над Волгой
повесили небо из радуг.

И вмиг исцелило бы
каждую нашу болячку

Баварское чудо.
Но мы тяжелы на раскачку.

Еще тяжелее
галактика высших понятий,

Чем древние смути,
чем тени палат и полатей,—

Вросла в эти башни и басни,
в кресты и святыни

И помнит, и помнит, и помнит
о каждой Хатыни.

ЧУДЕСА

Бродят слухи по загробной темноте,
Будто люди на Руси уже не те.

Эти бояжьи распахали целину
И забросили телегу на луну.

Не каракули подметного письма—
На колесах. Даже бегает сама.

— Чудеса-то, братцы, новые печем,
Только надо разобраться, что почем.

Из-за дьявольской затеи на Руси
Нынче дохнут по озерам караси.

Чебаки не хороводятся в Дону—
Улетели за телегой на луну.

— А зачем тебе, детинушка, уха?
Ты же помер. Бестелесная труха.

Развалился, чтобы в омыты реки
С неба прыгали потолще судаки.

Стенка Разин из бесовского ядра
Чудо выловит без лодки и багра.

А покуда разбирается, темнота,
Та Россия или чуточку не та.

Журналист

Я разглядывал звездную пасеку
С лежака стационарной скамьи,
Поместив многомудрую классику
Под сумбурные мысли мои.

Я за очерком гнал по распутице—
Осчастливить глубинный колхоз—
И не знал, что рифмы накрутятся
На машинные цепи колес.

Правда, что-то лепилось урывками,
Находило нечаянный лад
И мычало тревожными рифмами
Между строк о болезни телят.

Донская баллада

Вильнет хвостом смазливая русалка,
Преобразит волну в зеленый куст
И расшибет о палубу. А жалко—
Так был красив и по-юньски густ.

Висящий в мореве набросок моста
(Сиреневые хорда и дуга)
Прочертится, врастая в берега...
Речная ведьма все-таки бесхвоста.

По отмели в числе своих красот
Плавник, уже отстегнутий, несет
И чувствует себя царицей гордой,
Не восхищаюсь ни дугой, ни хордой.

А на предплечье моториста Феди
Такая дама выколота в рост,
Где скакет, изгибая мокрый хвост,
И лезет на плечо красное меди.

Весь день по стойке Федя— не присядь.
Одетый лишь в засаленные брюки,
Русалку заставляет он плясать,
Поигрывая мышцами от скучи.

Вдруг бестия с покатого плеча
Скользнула в Дон, и тюлевая пена
За неё растягивает постепенно
Шлейф памяти и бесится, плачет!

Нет, не дадим ожить былым печалим:
Дремотно загорая на мели,
Русалка уменьшается вдали.
А мы балладу к берегу приличим.

Приятелю

Не плутая в темных истинках,
Побродил я в том краю,
Где под сенью хвойно-лиственных
Жить вольготно комарю.

Под зелеными хоругвями
Наспех вырванной ольхой
Отбивался после ругани
От кикиморы глухой.

Но покуда ты выискивал
Некий гвоздь на потолке,
Мне выщелкивала истина
Небылицы в лозняке.

EX LIBRIS
СМЕНЫ

Рассказ о событии года

«Конституция действует, живет, работает» — так называется этот необычный фотоальбом, подготовленный творческим коллективом газеты «Известия» под общей редакцией П. Ф. Алексеева — главного редактора газеты. Он вышел издательство «Советская Россия».

Это первая попытка образным языком публицистики и искусства рассказать о принятии Основного Закона нашей страны.

В альбоме воспроизведены важнейшие государственные и политические документы всенародного обсуждения проекта Конституции СССР, материалы Пленумов ЦК КПСС, внеочередной сессии Верховного Совета СССР, текст Конституции СССР и другие документы, связанные с принятием ее.

Это издание отличается от обычного представления о фотоальбоме: авторский коллектив (составитель — О. В. Цыганов, художник макета — Л. В. Козлов, оформитель — В. Ф. Розанцев и В. В. Тринченко) в основу альбома положил оформительские принципы газетной полосы.

Материал альбома строго документален. На суперблажку вынесена фотография главного номера года, номера, рассказывающего о принятии Верховным Советом СССР Конституции нашей страны. Этот выпуск «Известий» стал изобразительным эпиграфом к книге.

На первом развороте — письма тружеников, лежащие на редакционном столе. Тысячи и тысячи читателей участвовали во всенародном обсуждении проекта Основного Закона страны. Их письма свидетельствуют о единодушном одобрении политики партии и правительства. Полоса газеты шестого июня. Седьмого и восьмого июня. Одиннадцатого и тридцатого июля. Восьмнадцатого августа. Восьмого сентября. Поток писем не ослабевает. Народ с громадной заинтересованностью обсуждает проект своей Конституции.

Листаем страницы альбома. Яркие и выразительные снимки столицы нашей Родины — Москвы, широкая фотопанорама страны, сочные, цветные плакаты, на которые вынесены плавленные слова Генерального

секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильинича Брежнева,— все это создает ощущение приподнятости, праздничной атмосферы трудовых будней года. Года, ставшего историческим. Года принятия новой Конституции.

Как диссонанс торжеству социалистической системы введена в книгу «черная тетрадка-негатив», метким штрихом, в нескольких сюжетах показывающая попранье прав человека в капиталистическом мире.

Мощный аккордом звучат финальные страницы книги. Здесь торжествуют все цвета радуги. Это повесть о счастливой и радостной жизни Страны Советов, о прекрасных и чистых пейзажах нашей Родины, о ее полях, новостройках и, главное, о неизвестном облике советского человека — человека новой формации, гордо и спокойно смотрящего в свое светлое будущее.

Олег КИРИЛЛОВ

ПРОЗА

Постижение жизни...

Как тую скрученный канат перехватывает эта мысль все 720 страниц книги Юрия Нагибина «Остров любви» («Молодая гвардия», 1977 г.), сков воедино, казалось бы, такие различные судьбы и такие несходные столечия.

В новеллах о детстве Юрий Нагибин повествует о становлении самого себя. И когда он говорит: «...минувшее не становится для меня перевернутой страницей», понимаешь, что познание, как медленный рассвет, год от года захватывает автора, когда он проходит по памяти своего детства. Пора эта, выпавшая на начало 30-х годов, была насыщена вопросами и совсем-совсем не наивными размышлениями. «Добрые не умеют обижаться», «Плохие всегда несчастные» — слышал автор. И, «выныкивая неистраченными глазами» суть жизни, он взрослеет.

Пожалуй, самая романтическая новелла детства «Заброшенная дорога» — «главное чудо дня», как назвал ее автор.

В незнакомом лесу случайно повстречавшийся мальчик расчищал давно заброшенную дорогу. На недоуменный вопрос автора мальчик объяснял: «...может, кто-то на другом конце тоже пробует ее расчистить? Кто-то идет мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам застывать... Без дорог никто не будет вместе...» И только через много лет «так нежданно и властно разбуженный для прошлого» автор понял того мальчика. «В моем сердце, — говорит он, — начиналось многое, многое, ведущих к разным людям: и близким, и далеким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим доро-

гам я был нужен... Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополохи, и краиву, и всю прочью нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их... Но если я преуспевал в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение...

Порой ловишь себя на мысли, что через час сильно 8—10-летний мальчик переживает некоторые события своего детства. Правда, Юрий Нагибин тут же предупреждает нас: «...доверяться душевной памяти можно лишь с теми внутренними огнеками, с какими мы соглашаемся признавать тождество поэта с его лирическим героем».

Человек не может быть один, его «сердце живет встречами, надеждами, расставаниями...», «...ожженный страстью, насколько сильнее он спокойных наблюдателей жизни...» — с этими словами упились алые паруса детства автора.

А продолжением вошли другие: «...ничто в мире: ни деревья ни тайна, ни мечта — не может сравниться в очаровании с человеком».

И Юрий Нагибин во втором разделе книги — «Вечные спутники» — рассказывает о великих творцах прошлого, утверждая тем самым, что человеческая личность формируется не только настоящим, но и прошлым, теми великими творениями, которые доходят к человеку в образах истории, в словах книг, в звуках музыки. Рахманинов, Пушкин, Чайковский, Верди, Вагнер, Тютчев, Лесков, Тредиаковский, Бах и др. — эти жизни исполнены стихий и радости творчества, печали и поиска, счастья в труде и любви. Автор не стремится показать судьбы великих людей прошлого. Нет, в книге гении только начинают путь в бессмертие, только еще ищут свой «остров любви», свое самовыражение, поднимаясь над созданным, и в стремлении сблизиться с жизнью постигают ее суть.

Николай РЕШЕТОВ

На войне как на войне

Автор этой увлекательной и волнующей книги («Фронтовые дороги», Воениздат) польский писатель Вальдемар Котович, как и его герой, сам прошел суровую школу войны, командовал диверсионным взводом, воевал во 2-й армии Войска Польского, был ранен, награжден многими орденами и медалями.

Тому, что говорит писатель, веришь, так как прочитанное воспринимается не только как художественное произведение, но и как откровение очевидца, участника всех описываемых им событий, исповедь человека, горячего нашего послевоенного поколению: вот как это было! Вот какой ценой нам досталась Победа!

Читавши повесть и ясно видишь молодых, еще не обстрелянных бойцов, сидящих в окопах... между двумя, яростно перестрелившимися сторонами под акуальным куполом из светящихся пули и ракет, когда «личная неприязнь, мелкие обиды сразу же поблекли и стали несущественными перед лицом действительного противника. На передовой глаза у бойца видят сразу на три стороны, вверх и вниз. Он мыслит быстро и точно, а постоянное нервное напряжение придает энергии, подавляет физическую усталость...

Писатель неторопливо, подробно рассказывает о боевых операциях солдат; рассказ ведется от первого лица, он биографичен — вот почему у читателя такая уверенность в правдивости описываемого.

Особенно запоминаются эпизоды схваток с врагом, чувствуя нервное напряжение боя, волнение солдат, их отчаянность, их готовность выполнить приказ, и сам невольно становишься не только свидетелем, но будто бы и участником боевых действий.

Повесть необычна по манере исполнения. В ней нет вступления, характерного для этого жанра, кульминации, развязки, но в ней все играет, работает: работает потому, что с самого начала идет главное, — кончается оно, и повесть кончается... Но в памяти остается наряду с многими другими такой эпизод: польские и советские войска наступают, идет битва не на жизнь, а на смерть, но вот смертельно раненный немец просит о помощи, и советская санитарка, выставив сумку с красным крестом вперед, торопится его перевязать. Солдаты, офицеры недоумевают, ведь рядом в кустах засели живые фашисты, да и этот наверняка убил не одного, но он просит о помощи, санитарка перевязывает его, и никто почему-то не смеет его трогать, хотя не один, вероятно, подумал так же, как главный герой повести: «Эх, если бы не эта девушка, мой нож уже торчал бы у него под ребром, а затем мы с Чеславом спрятались бы за труп, как за укрытие, и швырнули бы несколько гранат в кусты, ребята успели бы подняться... но нет, раненого... лежачего... нет!» Вот он, настоящий гуманизм...

А сколько подобных примеров было на этой губительной войне! Мне кажется, что подобная человечность со стороны советской санитарки и солдат-освободителей тоже сыграла свою роль в нашей великой Победе.

Нельзя без волнения читать и эпизод, в котором описывается вызвложение узников разных национальностей, вывезенных фашистами на принудительные работы, из концлагеря. Сколько радости, счастливых слез благодарности и веры в то, что Советская Армия в содружестве с армиями социалистических стран победит во что бы то ни стало! Так оно и получилось. А иначе быть не могло.

В повести не указаны даты и месяцы войны, но ясно, что автор описывает самые трудные моменты своей фронтовой биографии и биографии воинов 8-й пехотной дивизии 2-й армии Войска Польского.

Книга Вальдемара Котовича — автобиографичная, правдивая, волнующая — внесла свою определенный вклад в «Библиотеку Победы», в которую включены лучшие произведения, написанные и изданные издательствами нашей страны и стран социалистического лагеря в ознаменование 30-летия Победы над гитлеровским фашизмом.

Леонид ВЫОННИК

Сибирью связанные судьбы

«Сибирью связанные судьбы»... Герои этой книжной серии, издаваемой в Новосибирске, — замечательные люди, родившиеся в Сибири или посвятившие ей свою жизнь.

Книга Нины Макаровой «Жду подвига от вас» (Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство) пополнила «Сибириаду» рассказом о заслуженном агрономе РСФСР Анне Николаевне Скалозубовой, всю свою жизнь занимавшейся созданием ценных сортов пшеницы для Сибири.

Автор книги Нина Макарова — сибирячка, она родилась в Тайге, жила и работала в Новосибирске. Ее новая книга о прославленной землячке пронизана любовью к прекрасному краю и его людям и подкупающе достоверна и поэтична в описании тех мест, куда забрасывала судьба Анну Скалозубову. А создавать новые сорта пшеницы ей довелось и над вечной мерзлотой в Якутии, и в предгорьях Саян, и на солончаках Кулундинской степи. Сибирская природа сурова, но она может и щедро вознаградить человека за его самоотверженный многолетний труд — теперь по всей Сибири растут сорта пшеницы, созданные Анной Скалозубовой.

Напутствуя Анну Скалозубову перед ее отъездом в Якутию для участия в создании там первой опытной селекционной станции, Н. И. Вавилов сказал: «Жду подвига от вас». И она оправдала его ожидания. Вся ее жизнь — упорный ежедневный труд во имя общей пользы, самоотречение и преодоление бед и разочарований, борьба не только с вечной мерзлотой, но и с предрассудками необразованных людей, с догматизмом в науке — стала подвигом.

Нина Макарова серьезно и увлекательно рассказывает о труде и искусстве селекционера, но так как ее книга обращена к молодым, писательница поставила перед собой еще одну, не менее важную задачу — задачу нравственного воспитания молодежи. В работе над книгой об Анне Скалозубовой писательница собрала много документального материала, и читатель с интересом задержится на страницах, посвященных людям, чьи судьбы так или иначе были связаны с семьей Скалозубовых, — это выдающиеся учёные К. А. Тимирязев и Н. И. Вавилов, художник В. М. Максимов, советский полководец М. В. Фрунзе, колхозный академик Т. С. Мальцев. И, рассказывая обо всех этих людях, писательница ведет неназойливый разговор о выборе профессии и призвании, о честности и довери, о любви и дружбе...

Анны Николаевны Скалозубовой больше нет, но связь времен не прервалась и преемственность поколений не исчезла — на ее опытное поле пришла молодость, ищущая и мечтая о новых победах, которые помогут выполнить завет люби-

мого учителя Анны Николаевны Н. И. Вавилова: «Мы должны привести в порядок весь замной шар».

Маргарита ВАШКЕВИЧ

У острова Надежды

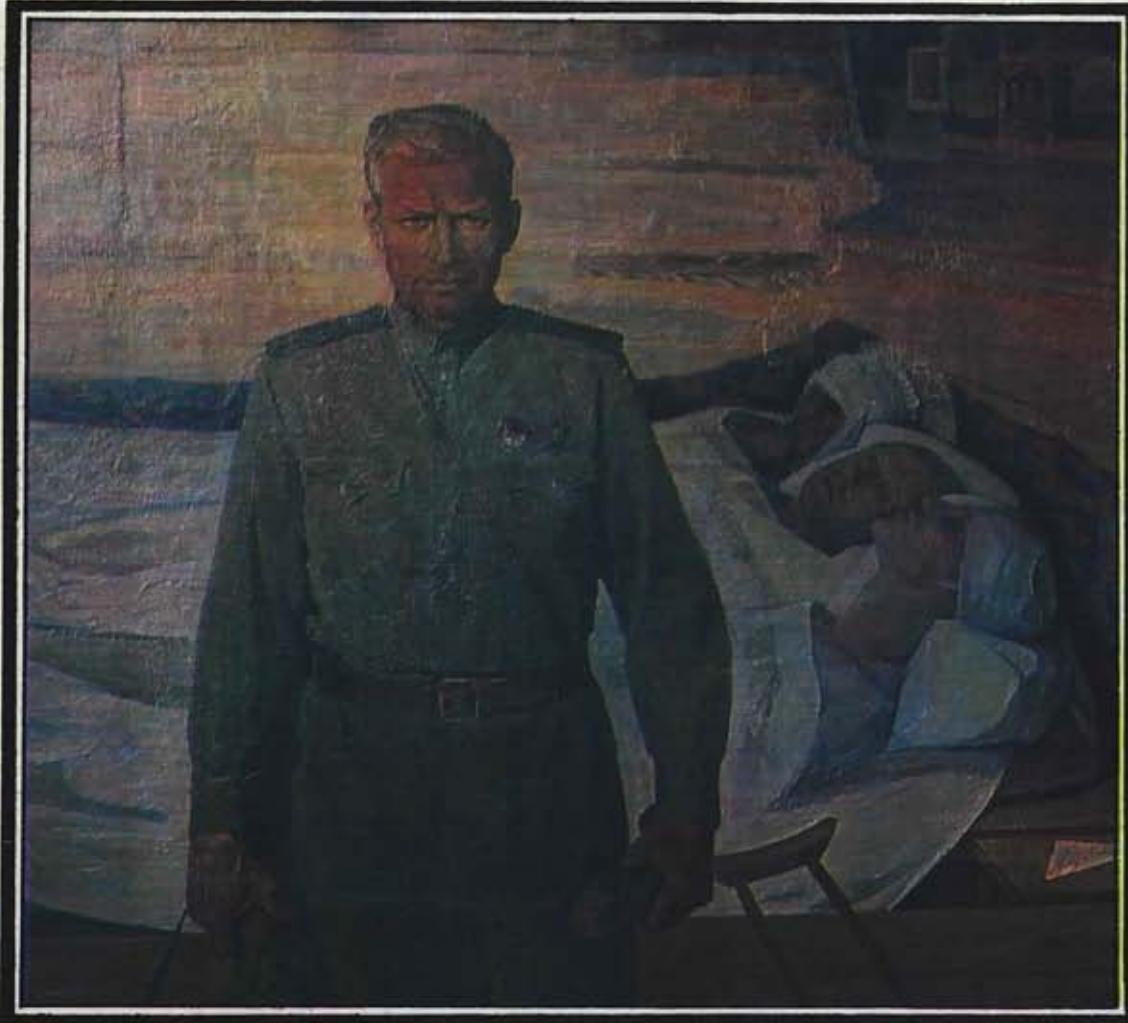
Жанр своего нового произведения «Кораблекрушение у острова Надежды» (изд-во «Детская литература», 1977 г.) Константин Бадигин определил так: роман-хроника времен XVI века.

В романе умело и тонко переплетено несколько сюжетных линий. События конца XVI века в России уже сами по себе драматичны. Внезапная смерть Ивана Грозного, с которой начинается книга, борьба за власть в так называемом «регентском совете», коронование на царство слабоумного Федора Иоанновича и фактическое правление Бориса Годунова, иноземная угроза за России со стороны польского короля Батория, убийство славленного в Углич малолетнего царевича Димитрия, массовое бегство крестьян из центра страны на окраины, отмена Юрьевы дни, постепенное нарастание больших народных волнений... Особое место в романе занимают двор английской королевы и хитрые дела ее купцов, имевших и без того право малаопшинной торговли в Русском государстве. «Русские расширяют свои владения на Севере, почему не сделать это англичанам?» — рассуждают торговые люди Англии. О заговоре англичан узнают поморы, смельчаки и предпримчивые люди. Во главе с отважным кормилицем Степаном Гурьевым отправляются они в Скифское море, нагоняют высадившихся на остров «зимородковых разбойников», кочи которых, кстати, проводили в опасных северных льдах такие же поморы, русские мореходы, ловко обманутые иностранцами, не посвятившими их в истинную цель экспедиции. Тяжелы картины вынужденной зимовки на острове. Непроглядная полярная ночь. Дикие метели и бураны, не позволяющие целыми неделями ступить за порог. Страшная северная болезнь — цинга... Но все вынесет русский человек, если знает, что страдания и смерть принимаются не за «песчаных шуреков и моржевые клыки», а за нечто большее, высокое и, может быть, главное в жизни: за землю, которая «наша» и которую «надо обороны».

Исподволь выводит автор эту мысль на первый план романа, и мы понимаем, что крушение у острова своих надежд потерпит всякий, кто бросит хищный взгляд на чужое, кто посягнет на нашу землю.

Книга написана ярко, увлекательно, главы сменяются с кинематографической быстротой, языки жив и разнообразен, характеры героев неоднозначны, в сам материал книги поучителен и интересен всякому, кто любит историческое повествование.

Надежда КОНДАКОВА

Владимир ФИРСОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького
и премии Ленинского комсомола.

ПРОСВЕТЛЕННОСТЬ

Художник, если ты подходишь к холсту, берешь кисть, наверно, не только уже мысль, не только уже образ—мыслей чувственное единение—овладевает тобой. И не магия рисунка и не магия умелого мазка, что делает твою работу живой. В этом, конечно, есть таинство, как есть оно в профессионализме, который потому и профессионализм, что множество раз проверен любовью к делу, легким, совсем неощущим на первый взгляд владением его техникой. Мне хочется думать о некоем таинстве, называть которое беседой было бы слишком просто. Потому что, если художник хочет говорить с тем, кто видит его линию, с тем, кто видит его краски,—тогда он не думает об этом зрителе просто как о зрителе, созерцателе, ценителе. Он думает о нем как о собеседнике.

И если ты художник, если тебе есть что рассказать—линия твоя, мазок твой, видение твое станут переживать, спорить, чувствовать, помнить.

Вот оно, таинство, вот он, язык, каким может говорить память взгляда, сердца, ума.

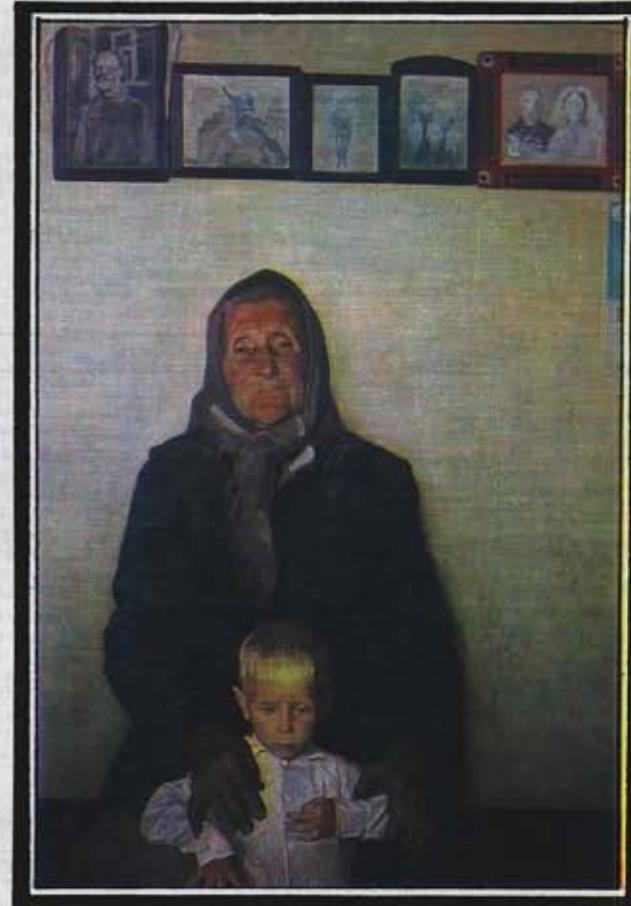
Я не хотел бы пропространно рассуждать и задавать себе вопросы, извечные вопросы, когда хочешь, силишься понять и проникнуться тем бесценным ощущением жизни, которое дарит нам искусство. Наверно, это было бы слишком трудно да и довольно общо—задаваться этими проблемами. Тем более, если предстоит рассказать о тех, к кому я так, возможно, излишне, риторически обратился с первых же строк,—о художниках.

Ольга и Леонид Тихомировы пришли в большое искусство тем же путем, что и многие другие, кто познал и горечь творческих неудач и радость понимания. Пришли благодаря труду, упорству: ведь только они возвеличивают способности, данные природой, до таланта. И вот, глядя на их картины, всякий раз как бы снова и снова мысленно составляя экспозицию их творчества, я думаю не только о труде, упорстве,

поиске. Думаю и о том, какая же это смелость—прити учиться искусству и сразу сказать этому требовательному учителю: «Со мной—моя судьба. И я хочу, чтобы изящество ваших уроков слилось с ее трудным опытом. Я хочу рассказать о нем людям. И если сумею это сделать, только тогда и скажу тебе: «Искусство, я—ученик твой».

Тихомировы начали с пейзажей. Леонид наделял природу на своих полотнах внутренним миром далекого детства, нелегким грузом воспоминаний. Нелегким, потому... Да что и говорить, прошел войну—разве этого недостаточно, чтобы каждому из нас сразу же ощутить этот его груз. Но так же, как израненный Воин после последних залпов 45-го гладил землю, родившую первый мирный хлеб, и этот хлеб и этот человек, повторяю, были **мирными** после такого страшного испытания,—так же и художник, прошедший его, органично обращается в 50-х годах к

АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВНА.

СУДЬБЫ.

московским дворикам, деревенским околицам, ко всему, за чем уж никак не угадаешь разрывы снарядов. Вот тогда, думается, и возникла у Леонида уверенность: искусство может быть памятью, но память эта должна быть чуткой по отношению к людям. Ведь можно навсегда оставаться раненным страшным видом раны, а можно, глядя на нее, уже видеть все то, что будет, когда она заживет. И взгляду этому научить людей.

Пейзажи Ольги, своеобразные своим колоритом—краски чистые и какие-то удивительно густые, плотные,—поражают чувством восторженности, постоянным ощущением движения, не только вложенным в изображение чуткой кистью художницы, но и присущим в ней самой. И это не допуск—движение мысли, чувств, устремлений действительно очень ясно ощущается в пейзажах Ольги. А еще в этих пейзажах видишь такую простую на первый взгляд и все же до конца не осознанную любовь человека к солнцу, к его свету. Мягкому, будоражающему, пробуждающему. Эта живительная мощь солнечного света проникает даже в зимние пейзажи Ольги Тихомировой.

Яркая индивидуальная манера, внутреннее родство каждого из мастеров привели их к совместной работе в новом для художников жанре—жанре портрета и сюжетно-тематической картины. Они ездят по стране, встречаются с рабочими, колхозниками, писателями, актерами, солдатами... Художники пристальноглядятся в лица людей, их привлекают сильные характеры, необычные судьбы. И теперь уже пейзаж не может выразить все то, чем хотели бы они поделиться со своими героями, со своими зрителями, со своими собеседниками. Так появляется серия портретов: «Судьбы», «Солдаты 42-го», «Полковник Дегтяев», «Анастасия Степановна».

Анастасия Степановна—крестьянка, перенесшая, не согнувшись, не измельчав, все то, что выпало и женщинам, и мужчинам, и детям России,—кажется, и не могла быть иначе написана Тихомировыми. Ведь обратиться к этому образу—значит увидеть и силу этой женщины и величие ее трудной жизненной доли... И саму жизнь ее, оставившую столь уловимые на картине следы радостей и горестей. Она сидит у стены, на которой висят фотографии в черных рамках—то, что ушло и уже не вернется. А ее руки как-то по-особому бережно, чуть испуганно—только бы не потерять—обнимают маленького русоволосого мальчонку. И еще деталь: календарь без единого листочка—как символ прожитой жизни. Ясная композиция, спокойной гармонии цвета настраивают нас на размышления о жизни, о внутреннем мире человека. Нескываемая авторами любовь к этой женщине передается и нам, перерастая в чувство уважения и любви к Матери.

Тихомировские герои, особенно в их военных полотнах, переживают много больше, чем, казалось бы, может вынести один человек.

Вглядимся в офицера на первом плане картины «Солдаты 42-го». В его глазах, в его позе—боль и страдание не только тех троих раненых воинов, что изображены на картине. В его глазах еще какое-то удивительное, неуловимо выраженное художниками чувство. Просветленность—точнее, думаю, его и не определишь. Это чувство—главная, определяющая величина в творчестве Тихомировых. Запечатлеть грусть, переживания, радость—разные чувства, которые могут насытить в один и тот же момент душу человеческую,—эта техника живописного искусства дана художникам. Но еще им дано увидеть и заставить увидеть и зрителя просветленность образа. Что бы ни выпало человеку, что бы ни мучило, что бы ни влекло—когда Тихомировы делают его героем своих полотен, они вселяют в этого героя оптимизм. И действие это происходит органично, потому что оптимизмом этим они умеют заразить, заставляют верить в него.

«Художник,—говорят Тихомировы,—обязан иметь гражданскую позицию и гражданскую убежденность. Только тогда можно говорить о личности художника и ее проявлении в творчестве». Оптимизм преобразований, свершений, оптимизм веры в прекрасное, в красоту труда, в вечное душевное горение советского человека-творца—вот это и есть гражданская позиция художников Тихомировых.

Каждый портрет Тихомировых—кто бы ни был изображен: воин, первый покоритель космоса Гагарин, балерина или композитор—словно книга жизни. К ним возвращаешься снова и снова, рассматриваясь в детали и постепенно воссоздавая для себя жизнь человеческую—с превратностями, горестями и радостями бытия. В портретах Тихомировых чувствуется мягкость и теплота, которая присуща только тем, кто искренне любит.

Все творчество Ольги и Леонида Тихомировых подчинено одной теме—человеку, целиком отдающему себя делу служения Отчизне. Тихомировские герои пронизаны светом одухотворенности. Да другого и не может быть, если образа коснулась кисть художника-гражданина.

Леонид МАРТЫНОВ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Как сосны,
Превращаясь в мачты,
Ждут парусов сто лет подряд.
Так и стихи порою начаты
Лет пятьдесят тому назад,
Точь-в-точь как, вырастая в мачты,
Ждут ветра, и дождя, и туч,
А нынче хоть сиди всю ночь ты,
А делу этим не помочь!

Зять и тесть

О ветер,
Дуя издалека,
Монх видений не развеивай.
Я вижу Александра Блока
С его Любовью Менделеевой.
И слышу голос Менделеевой:
— Он бедный, Любя, пожалей его!

— Отец! — Я слышу голос дочери.—
Как вы ужасно напорочили!

А может быть, и не последовало
Ответа, и не собеседовала
Так doch с отцом своим мыслителем.

Он не был лирики хулителем,
Ученый, взорами пророка
Глядевший в недра недр глубоко,
Идущий с веком рука об руку,

Но все же как-то одиноко
Он видел Александра Блока,
Юнца совсем иного облика,

Творца с иной совсем судьбою,
Чем это видим
Мы с тобою!

Поздний час

Рабочий день
Уже лежал в постели,
От сдержанной усталости зевая.
Я вышел. Тротуары опустели.
Часы показывали, что хотели:
Одни—вперед, другие—оставая.
Прошла старуха, лихо напевая.
Какие-то младенцы пролетели—
Возможно, что амуры. Надевая
Непрородные всякие вещицы—
Пальто, колготки, кофточки и платья,—
В безлюдных магазинах продавщицы—
Через витрины мог это понять я—
Плясали. Что еще могло случиться,
Какие провести мероприятия
Задумал кто—не мог предугадать я
В тот час, когда в виски нам ночь стучится.

Шалаш

Сквозь шалаш еловый на песке
За гранитной монолитной глыбой
Грезилась плывущая в реке женщина, казавшаяся рыбой.
А когда вспыхивала розоветь липоватая луна над чащей,
В шалаше ворочался медведь,
не по-человечески рычащий!

Я люблю такие шалаши...
Но однажды, по шуршанию судя,
Там расхочались от души самые обычнейшие люди,
Вообще такие же, как я, только разве что во сне
не бредя,
Будто блещет рыбья чешуя под когтями бурого медведя.

Но подумать, что за волшебство!
Лунное ли это освещенье
Или солнечное? Отчего сотворились эти превращенья:
Жил медведь медведем, и в своем
Тихом омуте плескалась рыбка,
А глядишь, они уже втроем,
Потому, что появилась зыбка!

Решенные вопросы

Когда в полях тревожно зреет хлеб
И тускло колокольчики трезвонят
Через репей, бурьян и курселеп,
Как будто бы все сущее хоронят,
Влача в лазурно-васильковый склеп,
И кажется, что в мире ничего нет
Сверх ветра, что беззвучно тучи гонят—
Ты слышишь, чей там голос вновь окреп?
О, это вечный голос тишины,
Как будто бы покоя лишены,
Жужжат, как осы, и гудят, как трости,
И, как колеса, немо таращят,
И ни за что умолкнуть не хотят
В который раз
Решенные вопросы!

Наполеон и Елена

Вдруг
Он стал горячиться:
— А какой романист
Мог бы из меня получиться, Елена!
А какой математик! Ведь артиллерист
Есть уж сам по себе математик, Елена!
А теперь я не больше чем тусклый мемуарист
И на страже суждений своих оловянный солдатик, Елена!

Так Елена, своей собеседнице, мне, он
казнился без слов,
Сам глубоко презрев мемуаров своих недомолвки.

— Ты видишь, Елена,
Как гребни валов,
Набегая на скалы, преображают оскалы
в осколки,
Чтоб не вычислил ветер, чему не равняется сумма углов
Пресловутой моей треуголки, Елена!

ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1967 году в журнале «Смена» был опубликован роман Александра и Сергея Абрамовых «Всадники ниоткуда». В нем рассказывалось о том, как на Земле появились представители чужой, возможно, внегалактической цивилизации — «розовые облака». Они не вступают в контакт с человечеством, а только изучают земную жизнь, неизвестно для каких целей моделируют заводы, машины и механизмы, даже целые города с тысячными населением. Героям романа удается связаться с ними, понять, что их появление — только первая ступень контакта.

В 1968 году «Смена» печатает роман «Рай без памяти», являющийся продолжением «Всадников ниоткуда». Действие происходит уже на другой планете, где-то в глубинах галактики, где «облака» создали модель земной жизни. Но мир этот с первых шагов был обдечен, обкраден и обездолен. Он не только лишен накопленного памятю человека, но и всех сокровищ земной культуры, которые могли бы напомнить ему о прошлом.

«Облака», или, иначе говоря, неведомые на галактисты, смоделировав Город без имени, взяли образцом Париж, городок на юго-западе США Сан-Франциско и уголок провинциальной Франции Сен-Дизье. Поддерживающие жизнь в Городе центры захватила полицейская клика «галунчиков», подавившая жизнь и свободу народа. Во главе ее стоял некий Корсон Бойл. Понимая, что опыт создания модели человеческого общества в общем-то не удался, галактисты призвали людей, с которыми свела их судьба еще на Земле — журналиста Юрия Анозина, бывшего американского летчика Дональда Мартина и их друзей — помочь разобраться, что же происходит в этом, казалось бы, всем

обеспеченном «райо без памяти». Героям удалось связаться с борцами Сопротивления полицейской диктатуре, участвовать в ее свержении и вернуться на Землю, посоветовав создателям этого мира не вмешиваться в рожденную ими жизнь, предоставив ее течение естественным законам человеческого развития. Но как изменилась эта жизнь, предоставленная самой собой, куда и к чему пришли участники Сопротивления, читателям остается неизвестно.

Роман «Время против времени» рассказывает о вторичном посещении этого созданного где-то во Вселенной человеческого мира. Но время здесь и на Земле течет по-разному: пока на Земле проходят часы, здесь сменяются годы. На Земле не прошло и года, а в «райо без памяти» время отсчитало уже полстолетия. О том, что же изменилось в городе, как сложилась его жизнь и как участвуют в ней наши герои, и повествует «Время против времени» — последняя книга трилогии Александра и Сергея Абрамовых.

Отец и сын Абрамовы — авторы многих научно-фантастических романов, повестей и рассказов, созданных вместе и порознь, заслуженно снискавших читательскую популярность. Александр Абрамов пришел в литературу еще в 20-е годы, и первой его работой была именно фантастическая повесть — «Гильбель шахмат». Он вновь вернулся к фантастике спустя десятилетия, но уже вместе с сыном, для которого их совместная повесть — «Хождение за три мира» (изд-во «Детская литература», 1966 г.) — стала дебютом в литературе. Перу Сергея Абрамова принадлежат также военно-патриотические повести «Опознай живого», «Время его учеников», «В лесу прифронтовом», «Проводы». Он председатель комиссии по научно-фантастической, детективной и прключенческой литературе при правлении Союза писателей РСФСР.

Глава I СИЛЬВЕРВИЛЛЬ

За несколько дней до нашего автомобильного путешествия вместе с приехавшим в гости Дональдом Мартином я получил из Ленинграда письмо от Зернова, в котором он горько сожалел, что не может оставить работу в научно-исследовательском институте, куда он только недавно перебрался из Москвы, и принять участие в нашей совместной поездке к Черному морю.

Выехали с Доном из Москвы, и уже через сутки спираль Симферопольского шоссе среди бледно-зеленых виноградников вынесла нас к морю. Сверху оно темно-синее, как в цветном телевизоре, — берлинская лазурь, размытая до горизонта чуть влажной кистью. Церкви, только что висевшие над нами, прилепившиеся к скале, вдруг оказываются наверху, оторванные кустарником, растущим прямо из пропасти. Под колесами привычный асфальт — такой же, как на Минском шоссе.

— Остановимся? — предлагаю я сидящему рядом Мартину, заметив крохотный уголок лужайки между парой приотивших ее разлапистых крымских сосен.

Мартин, все еще критически относящийся ко мне, как к водителю, охотно соглашается, и, оставив «Жигули», мы расплагаемся тут же, на запыленной траве, у откоса дороги. Боржоми, лимонный сок и термос со льдом дополняются упакованными в целлофан бутербродами.

— Красота! — говорит Мартин, оглядываясь.

Я бросаю взгляд вниз, да так и застываю с открытым ртом. У Мартина выпучены глаза, словно он увидел чудо. Чудо и есть. Мы видим не зеленые террасы виноградников, не асфальтовый серпантин дороги, не далекую синеву моря. Плоский песчаный берег. Вздутые дюны, поросшие невысоким корявым кустарником.

— Альгарробо, — говорит Мартин. — Так его называют в Перу.

— Мы не в Перу.

— А это Крым, по-твоему?

Я оглядываюсь долго, долго. Нет, не Крым. Крымские пляжи — галька. А здесь песок. Крупнозернистый и красный. Европия? Не похоже. Справа горы, только низкие и волнистые, вроде севастопольских нагорий. Однако и Севастополем здесь не пахнет. Город виден слева у берега, издали напоминающий мазки абстракционистов. Черно-белые мазки невысоких строений. Рыжие пластины. Позади холмы, не то спиленные, не то изрезанные. Ни одного выступающего здания, ни одной башенки.

— Я одного боюсь, Юри, — говорит Мартин. — Очень, очень боюсь.

Я догадываюсь, но все же спрашиваю:

— Чего?

— Мы опять там, Юри.

— Где?

— Эри спрашивавшь.

— Не тот город, — говорю я. — И море неизвестно откуда.

— Город, может быть, и другой. Ведь Река куда-то впадала? В море, наверно. Вот у моря и построили, — Мартин по-прежнему задумчив и хладнокровен. — И машины твои, кстати, нет.

Машины действительно нет. Ни близко, ни далеко. Мы сидим, поджав ноги, на голой песчаной пустоши. Даже следов автрака не осталось.

— Пешком придется тащиться до города, — вздыхаю я.

— Милы десять, — уточняет Мартин.

В его классическом спокойствии звучат тревожные нотки. В самом деле, зачем хозяевам этого мира понадобился новый эксперимент? Только потому, что мы оказались вместе с Мартином...

Мы не хотим подниматься, стряхивая песок с джинсов.

— В таком виде и пойдем? Заберет первый же «галунщик».

— «Галунчиков», может быть, уже нет, а шмотки у нас

невременные и венецианальные. Штаны да рубаха — в любом веке сойдет.

Жара немилосердная. Сквозь облачное серое небо падит невидимое, но безжалостное солнце. Духота сильнее, чем в Крыму, и она влажная, как в паровой бане.

Первый же человек, которого мы встречаем на протоптанной по песчаному побережью дорожке, одет не лучше нас: в грязной рябже, рубахе и неопределенного цвета пыльных штанах, заправленных в грубые, зашнурованные до икр ботинки. Наши джинсы не привлекают его внимания. Он, лениво покрутив вполне земную сигарку, скрученную из табачного листа, сидит под желтым большим зонтом-столиком с нехитрой сиделью, прикрытой грязной прозрачной сеткой. Под ней — пирожки с неведомой начинкой, что-то похожее на овечий сыр и колбаса подозрительного оттенка, над которой кружится тоже вполне земные мухи.

— Почем пирожки? — спрашивает по-английски Мартин.

— С ума сошел, — говорю я, — неужели будешь есть эту дрянь?

— Почему дрянь? — обижается продавец. — Пирожки свежие, со свиной тушенкой.

Разговор в «райо без памяти» ведется на английском языке, который я знаю лучше, чем Мартин русский.

— Я спрашиваю, почем? — повторяет Мартин.

— Пять сантимов, как и везде, — отвечает продавец.

Я с ужасомображаю, что никаких сантимов у нас нет и достать их нам неоткуда, но Мартин небрежным жестом как ни в чем не бывало бросает на стол советский полтинник.

— Двадцать пять франков! — уважительно воскликнул продавец и, не разглядывая монету, прячет ее в ящик стола. — Берите пирожки, джентльмены, а я сосчитаю вам сдачу.

Он достает кулек с серебром и медяками, отсчитывает горсть монет, похожих на пятиалтынны, гринвеники и пятыки, и кланяется чуть ли не в пояс.

Я с опаской поглядываю на него.

— Пошли скорее, пока он не разглядел твоих «франков».

— Мне почему-то кажется, что он удовлетворился объемом и весом монеты.

— Откуда у тебя оказался полтинник?

— Случайно. У меня их еще два. В бумажник не сунешь — вот и носил в кармане. Почти семьдесят пять франков — считай, что мы богачи.

— А вдруг влипнем?

— Кое-какая мелочь у нас уже есть. Судя по сдаче, у них сто сантимов во франке.

— Что-то нехорошо на прежнее время. И счет другой, и монеты другие.

Нас обогнали два велосипедиста в коротких штанах и чулках до колен и нескольких верховых в широкополых фетровых шляпах, какие я видел у ковбоев в американских вестернах. На грубые, как у продавца, башмаки были надеты шпоры с острыми колесиками.

Облака не рассеялись, и солнце палит все жарче. Мы входим в город. Он чем-то похож на придорожные американские города. Кругом одноэтажные — то каменные, то обширеные досками — здания. Вместо вывесок — разные или грубо налепленные изображения булок и булочек, шляп и ботинок, бутылок с винными этикетками, досок с английскими и французскими именами. Никаких тротуаров и мостовых на окраинах, вымощенных камнем тихие переулочки у домов побогаче, церкви с распиленными на панели и салуны с крытым широким крыльцом. По улице навстречу мчатся желтые пылевые вихри, из них вырастают верховые в широкополых шляпах, какие мы уже видели, и запряженные парой или четверкой лошадей экипажи, напоминающие древние ланды и фиакры, велосипедисты и рикши.

Пешеходов почти не видно, да и трудно здесь пешеходу уберечь себя от колпаков и колес в бушующем по улице пылевом штурме. На крыльях сидят старики, провожающие нас любопытным и пристальным взглядом. Иногда оглядываются и пассажиры открытых фиакров — мужчины в цветных цилиндрах и дамы в шляпках-копорах с розовыми лентами.

— Ты знаешь, почему они так смотрят? — усмехается Мартин.

— Как смотрят?

— Как тот продавец, когда мы подошли.

— Почему?

— Потому что здесь не ходят без шляп. Должно быть, так у них принято.

— Что же делать?

— Купить. Вон шляпа из соломы над дверью лавки.

Мы входим. Старик продавец с ключками седины в бороде встречает нас у прилавка. На стенах за прилавком на крючках налеплены шляпы всех фасонов: от «стетсоновки» до цилиндра. Цилинды серые, черные и лиловые.

— Пару шляп, — говорит Мартин.

Продавец критически оглядывает наши пропыленные штаны и рубахи.

— Ношеных или новых? — зевает он.

Пожалуй, при наших капиталах лучше приобрести ношеные.

— Полтора франка за пару, — лениво говорит продавец. — А вы, должно быть, нездешние, новички в Сильвервилле?

Итак, город называется Сильвервиллем. Что-то новенькое, неизгражданное. Да и там ли мы, куда забросило нас прошлым летом? Я решаюсь прощупать аборигена.

— Путешествуем, — поясняю я. — Пешком, на пари, — и тут же путаюсь: вдруг он не знает, что такое пари, но продавец не удивляется, и я продолжаю: — А шумно у вас здесь и людно. По улицам даже ходят трудновато.

— Порт, — поясняет продавец — с тремя причалами. Один для речных пароходов из Вудвилля, оттуда до города по железной дороге рукой подать, два других — рыбаки. Рыбы здесь уйма. Тут же и засолка, и копчение, и погрузка. Конечно, это не город. Один он у нас — столица. А Сильвервилль так себе — городишко вроде Вудвилля. Только там, пожалуй, потише.

Мне все уже ясно: новый пересек в рай без памяти. А как он изменился — покажет опыт. Мы платим полтора франка за старые соломенные шляпы типа «сомбреро» и покидаем этот пока единственный источник информации о мире, в котором неизвестно как и сколько времени будем жить. Улица круто сбегает к морю. Виды рыбаки парусники у береговых лавочками. Одеты они по-разному: есть парни вроде нас — в замасленных штанах и куртках, в стоянках тульях и босые, а кто в знакомых уже высоких, до икр башмаках, девчонки с голыми коленками, с отрезанными или оборваными подолами, католические священники в длинных черных сутанах, кое у кого завязанных грубой пеньковой веревкой, уличные торговцы пирогами и подозрительной мутной водой, видимо, от сущих яблок. Попадаются и другие — почище и побогаче, те, что садились в экипажи или выезжали в них из тихих замощенных переулков. Одеты они совсем по-другому: мужчины в цветных спортузах и узких брюках со штропками, дамы в длинных, до туфель, кружевных или шелковых платьях, отделанных бледно-окрашенными кремовыми, розовыми и голубыми лентами. Мне показалось даже, что винку не успевших разгримироваться героями грибоедовской пьесы. Вот проехали Чатцкий с Софьей и Лизой, сидевшей спиной к

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

кучеру с длинным бичом, промчалась амазонка с картины в Третьяковке, выглянула из открытого ланда толстенький Репетилов, и тут же обогнали их два ковбоя из вестернов. Ничего не понимаю. Где я? В какой стране, в каком веке?

— А может быть, здесь время идет не вперед, а назад? — взрывается Мартин.

— Остришь?

— Пытаюсь. Но объяснение все-таки есть. Мы вот с тобой коротко подстрижены, ты даже длиннее, чем я, а у нас уже все ребята стригутся, как средневековые пажи. Ты очень уверен, что через пару лет не будут носить цветных париков? Женщины уже носят. Клеш ведь возродили, воздордятся и штанишки. Кстати, и на Земле цилиндр еще из мэды не вышел, и не только черный. Англичане на скачки до сих пор приходят в серых цилиндрах. А здешних, может быть, тоже на старину потянуло, вот и разъезжают по улицам этакие Чикковы и Пикквики. Заметь: разъезжают, а пешком ходят другие, вроде нас — в грязных штанах и лошадиных шляпах. А у американских ковбоев и фермеров мода уже сто лет не меняется.

Мы лениво идем вдоль набережной, мимо рыбачьих баркасов, с которых грузчики в мешковине с парой деревянных крючьев на спине перетаскивают на берег ящики с рыбой. На другом причале у парусного грузового суденщика точно такие же грузчики один за другим волокут мешки не то с зерном, не то с солью. Мартин прав: в цветных камзолах и брюках со штропками разъезжают в экипажах, а не волокут на спине мешки и ящики. Кстати, за каменной оградой у речного причала прошлый век предоставляет перед нами в еще более точном обличье. К причалу, видимо, только что пришвартовался большой, марктвеновских времен пароход с двумя огромными колесами по бокам. Надпись на круглой корме гласит: «ГЕКЛЬБЕРРИ ФИНН».

Я уже попросту ничего не понимаю.

— А тут и понимать нечего, — приходит на помощь Мартин. — Смоделировали они Сэнд-сити? Смоделировали. Была в Сэнд-сити книжная лавка? Была. Была в ней марктвеновская книжка? Наверняка. Вот тебе и название парохода. Скажешь: такие только в девятнадцатом веке по Миссисипи ходили? А какие здесь построить, если до них вообще никаких не было? Для «Куин Эми» индустриальная база нужна. Современные верфи.

Пытаюсь возвращаться:

— У них же Би-центр был. Вычислительный гигант. Тоже, наверное, помнишь. Там не только речной — космический корабль выстроить можно.

— А ты уверен, что Би-центр уцелел после революции?

Я ни в чем не уверен. Может быть, здесь давно уже нет ни Би-центра, ни других внеземных чудес. Может быть, с тех пор оставленный без опеки здешний земной мир жил и развивался по-своему и еще не родил ни своих Эдисонов, ни своих Туполовых.

Но гадать не приходится. К нам уже подходит мужчина лет сорока в синей замурзанной куртке и такой же соломенной шляпе, как и у нас. Он уже давно стоял поодаль, наблюдал за грузчиками и приглядываясь исподтишка к нам.

— Видать, нездешние? — повторяет он продавца шляп.

— Из Города, — говорит с достоинством Мартин.
— А что, работы в Городе не хватает?
— Скучно на одном месте.
— Могу на погрузку поставить. Крючья получите, — говорит человек в синей куртке.
— А платить сколько будете?
— Как всюду. По пятьдесят сантимов в час. За день работы пять франков.
— А что грузить? — спрашивает Мартин.
— Может, рыбу, может, пшеницу. На серебро не поставлю.
Слитки с рудников полицейские сами будут грузить.
— Почему такой почет серебру? — смеется Мартин.
Человек в синей куртке сердито хмурится.
— Почек серебру... — укоризненно повторяет он. — Самый драгоценный металл. Украдешь слиток — в цилиндре будешь ходить.

Ходить в цилиндрах мы не собираемся, красть слитки тоже. Потому соглашаемся на пять франков в день. Надо же где-нибудь добывать деньги: политники, оставшиеся у Мартина, могут в конце концов навлечь на нас неприятности.

Между тем наш новый знакомый затрагивает еще один непраздный вопрос:

— У старины Вильсона в реставрации «Веселый петух» есть номера для постояльцев. Два шага отсюда. Скажите, что Фляшон приспал. И новичка и выпивку обеспечены даже в кредит, если я поручился. Не задерживайтесь, ребята, пока народу в салуне от наплакал. — Он пожимает нам руки большой мозолистой лапой бывшего грузчика и удаляется не оглядываясь.

Глава II «ВЕСЕЛЫЙ ПЕТУХ»

Его мы находим действительно в двух шагах на главной улице. Он висит над длинным крыльцом без всякой вывески, вычеканенный из меди, тускло-золотистый на здешнем поджаривающем человека солнце. На крыльце лежат два детинца с лицами, прикрытыми ковбойскими шляпами. Их можно принять за мертвцев, но они всего лишь мертвцевки пьяны.

Мы осторожно обходим их и, толкнув дверь, попадаем в длинный полуутемный зал реставрации. Здесь полтора десятка столиков и стойка, обитая жестью. Столы почти все пусты, за исключением двух-трех, за которыми сидят парни, обросшие колючей щетиной бороды, и пьют что-то темное — виски или пиво. На нас они не обращают никакого внимания. Мы на них тоже.

Не спеша подходим к стойке.

— Два виски, — говорит Мартин, небрежно бросая на жестяную стойку монетку в двадцать сантимов.

— Два виски требуются, так и плати вдвое, — отвечает старик, хозяин заведения.

Мартин добавляет еще одну монетку. Так мы учимся здешнему счету.

— А как насчет ночлега, папаша? — спрашиваю я.

Старик долгоглядит на нас, как бы оценивая нашу кредитоспособность.

— Есть комната с кроватью, — шепелявит он. — Большие трех человек лежать в кровати не разрешается.

— Нас только двое, папаша.

— Все одно три франка, и деньги вперед.

— Мы от Фляшона, папаша.

Старик добреет, открывая беззубые десны.

— Значит, завтра с утра на погрузку? Пароход пришел из Будвилля, знаю. Что ж, можно подождать до расчета с Фляшоном. Ужинать будете?

Ужинаем молча, хотя поговорить есть о чем. Что мы знаем о мире, куда забросила нас судьба? Что пирожок стоит пять сантимов, а полбокала виски с теплым лимонадом — двадцать? Что за десять часов работы мы получим по пять франков, из которых три нужно отдать за квартиру? Да и вообще что можно узнать об окружающем тебя мире, если целый день таскать на спине мешки с зерном или углем, а ночь спать без прыска на гнилой соломе.

— Хорошо бы уехать отсюда на этом же марктвеновском пароходике, — рассуждает вслух Мартин. — Интересно, сколько стоит билет до Будвилля?

— Посчитай еще дорогу от Будвилля до Города.

— Ты думаешь все-таки добраться до Города?

— Не век же мы будем торчать в Сильвервилле, — говорю я.

— А кого будем искать в Городе? — вздыхает Мартин. — Может, кто жив остался?

Утром мы находим Фляшона там же, где видели его и вчера, он по-притягательски подмигивает нам, и минут через пять мы получаем всю экипировку грузчика: мешок из дергии с двумя дырками для головы и рук и пару деревянных крючьев на спину. Шляпы надежно защищают от солнца, а крючья прочно закрепляются на плечах.

— Ну а теперь на речной причал. Там сейчас начнется погрузка, — командует Фляшон.

Мы становимся в цепь таких же грузчиков к длинным штабелям мешков с пшеницей. В каждом мешке не меньше сорока килограммов. С трудом взваливаем его на спину, помогая друг другу. Так же работают и соседи, шагающие, согнувшись, с мешками по деревянным сходням к трюму парохода. Трюм неглубок, и мешки складывают внизу под командой какого-нибудь другого Фляшона. Все работают молча, не слышно ни шуток, ни смеха, ни ругани, только кряхтят и тяжело дышат. Мартину, идущему впереди, легче, чем мне, он сильнее, я же через час задыхаюсь, уже нет сил взвалить мешок на крючья, вот-вот упаду. Сосед сзади советует дружески: «Обожди чуток, пропусти цепь, отдохни. С непривычки всегда трудно, потом втянешься». Но я понимаю, что легче не будет, десять часов не вытынусь.

Через два часа, когда объявляют перекур, я уже лежу на мешках полуутром. Наши соседи, молчаливый Пит и весельчак Луи, угощают нас самодельными, скрученными из табачного листа сигаретами. Оба они студенты из Города, приехавшие сюда подработать во время каникул.

— Я говорил: не сгибайтесь, — советует мне Луи. — Мешок не так прижимает.

— Зато память пришибло.

Луи не понимает.

— А что забыл?

— Все. И год, и месяц, и день. Помоги вспомнить.

— Серьезно?

— Вполне серьезно. Подскажи.

— Год семьдесят первый. Четырнадцатое июля. Пятница. Неужели забыл?

— Смешно, правда? Даже имя забыл. Только сейчас и вспомнил. Я Жорж Ано, а он, — указал на Мартина. — До-нальд Мартин, или просто Дон.

— А мы — Луи Рене и Пит Селби. Кончаем политехническую. В ближайшее воскресенье уезжаем на «Гекльберри Финн».

— В Городе к выборам работа найдется...

— Я не успел перебить и спросить, что за выборы, как Луи уже продолжал:

— Разыщите нас — поможем. А найти легче легкого. Американский сектор, Сэнд-стрит, общежитие политехнического.

Фляшон машет руками и что-то кричит. Вероятно, что передышка окончена. Снова мешки тяжело пригибают к земле, ломят плечи, трудно дышать. Фляшон сам отправляет нас вовсю: «На сегодня хватит, а то завтра не встанете». И платит каждому по три франка.

Вечером расплачиваемся с Вильсоном, мгновенно добреющимся и расплющивающимся в улыбке. Даже лысина его, кажется, сияет ярче, а нас выразительно приглашают к столу и вместо холодных колбас подают жаркое из свиной тушенки с бобами. «По заказчикам и заказ», — не устает повторять хозяин: словарь его, видимо, совсем не богат. Но мне и сайдерского изобилия мало: надо восстанавливать силы, и я тут же заказываю еще одну порцию жаркого и пива.

— Жаль только, что Луи и Пит уезжают, — говорю я. — Теряем надежный источник информации.

— И надежных друзей, — добавляет Мартин.

Салун постепенно заполняется, и вскоре все столы уже заняты. Портовики и матросы, которые и здесь ходят в тельняшках, усатые парни в соломенных сомбреро, фермеры в грязных широкополых шляпах, женщины с белыми от густой пудры лицами. Из соседней комнаты доносится стук бильярдных шаров, чей-то смех и возгласы: «Пять!», «Десять!», «Плюс десять!», «Отвечаю». Соображаю, что в соседнем зале идет игра. Может быть, крупная.

Мартин лениво поднимается и говорит:

— Подожди минутку, пойду взгляну.

Третий стул за нашим столом пуст. К нему подходит худощавый человек лет сорока в синем сюртуке и цилиндре, с вышивающейся бородкой по горлу, как у голландских матросов.

— Место свободно? — спрашивает он.

Я равнодушно киваю, не замечая, что все вокруг за столиками сняли шляпы.

— Вы, наверно, новичок в Сильвервилле? — спрашивает незнакомец.

— Допустим, — отвечаю я.

— Тогда прошу вас не удивляться тому, что сейчас последует. — Он садится напротив, указывая хозяину на стоящую передо мной бутылку пива.

Хозяин не успевает подать бутылку, как раздается выстрел — и мое простреленное сомбреро слетает на пол.

Стреляет верзила с нависшими на лоб волосами, сидящий метрах в пяти от меня. Я поднимаю с пола сбитую выстрелом шляпу и говорю:

— Ну и нравы у вас в Сильвервилле!

— Просто люди привыкли к тому, что в моем присутствии снимают шляпу. Я бывший шериф на серебряных рудниках.

— То, что вы шериф и тем более бывший, мне безразлично. Я не нарушаю законов. Жаль только, что у меня нет оружия.

— А зачем? — удивляется мой визави.

— Наказал бы громилу.

— Каким образом? Он же сидит без шляпы.

— Но с бутылкой.

Бывший шериф в синем цилиндре любезно протягивает мне пистолет, очень похожий на земной «валтер».

— Стреляйте. Он заряжен. Только если вы убьете или раните кого-нибудь, вас повесят тут же на улице.

Я беру пистолет, внимательно разглядываю верзулу с челкой. За ним виден пустой угол зала и косяк входной двери: пуля наверняка никого не заденет, тем паче стрелять я умею, золотые медали имел.

И, недолго думая, нажимаю на спусковой крючок. Бутылка со звоном разлетается на куски, обливая верзулу остатками пива.

— Молодец! — одобряет меня мой визави.

— Отлично стреляете. Профессионал?

— Скорее любитель. Охотник. Жорж Ано. Сейчас работаю на причале у Фляшона.

— Тебе придется самому платить за разбитую бутылку. Пасква, — оборачивается бывший шериф к подошедшему верзиле с челкой. — Научись не проявлять инициативы до моего призыва.

Верзила, не взглянув на меня, почтительно отступает.

— А вы стоите большего, месье Ано. Это я вам говорю. Я — Тур Мердок, глава пока еще не легализованной партии «реставраторов».

— Крайне сожалею, — говорю я, — но ни я, ни мой друг, который сейчас играет в соседнем зале, не интересуемся политикой и не разбираемся в борьбе политических партий. Возьмите ваш пистолет, месье, — и я вежливо возвращаю оружие собеседнику.

Он приподнимает цилиндр, чуть склоняясь ко мне.

— Разыщите меня в городе, месье Ано. Я придумаю для вас кое-что полезное Фляшона.

И, бросив на стол горсть мелочи, уходит из ресторации Вильсона. Мартин возвращается тут же, успевая заметить уходящего экс-шерифа.

— Кто это?

— Некий Тур Мердок. Кажется, очень влиятельное знакомство. Глава какой-то политической партии.

— Здесь, в Сильвервилле?

— Нет, в Городе. — И я рассказываю Мартина об инциденте с простреленной шляпой.

— Значит, пора ехать в Город, — говорит Мартин.

— На твою сдачу с пирожка? А дальше? Будем откладывать подаяния Фляшона.

Продолжение на 30-й стр.

Что и говорить, тем, кто собирает и исследует лучшие образцы народного творчества России, и по сей день приходится быть «ходоками в искусство». Потому что следы этих действительно лучших образцов иной раз, к сожалению, исчезают почти бесследно. Ведь технику резьбы или росписи, яркие краски фольклора — сказов, песен, танцев, обрядов — и исконные самодеятельные художественные промыслы не объявишь памятниками, установив над ними охрану. Да и можно ли говорить — памятники, если все это родилось в глубинах необозримого, могучего таланта народа. Таланта, взращенного не эстетическими, пусть отточенными, но все же теориями, а удивительным, импульсивным, жизнетворным, несмотря на тяготы, выпадавшие в жизни, стремлением увидеть и отобразить все лучшее, цветущее, солнечное. Да и можно ли говорить — памятники, если единственный путь этому солнечному искусству, думаю, только постоянное его развитие, в котором органично сочетались бы бережное отношение к традициям и такое же бережное новаторство. Пишу об этом и вспоминаю, как же все-таки часто за последнее время мы были свидетелями «открытий» — именно в кавычках, потому что открывалось давно забытое старое. Обидно, что приходится произносить такое слово — старое. Ведь от поколения к поколению гордимся мы делами и свершениями отцов, дедов. Так почему же эта перекличка все еще слабо слышна, когда дело касается такой бесценной ценности — творчества, рожденного народом? К тому же сегодня есть достаточно примеров, когда можно говорить о социальных и даже экономических оттенках, что несет в себе любовное, рачительное отношение к самодеятельному искусству: в тех селах, где отношение именно такое, и люди к земле ближе и практически нет проблемы закрепления молодежи на селе. Нет потому, что земли им и родство, и «корни», и красота края своего...

Когда я шла на концерт нового ансамбля «Танцы России», подумалось: какое же это обязывающее название! Ведь народный танец на Руси всегда был неотделим и от отдыха и от труда. Танцами сопровождалось начало уборки хлеба, начало охоты и ее удачное завершение, рождение детей, свадьба... Праздник России. Вот что ждешь от представления ансамбля, чей творческий труд, чей творческий поиск — во имя этого праздника.

Молодым привычно ходить на спектакли, в оперу, в цирк, в кино... Привычно танцевать дома в компании: пусть кому-то нравится один

Светлана ДУДЧЕНКО.

Фото Юрия УСТИНОВА.

ТАНЦЫ ТРУДНЫЙ ПРАЗДНИК

вождалось начало уборки хлеба, начало охоты и ее удачное завершение, рождение детей, свадьба... Праздник России. Вот что ждешь от представления ансамбля, чей творческий труд, чей творческий поиск — во имя этого праздника.

Молодым привычно ходить на спектакли, в оперу, в цирк, в кино... Привычно танцевать дома в компа-

ни: танец, другому — иной, но все же дома. А пойти смотреть танцы — это уже иное, здесь либо интерес специалиста, либо ожидание чего-то совсем уж нового, того, что иногда называют экзотическим зрелищем. А экзотика, она ведь недолговременна. Вот тут-то и хочется вспомнить о языке танца. Наверное, искусствоведом по-разному может толковаться этот термин.

Тем же, кто танцует для зрителей, думается, единственно: рассказать о том, что представлялось творцам и ритма и жеста, что чувствовали они, какое движение души народной старались воплотить. Вот таким мне виделся язык, на котором но-

РЕПЕТИЦИЯ — ЭТО ПОИСК, ЭТО ИСКУССТВО ТРУДИТЬСЯ ВДОХНОВЕННО, ТВОРЧЕСКИ.

вый ансамбль «Танцы России» должен был бы написать сценарий чудесного праздника встречи с народными танцами...

«Владимирская кадриль». Начинается она знакомой мелодией, девушки — в привычных сарафанах с обязательными цветовыми каемками. На сцене четыре традиционные пары. Я не случайно говорю: знакомые, привычные, традиционные. Да, именно так. Ведь есть ансамбль «Березка» — и по сей день билеты не достанешь, — есть моисеевский ансамбль — в каких только странах не видывали благодаря ему народный танец нашей страны! И, конечно, новому члену этой замечательной семьи нужно было искать свой почерк, свой рисунок. И потому дальше «Владимирская кадриль», скажем так — отнюдь не репертуарный сюрприз, — развивается со многими новыми акцентами, от режиссерских до художественных. Нет традиционных больших бантов на головах девушек, нет внешней об разной усредненности. В танце раскрываются восемь характеров. Здесь и капризная, недовольная своим кавалером девица, и застенчивая барышня, впервые пришедшая на гулянье, и бойкая молодуха. Танец одновременно является собой и маленький спектакль — с любовью и ревностью, с переживаниями отвергнутого чувства, с молодым задором. И как штрихи: с забавным бубликом коса у одной, подчеркнуто скромный наряд у другой, нелепая кепка у симпатичного нескладехи-парня. Вся танцевальная схема, стилистически выдержанная в исконно народных мотивах, сохраняет четкий рисунок русского танца. В какой уж раз убеждаешься, насколько богата палитра народного творчества, бесконечны вариации ее красок! И как хорошо, что это обновление воспринято ансамблем не просто успеха ради, а именно с думами о будущем русского народного танца, о будущем празднике России.

Как я потом узнала, коллективу приходилось быть не только «искусства верными служителями», но и часто — служителями науки. Может быть, покажется, что громко сказано, но, когда задумали поставить танец шамана, пришлося быть именно исследователями-этнографами. Сколько было споров, сколько раз приходилось обращаться за квалифицированной консультацией по корякским обычаям... И вот «шаманский танец» — «Рассвет над Па-

ЕЩЕ МИГ — И МАСТЕРСТВУ
ТВОЕМУ ДЕРЖАТЬ ЭКЗАМЕН.
МИГ ЭТОТ — «ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ»
АКТЕРА.

ланой». Рокотанием бубна и пронзительным криком шамана начинается он. Мечутся в бесноватой пляске и руки и волосы солиста Рената Ганиева, исполняющего партию шамана. Настроение нагнетается музыкой, светом — и законо мерным кажется Рассвет, прогоняющий прочь невеселое прошлое Ка рякского края. Первоначально в ансамбле сомневались: не слишком ли много экспрессии и эмоций вкладывают артисты в исполнение танца, да и танцевальный узор непривычен: перестаешь — смешно будет, не хватит темперамента — окажется недостоверным этот трудно давшийся узор... Танец получился. И, думаю, потому, что коллектив самым серьезным образом относится к традициям, но и также серьезно считает: традиция ни в коем случае не может закрепостить возможность открытия. Иначе она обречена. И, может быть, попытки новаторства пока еще робки, пока еще касаются большей частью внешнего рисунка, но они есть. И главное, приветствуются всеми: нет диктата, есть настоящее творческое содружество и руководителей с артистами, и опытных уже исполнителей с новичками. Вот о таком примере, пусть, повторяю, не таком уж «фундаментальном», рассказала художественный руководитель коллектива, заслуженная артистка РСФСР Тамара Лукьянова:

— Когда наш ансамбль отрабатывал калмыцкий танец «Озорницы», то каждый солист разучивал как мужскую, так и женскую партию. Наверно, это кажется удивительным. Но дело вот в чем: мы заметили, что танцевальные па, которые должен делать юноша, необыкновенно пластично и мягко получаются у девушек. Как быть? Не нарушать же стилистику танца! И придумали в конце концов: парень танцует, как и должно быть по замыслу, а девушки, выстроившись цепочкой, смотрят и передразнивают, повторяют все его движения...

Слить историю с современностью — каждый истинный художник думает об этом, творит в этом русле. И все же как быть в танцах, сама принадлежность которых историческая? Тогда в ансамбле рождается танец-плакат. Он обязательно современен, островоременен. Но ни в коем случае не забыта народная его стилистика. Ведь название, еще и еще подчеркиваю это, обязывает...

Композиция «Память сердца». Под известную мелодию на стихи Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей.

Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Медленно выплывают девушки в белом. Грустная, знакомая мелодия, печально-серые рукава крылья, мягкое световое решение... Подняв крылья, проплывают журавли. Внезапно журавлиный клин ломается, крылья оборачиваются вдовыми платками, и кажется нескончаемой вереница женщин, подходящих к Вечному огню.

По силе эмоционального воздействия на зрителя эта композиция может сравниться разве что с финальной сценой другого танца — «В защиту мира». Для девушек были выбраны платья, стилизованные под флаги различных стран. Уже знакомая символика, почти приближающаяся к плакатной. Близкая и понятная сердцу каждого, особенно когда под звуки колыбельной матери убаюкивают своих детей, когда закрывают их собой от взрывов. Эти танцевальные сцены не только придают смысловую законченность концертной программе ансамбля, но и говорят о поисках тех новых форм, которые позволяют коллективу, опираясь на фольклорный материал, создавать современные композиции...

...Ансамбль — это единомышленники, даже если исходить просто из значения этого слова. И, познакомившись с коллективом «Танцев России», чувствуешь и понимаешь, что единомыслие всех его участников неформально. Ансамбль был создан вскоре после постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Молодым танцорам, молодым музыкантам, молодому художнику, молодому, несмотря на солидный опыт работы в прославленной «Березке», художественному руководителю дали в руки живое дело. Именно живое, потому что народный танец обязано быть в наше жизнь, здравствовать в ней не на правах «экзотики». И в сознании этого ансамбля «Танцы России» — определенно не формальные единомышленники.

...Праздник России. Да, зрители, пришедшие на выступление ансамбля, присутствуют на нем. «Сибирские пимы», вепские «Разговоры», «Уральские девята», марийские «Горные орлы», ительменские «Нерпушки»... Многоцветие костюмов, музыки, образов. Многоцветие танцев России.

А как труден этот праздник для артистов...

Труден — от слова «труд».

ТАНЕЦ РОДИЛСЯ!

ШЕФСТВО «СМЕНЫ»

Уренгой... Кому сегодня не известно название будущей столицы газодобычи тюменского Севера? Сегодня — небольшой поселок. В будущем — город со 150-тысячным населением. Город со всеми благами, созданными цивилизацией, — это завтра. А пока — достаточно много и неудобств и трудностей. Помочь тем, кто трудится на передовых рубежах экономики, кто живет в суровых условиях тундры, закладывая фундаменты завтрашнего города, ведя сквозь непроходимые болота нитки магистральных газопроводов, прорезчивая гигантские пространства линиями электропередач, — наш человеческий долг.

Как мы уже сообщали, с 1 мая 1977 года в Новом Уренгое работает Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ. У редакции журнала «Смена», объявившей шефство над обустройством Уренгойского газового месторождения и строительством ЛЭП-500, — постоянный деловой контакт с бойцами отряда. Ребята трудятся напряженно, инициативно, с полной отдачей. Сообщения из Нового Уренгоя радуют. Но вот в редакционной почте — тревожный сигнал. Бойцы отряда — а они прибыли из разных уголков страны — остались без центральных газет и журналов. Местное отделение Союзпечати подписку оформить отказалось.

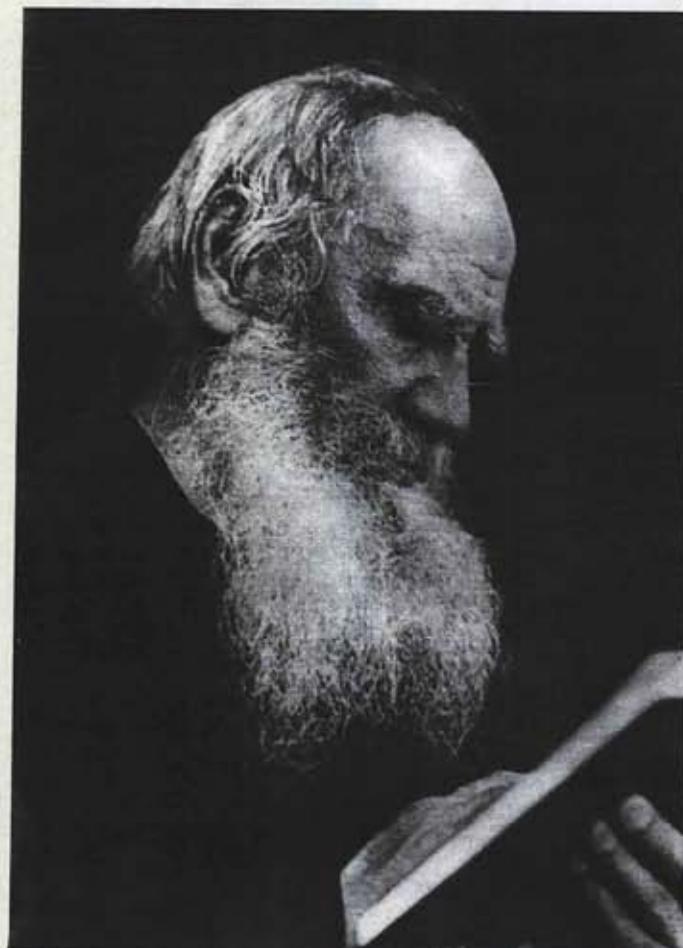
Об этом факте редакция поставила в известность Главное управление по распространению печати Министерства связи СССР (Союзпечать).

Как сообщил начальник этого управления тов. Л. Д. Барашенков, начальнику Тюменского областного производственно-технического управления связи тов. Савватееву В. К. дано указание «принять меры к ускорению доставки центральных газет в поселок Новый Уренгой и оформить подписку на центральные периодические издания».

И еще новость...

Печать и почта из Тюмени в Новый Уренгой будут доставляться прямым рейсом, три раза в неделю. Об этом проинформировал редакцию заместитель министра связи СССР тов. Д. И. МАНГЕЛЬДИН.

МГНОВЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Л. Н. ТОЛСТОЙ ЗА ЧТЕНИЕМ. 1910 г.
Фотография В. Г. ЧЕРТКОВА.

«НЕ УДЕРЖИШЬ...» 1910 г.
ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК Л. Н. ТОЛСТОГО.
Фотография С. А. ТОЛСТОЙ.

Жизнь Толстого последних лет предстает перед нами в ее зримой достоверности на многочисленных фотографиях.

Ни один писатель не имел такого огромного влияния на современников, такой прижизненной славы, как 80-летний Толстой. В эти годы он постоянно подвергался атакам фотографов. Именно тогда Лев Николаевич особенно не любил фотографироваться, считая это пустой господской забавой, и жаловался, что слишком часто видят себя на изображениях.

Первый русский фоторепортёр Карл Карлович Булла в качестве корреспондента «Нового времени» приезжал в Ясную Поляну накануне 80-летия писателя. Снимки Буллы сохранили для нас многие утраченные подробности минувшего времени. Быть может, суховатые и слишком «протокольные» с точки зрения требований фотографии, они исполнены для нас особого значения, ибо во всем богатстве деталей воскрешают облик великого художника. На протяжении двадцати пяти лет фотографом Толстого была его жена, Софья Андреевна. Среди поздних фотографий Толстого, где, как в жизни, перемешаны драматические и радостные, значительные и будничные моменты, особое место принадлежит коллекции его друга и секретаря Владимира Григорьевича Черткова, создавшего в фотографии самый глубокий образ Толстого.

Чертков много снимал Толстого среди природы, чувством которой Лев Николаевич был наделен в высшей степени. Единственный из всех, Чертков видел его в самые сокровенные моменты во время утренней прогулки, ставшей для Толстого в старости необходимой «духовной зарядкой». Жизнь природы и жизнь крестьян, простая и естественная, сливались для Толстого в нечто единое и настоящее, к чему на склоне лет неудержимо стремилась его душа.

Как настоящее откровение воспринимаем мы чертковские крупноплановые портреты Толстого. Его лицо отличалось большой эмоциональной подвижностью. Самым замечательным в нем были глаза. Маленькие, упрятанные под нависшими косматыми бровями, они обладали необыкновенной силой. Трудно определить словами оттенки их беспрерывно изменяющегося выражения, переданные моментальными снимками Черткова.

Имея возможность многократно наблюдать Толстого в самых разных состояниях и обстоятельствах, он запечатлел его то углубившимся в чтение, то как будто всматривающимся в самого себя, то гневным, то скорбным, то улыбающимся.

Ольга ЕРШОВА, научный сотрудник
Государственного музея Л. Н. Толстого

Вспоминая прожитую жизнь, отчетливо чувствую теперь, какое огромное влияние имело на меня творчество Льва Николаевича Толстого. С годами я осознал одну простую и, на мой взгляд, важную истину: если учение Толстого брать широко, если искать в нем не религиозно-философскую программу, а его общий нравственный пафос, обращенный к живому человеку, переведенный на простые жизненные истины, то Толстой становится нам и ближе, и понятнее, и нужнее. Проповедь Толстого, содержащаяся в его морализующих трактатах, чужда нам и потому забыта. Но проповедь Толстого — величайшего гуманиста, поэта, любви к человеку — проповедь, составляющая самый пафос его произведений, близка и нужна нам.

Я, один из многочисленных читателей Льва Толстого, прошел с его книгами через всю жизнь. В раннем детстве впервые прочел басню Толстого «Старый дед и внучек». Сюжет этой басни, скорее, даже притчи, прост и незатейлив. Говорилось там об очень старом и больном дедушке. Ел он неряшливо, и поэтому сын и невестка перестали сажать его за стол, а кормили из лоханки в углу. Как-то раз заметили родители, что их сынок что-то мастерит. «Что ты делаешь?» — спросил отец. «Я, батюшка, лоханки делаю, когда вы состаритесь, буду вас из этой лоханки кормить». Заплакали родители мальчика, им стало стыдно, и с тех пор они принялись ухаживать за стариком. Тогда басня произвела на меня такое сильное впечатление, что даже теперь, когда я перечитываю ее, вспоминаю ту горечь острой жалости к слабому, беззащитному старому человеку, свои слезы и волнение, которые испытал, впервые читая ее.

В Толстом меня всегда покоряет и волнует любовь к лучшему, что есть в человеке, вера в светлые стороны души и в то, что они, эти светлые стороны, всегда оказываются сильнее, что они в конечном счете всегда могут победить. Русская литература велика и прекрасна своей любовью к человечку, постоянством веры в него, высоким состраданием к его мукам. Гоголь, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин... Какое могучее течение составили они в истории русской культуры, как на весь мир прозвучала в их книгах истинно русская тема поиска и защиты правды, великая тема совести, великая тема защиты прав и достоинства человека! Но мне кажется, что даже в этом ряду Толстой занимает особое место. Не поэтому ли над его книгами проведено столько бессонных ночей, столько передумано, пролито столько слез.

Толстого у нас в семье очень любили и почитали. Мать моя была во многом последовательницей учения Льва Николаевича. Так, она давала мне «свободное воспитание». Оно заключалось в том, что ничего не делалось из-под палки, с принуждением или, скажем, с нудными назиданиями. Во всей моей детской жизни и детских делах меня только направляли и как бы расставляли на моем пути полезные и интересные занятия. И еще одна мысль Толстого была внушена мне матерью с детства: вера в то, что в душе моей, внутри меня есть высшее — это совесть человеческая. Жить по совести значило для матери жить по-божьи.

С детских и юношеских лет Толстой стал моим любимым писателем. Трудно назвать его произведение, которое было бы мне ближе всего. Но, пожалуй, все-таки это повести «Детство» и «Отрочество» и, конечно, «Война и мир». На мой взгляд, каждому человеку необходимо перечитывать этот роман каждые десять лет. «Войну и мир»

надо словно цедить, пропуская через самого себя. Уверен, что после каждого прочтения впечатления от этой книги обновляются, рождаются новые мысли, новые чувства. Сколько живу, не перестаю удивляться вечной молодости этого произведения.

Лев Толстой всегда был недосыпаемо велик для меня. Еще будучи гимназистом, я поступил в театральную студию Федора Федоровича Комиссаржевского и уже тогда хотел читать со сцены Толстого. Но это казалось для меня невозможным. Я стеснялся, было как-то неудобно, думал, что это не мое амплуа. Но все-таки первая серьезная вещь, которую я прочел с эстрады, была глава из «Отчества» «История Карла Ивановича». Хотя это и произошло много позже, уже в 30-х годах. Тогда, работая и в театре, и в кино, и на концертной эстраде, я начал ощущать беспокойство и неудовлетворенность своей творческой жизнью. Время у меня было заполнено работой, и все же часть моей души была неудовлетворена. Хотелось поделиться со зрителем моими личными мыслями и чувствами художника. А этого в полную силу я не мог сделать ни в театре, ни в кино. Такая отдушина появилась в художественном чтении.

Самостоятельное творчество дало мне большой толчок к проникновению в тайны актерского мастерства. Инту-

ли будет слушать современная публика тридцать минут в концерте эту, в конце концов, не такую уж интересную историю», — говорили мне. Но эти же соображения меня раздорили. Решил во что бы то ни стало разучить и приготовить «Историю Карла Ивановича».

Работал над этой главой месяца три, сократив ее на несколько минут. Впервые прочел ее в Ленинграде, перед студенческой аудиторией в Политехническом институте. Должен сознаться, что употребил, пока добрался до конца. Отрывок был еще очень сырой, читал его крайне робко. Порой мне казалось, что в публике начинается кашель и шумок. Читал почти формально, думая, зачем я над ним зря трудился и что больше читать его не буду. Но, дочитав до конца, почувствовал, что и в таком виде поданное мной произведение Толстого в какой-то мере взволновало слушателей, и я решил не сдаваться и доработать этот отрывок.

С исполнения «Истории Карла Ивановича» для меня наступил новый и главный период моей работы. Успех чтения этого отрывка, который очень скоро я ощутил в оценке самых взыскательных слушателей, окрылил и открыл передо мной новые, широкие, благородные задачи и новые возможности искусства живого художественного слова.

должна быть мудрость Толстого, незаметная, идущая изнутри, а не изображаемая, взятая напрокат. Не хотелось придавать образу черты внешней характеристики, наоборот, старался избежать назидательности его поучений. И в то же время простота была опасна, образ писателя снижался и упрощался. Искать «золотую середину» приходилось трудно, а порой и мучительно.

Очень помог в моей работе над ролью режиссер Борис Иванович Равенских. Думаю, что без его помощи я не создал бы образ, не на себя одного беру этот успех, эту удачу. Борис Иванович, тонко чувствуя мысль и душу Толстого, сумел меня взволновать, а в некоторых местах насторожить. Например, в монологе о завещании: «Часто я был так не чист, так испорчен страстью личными, что свет истины затмевалась моей темнотой, мой дух придавал ей форму и это были счастливые мгновения моей жизни». Это опасная фраза. Опасна своей выпренностью, декламационностью. Возможно, когда я произношу ее, то нет полной силы чувств и души Толстого. Но внимание обращено — и от спектакля к спектаклю я ищу актерскую «десятку», точное прочтение.

Толстой уходит из Ясной Поляны. «Мои слова и мои мысли есть суть свободы моей, и я их защищу перед кем бы ни стало». Он уходит непонятый,

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТОЛСТОМУ

итивно я пошел по тому пути, о котором так хорошо говорил Л. Н. Толстой, утверждая положение, что «истинное знание всегда самостоятельно». В дальнем эта самостоятельность, а также наблюдения над художественным словом помогли в моей работе в театре.

Первые выступления на эстраде носили случайный и подражательный характер. Читал ранние стихи Маяковского, некоторые произведения Зощенко. Весь репертуар выбирал сам, сообразно своему вкусу и своему амплуа...

«Я был нещастлив ишо во чрефе моей матери», — начинает свое повествование Карл Иванович. Этим рассказом я резко перевел себя с развлекательного (за исключением отчасти Маяковского) и комедийного рассказчика в категорию серьезного чтения. Сам выбор этого отрывка и экзамена, который я выдержал, включив неожиданно серьезный, полный трогательного драматизма рассказ старика учителя-немца в свой комедийный репертуар, открыл передо мной богатые и разнообразные возможности. В этом рассказе Карла Ивановича много юмора и комедийных кусков, но есть и драматические моменты. Пожалуй, я впервые показал себя в этом отрывке как комедийный актер, который может играть драму.

Я долго не решался начать заниматься этим отрывком. Находился в унынии: как смогу читать его? «Вряд

неожиданно для самого себя те би-рюльки и пустяки, которыми я начи-нал мои случайные выступления на эстраде, обратились в нечто совсем другое. Я приобщался к большому искусству. Искусство чтеца обрело для меня громадное, первостепенное зна-чение прежде всего тем, что я читал то, что соответствовало моему собствен-ному «я». Все это было органически мое, так же как и в случае ошибок и неверных решений. По-видимому, выбор материала для актера, его трактовка, его краски, его мысли по поводу выбранного объекта слишком инди-видуальны, слишком интимны, они больше связаны с его душевным ми-ром, чем большинство ролей, которые создаются совместно с коллекти-вом других артистов, возглавляемых ре-жиссером.

Но только в театре у меня в полной мере появилась возможность прикоснуться к живой душе творчества Толстого. Во «Власти тьмы» я сыграл роль Акима. Возможно, некоторым мое назначение на роль такого плана показалось странным. Меня привычно свя-зывали с образами определенного жанра и не представляли в ролях, где очень важна ее трагедийная окраска, ее проповедническая сторона. Но для меня мой Аким не был неожиданностью. Не могу сказать, что всю жизнь мечтал именно о нем, что это была одна из моих «запечатленных ролей». И все-таки я пришел, как мне кажется, к Акиму естественно, а быть мо-

воплотить на сцене образ величайшего художника всех времен.

Пьеса Друэз несет в себе очень добре начальное, она как бы перекидывает мост из прошлого в настоящее, заставляет задуматься уже не только о Толстом, но и о себе, о том, что нельзя, недопустимо, чтобы слова расходи-лись с делом, чтобы идеалы существова-вали сами по себе и не подтверждались поступками.

Рассказывая о жизни гениального писателя, драматург просто не позво-лил себе что-либо присоединить. Собы-тия, происходящие в пьесе, строго документальны. Пожалуй, в этом при-чина некоторой ее схематичности и даже сухости. Образ основан на пись-мах, высказываниях, афоризмах само-го Толстого. В пьесе мало живых мест, живой речи, но мне кажется, что в этом и ее достоинство. Потому что Толстой, на мой взгляд, требует точной документальности. Иначе ведь можно насочинять такого, что не дай бог.

И вот началась трудная, изнурительная работа над образом Толстого. Сомнения преследовали меня все время. Казалось, нет, это не Толстой... Рука моя, которая берет перо, — это не рука Толстого. Боялся каждого жеста, каждого движения. Страшился быть простовато-вульгарным и в то же время казаться напыщенным, выступать, как говорится, «на котурнах». Необхо-димо было найти что-то настояще, чтобы не быть только внешне величе-ственным, внешне мудрым. Ведь это

одинокий. Его уход — это крушение надежд. Толстой не смог до конца скнуться с простым народом, и если живет он не как аристократ и граф, то все-таки он живет барской жизнью, потому что не сумел до конца увлечь за собой других. Его это мучило, он хотел быть с народом, а не только проповедовать для него. Он хотел, не испугавшись старости и лишений, очистить свою совесть. В усадьбе он, несмотря на все ограничения, которые наклады-вал на себя, оставался барином, поме-щиком, ему трудно было отказаться, например, от верховой езды, а ведь это тоже считалось барством среди его братьев-толстовцев.

Мне, как讀者, Толстого, мож-ет быть, просто необходимо было сыграть эту роль. Показать во всем многообразии не титана, стоящего над «толпой», а личность, несвободную от заблуждений, ошибок, со всеми стра-стями человеческими. Чтобы понять его поступки, необходима прони-кливая любовь к Толстому, та любовь, которая безраздельно принимает все, даже дурное, и которая способна на великое всепрощение.

Недавно мне исполнилось 77 лет. Много было сыграно ролей и в театре и в кино. Ролей самых разнообразных. Одни были удачны, другие быстро забывались. Так уж получилось... И все-таки я бесконечно счастлив, что моя жизнь, мое творчество связаны с творчеством величайшего писателя Льва Николаевича Толстого.

"Быть деятельным всегда к цели духовной"

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО С А. А. ТОЛСТОЙ

Толстом с удивительной проницательностью сказал однажды А. П. Чехов: «Толстой, я думаю, никогда не постареет. Язык устареет, но он все будет молод». Этот отзыв Чехова невольно вспоминается ныне, в дни 150-летия великого писателя.

Мы все гордимся всемирным авторитетом Толстого, тем почитанием, которым окружено имя русского гения, и в то же время каждый по-своему чувствует в нем современника, всегда идущего рядом, вечно живого, не стареющего.

Толстой опережал свое время, и поэтому пониманием человека и его места в мире он близок нашей современности.

Нам памятны ленинские слова восхищения огромной личностью Толстого: «матерый человечище!». Поистине жизнь писателя — редкий пример самовоспитания, упорного создания своей личности. И эта внутренняя работа не прекращалась в нем с ранней юности и до конца дней.

Напряженность духовных усилий, страсть нравственных исканий особенно характерны для молодого Толстого. Это отражают его дневники и письма тех лет.

Замечательна в этом отношении его переписка с А. А. Толстой.

Александра Андреевна Толстая доводилась Льву Николаевичу двоюродной теткой. Она была на одиннадцать лет старше его.

Толстой познакомился со своей родней, когда приехал в Петербург из Севастополя уже известным писателем. Но настоящая, глубокая дружба завязалась между Львом Николаевичем и Александрой Андреевной позднее, во время заграничного путешествия Толстого в 1857 году, в Швейцарию.

Впоследствии Александра Андреевна вспоминала о том, что их сблизило:

«Несмотря на различие воспитания и положения, у нас была одна общая черта в характерах. Мы были оба страшные энтузиасты и аналитики, любили искренно добро, но не умели за него приняться правильно. Разбирали себя до тонкости, полагая, что это весьма похвально...»

О Толстом той поры Александра Андреевна замечает:

«Он постоянно стремился начать жизнь с нуля и, откинув прошлое, как изношенное платье, облечься в чистую хламиду».

Какова цель жизни человека? Кто я? Какие нравственные правила могут служить основой поведения? — вот круг вопросов, беспрестанно тревоживших его ум в то время. «Голос раскаяния и страстного желания совершенства», как назовет это Толстой в одной из глав «Юности», постоянно звучал в его душе, вызывал потребность тщательного самоанализа. Это отражается в его дневнике:

«Я перечел страницы дневника, в которых я рассматривала себя и ищу пути или методы к усовершенствованию. С самого начала я принял метод самую логическую и научную, но меньше всего возможную, — разумом познать лучшие и полезнейшие добродетели и достигать их.

Потом я постиг, что добродетель есть только отрицание порока, ибо человек добр, и я хотел исправиться от пороков. Но их было слишком много, и исправление по духовным началам возможно было для духовного существа, но человек имеет два существа, две воли...»

В ранней юности Толстой писал для себя «Правила жизни» и относился к исполнению их очень строго; одно из назначений дневника было контролировать эти правила. Толстой беспощадно казнит себя за отступление от принятых моральных норм, с жесткой настойчивостью повторяет изо дня в день одну и ту же запись: главное — избавиться от раздражительности, лени, тщеславия. Быть человеком без правил означало для Толстого крайнюю степень моральной распущенности. «Быть деятелем всегда к цели духовной» — вот итог, который выводит для себя молодой Толстой.

Стараясь преодолеть в себе порок тщеславия, Толстой определяет его в одной из дневниковых записей как «моральную болезнь». Он высказывает важную мысль о том, что «простота есть главное условие красоты моральной». Он перечитывает тетради своего дневника и замечает: «Интересно было бы описать ход своего морального развития...»

Прислушаемся к этим разнообразным и очень характерным сочетаниям: «моральное развитие», «мо-

ральная красота», «моральная болезнь» — совершенно очевидно, что Толстой имеет в виду огромную область духовной деятельности человека. Это особый род деятельности, когда происходит синтез всего, что приобретено опытом, и все более проявляется человеческое в человеке, совершаются его внутренний рост.

Упорная, сосредоточенная работа над своим характером способствовала тому, что как бы высвобождалась от пут, раскрывались лучшие свойства души. Однажды Толстой высказал это в письме к Александре Андреевне:

«...Весна так действует на меня, что иногда застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распустится вот только теперь вместе с другими и станет просто, спокойно и радостно расти на свете... — По этому случаю к этому времени идет такая внутренняя переборка, очищение и порядок, какой никто, не испытавший этого чувства, не может себе представить. Все старое прочь, все условия света, всю лень, весь эгоизм, все пороки, все запутанные, неясные привязанности, все сожаления, даже раскаянья, — все прочь! Дайте место необыкновенному цветку, который надувает почки и вырастет вместе с весной!»

Александра Андреевна прежде других поняла и вполне оценила душу своего друга. Из ее писем к Толстому вырисовывается его юношеский облик: человек редкого обаяния, наделенный мощной притягательной силой, возле которого находят умиротворение и душевный покой другие. Дружба Толстого заставляла ее, женщину нелегкой судьбы, чувствовать себя моложе, нравственно сильнее. Она призналась:

«Временами на меня нападает настоящий Heimweh (тоска по родине) по отношению к вам, в данное время более, чем когда-либо. Я чувствую, что один настоящий долгий разговор с вами восстановил бы мои силы в тысячу раз больше, чем все мои одинокие чтения и размышлений. В вас есть какая-то благотворная жизненность».

Узнав, что Толстой поспешно вернулся в Россию из заграничного путешествия, чтобы стать опорой сестре Маше, разошедшейся с мужем, Александра Андреевна писала:

«Я жду также от вас новостей о вашей сестре, которая меня очень интересует и о которой я часто думала после наших разговоров о ней. Ваше присутствие при ней является утешительной мыслью, — я знаю, что в вас есть свойства, способствующие оживлению другой души, быть может, даже безотчетно для вас. Знаете ли вы, что вы созданы из «атомов с крючками», или, проще говоря, что вы добры необычайно и что поэтому трудно подле вас не чувствовать себя счастливым. Кажется, я вам не раз это говорила, но по мере того, как удаляешься от предметов, лучше о них судишь. Я не могу вам выразить вполне, сколько было для меня радости в наших встречах, часто неожиданных, и как воспоминания о них поддерживают меня с тех пор».

В то же время для Толстого, лишенного, по выражению Тургенева, «душевной оседлости», часто необходимо было дружеская поддержка родного человека. Об этом — в его письме Александре Андреевне из Франции.

«В Нуэрес (Гиер) был престольный праздник и процессия, кажется, 25 ноября. Я пошел смотреть, и с равнодушной, но сосущей тоской смотрел на толпу и на статую, которую носили, и так гадко было их суеверие и комедия, и видно было, что они им весело-приятно. Тут же в толпе попалась мне комиссарша и дал ваше письмо: я стал его читать на ходу, но потом тяжело стало, зашел в деревянную сарай, сел на бревна, прочел его и ревел целый час, заснул и об чем, сам не знаю. Что я думал и чувствовал, не знаю; письмо ваше убедило меня в одном, что я вас очень люблю, и когда я пошел за процессией, мне стало весело на душе от того, что и у меня было свое суеверие. Убедить человека может только жизнь...»

Толстой переживал одну из самых тяжелых в своей жизни утрат — смерть старшего любимого брата Николая. Осенью 1860 года в надежде, что климат Средиземноморья принесет исцеление страдающему от чахотки Николаю Николаевичу, Толстой отправился с братом в курортный город Гиер на юге Франции. Но путешествие лишь утомило больного, ему становилось все хуже. 20 сентября Николенька скончался на руках Льва Николаевича.

«...Не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена», — писал Толстой Александре Андреевне, сообщая ей о смерти брата, замечательного человека, лучшего своего друга.

Вдали от родины Толстой чувствовал себя одиноким, потерянным и так нуждался в дружеском участии: «Я говорил сестре, как в горе узнаются друзья, — не так как

это думают, что они помогают, но потому что в горе только воспоминания о лучших людях всплывают наружу. Не было дня, чтобы я не вспоминал про вас, и что бы я дал, чтобы последние дни на секундочку увидеть вас».

Но встречаться приходилось редко: возвращавшись из-за границы, Толстой подолгу жил в Ясной Поляне. Александра Андреевна, связанная придворной службой, находилась в Петербурге или на загородной даче, в Сергиевском. Тоска по настоящему делу, глубоко человеческим чувствам прорывается в письмах Александры Андреевны к Толстому:

«Петербург явился мне во мгле — только никак не могу распознать, действительно ли он так мрачен или внутренний взгляд отуманился. День проходит в тяжелой борьбе, — с чем? Сама не знаю, а чувствую, что обращаюсь в элемент, мне более совершенно не свойственный. Время раздроблено, раскрошено на множество мелких обязанностей, сует, скучных и пустых свиданий; ничего цельного, дельного и правильного; и на все это льет грязный дождь из свинцового неба... Мысль о совершенном уединении или лучше сказать об отшельничестве шевелится в душе моей...»

Из своего яснополянского уединения Толстой приспал ответ, в котором удивительным образом выразил свое нравственное кредо — заповедь чистой человеческой жизни:

«Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем... Мне смешно вспомнить, как я думал, и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаяния, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно!.. Чтобы жить честно, надо рваться, пытаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подłość. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия».

И сегодня нас заставляет прислушаться горячий, страстный тон этого высказывания, его моральный пафос.

Но тогда, ведя в письме беседу с Александрой Андреевной, Толстой как будто смущился горячности, с какой высказал свою мысль, и, чтобы сгладить резкое впечатление, полуслутливо назвал ее «проповедью».

Однако для него это была не проповедь, но выражение той постоянной работы души, без которой не было жизни. Начинать и бросать, и снова начинать и опять бросать, чтобы начать вновь — таков был характерный процесс и его нравственных исканий и его творческого труда, в особенности в ту пору, когда несколько лет спустя он стал писать свою великую книгу — «Война и мир».

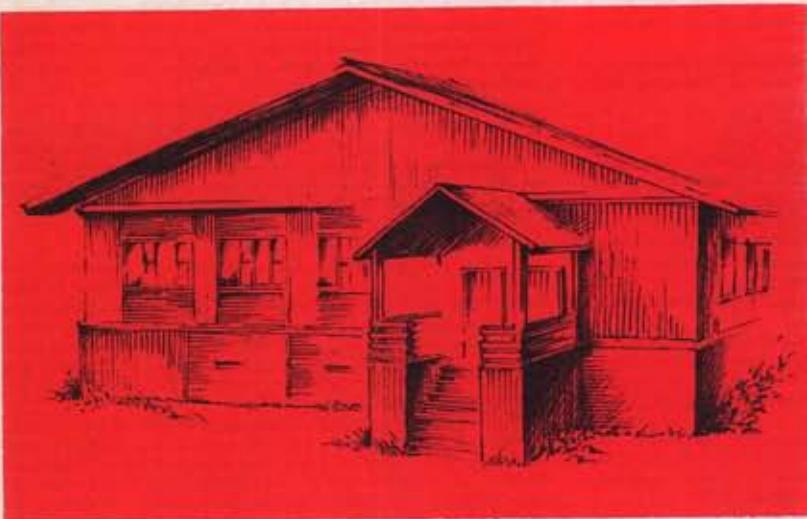
Толстой никогда не потворствовал дурной стороне души, той, что желает спокойствия. Огромная восприимчивость к нуждам и страданиям народа, протест против самодержавной власти, против церкви привели его к глубокому духовному кризису, который завершился переворотом в его сознании. Толстой написал об этом в «Исповеди»: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только оправдывала мне, но потеряла всякий смысл... Я отрекся от жизни нашего круга». Противоборство Толстого с традиционным миропониманием проходит и через всю переписку с Александрой Андреевной.

Наряду с началом лирическим в этой переписке ярко выражено начало драматическое — диалог двух людей, противостоящих в непримиримом споре: Толстой, отвергающий старый строй жизни и веру, и Александру Андреевну — их защитница. Письма Толстого к А. А. Толстой периода 80-х годов содержат обоснование его новых социальных и религиозно-философских взглядов.

Отчуждение и разрыв между Толстым и Александрой Андреевной были неизбежны. Это произошло в конце 80-х годов.

В последние годы жизни, как свидетельствуют об этом записи в яснополянском дневнике Д. П. Маковицкого, домашнего врача в семье Толстых, Лев Николаевич с вниманием и волнением слушал чтение его переписки с А. А. Толстой; он говорил, что это лучший материал для его биографии.

Наталья АЗАРОВА,
кандидат филологических наук,
заместитель директора
Государственного музея Л. Н. Толстого

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ»-НА УРЕНГОЕ

В преддверии 60-летия ВЛКСМ редакция журнала «Смена» выступила с инициативой создания в поселке Новый Уренгой библиотеки на 25 тысяч томов,— об этом мы уже рассказали в № 16. Журнал предложил читателям: давайте вместе, общими усилиями создадим библиотеку в Уренгое!

Сейчас библиотека уже приступила к работе в помещении молодежного общежития. В ее книжном фонде первой появилась литература, купленная редакцией журнала «Смена» на денежную часть премии Союза писателей СССР за литературно-критическую работу. В рамках библиотеки создается «Золотой фонд», куда по предложению «Смены» передают свои произведения с автографами государственные и общественные деятели, военачальники, мастера литературы и искусства.

Комсомольцы и молодежь Ново-Вятского комбината древесных плит предложили проект здания библиотеки и изгото-вили сборный дом—на общественных началах, за счет сэкономленных материалов. Молодые специалисты предприятия осуществляют шефмонтаж сооружения в Уренгое.

Инициатива журнала о строительстве библиотеки в Новом Уренгое поддержана Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР и Министерством культуры РСФСР, которые взяли на себя финансование строительства и обеспечение библиотеки необходимым оборудованием.

Сегодня мы вновь обращаемся к вам, дорогие читатели, с просьбой: пришлите нам книги для уренгойской библиотеки.

Можете—и даже хорошо, если было бы так!—на книгах делать дарственные автографы—пожелания молодым строителям. Имена всех, кто примет участие в формировании библиотеки, мы опубликуем в журнале.

И мы с благодарностью называем имена писателей и поэтов, откликнувшихся на наш призыв: Всеволод Азаров, Валерий Аграновский, Юрий Андреев, Сергей Алексеев, Александр Беляев, Никола Билкун, Юрий Белов, Григорий Боровиков, Виктор Бороздин, Владимир Бровченко, Петр Бородкин, Валентин Бережков, Евгений Богданов, Иван Буланов, Виктор Васильев, Феодосий Видрашку, Виталий Виноградский, Николай Верещагин, Анатолий Василевский, Альберт Ванеев, Глеб Голубев, Семен Гейченко, Андрей Губин, Николай Доброволов, Евгений Дудар, Павел Железнов.

Госкомиздат СССР передает библиотеке в Новом Уренгое книги из фонда контрольных экземпляров, а Республикаанская юношеская библиотека имени 50-летия ВЛКСМ дарит 5000 томов.

Итак, первый—и ощутимый, надо сказать,—взнос есть.

Ждем ваших книг, товарищи!

Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторяем, литература может быть любой—художественной, политической, научной, учебной. Ведь интересы молодых строителей поистине неограничены...

Марк ТАРТАКОВСКИЙ

МОРЕ, ЦВЕТУЩЕЕ ПАРУСАМИ

ея спрашивали:

— Почему на яхте? Не проще ли на теплоходе?

В самом деле, проще было бы на теплоходе, или на поезде, или, чего уж лучше, на самолете: час-другой—и в Калининграде. Но мы все-таки пошли из Кронштадта на запад, а потом на юг, вдоль побережья всей советской Балтики, древним, как само мореплавание, способом—под парусом.

Правда, называть крылатую яхту древней или хотя бы примитивной крайне непочтительно. Это кильевой крейсер с отличными мореходными качествами. И у нас имелось все, что требуется человеку в море: пресная вода в анкерках, продовольствие и даже примус.

И еще—это не менее важно!—были у нас вполне современные штурманские карты, «Книга огней и знаков» и «Лоция Балтийского моря», рассказывающая о берегах, скалах и маяках с безуказненной точностью. И, конечно, компас. Мы называли его поморяцами—компасом.

А вместо двигателя был парус. Наше путешествие не было легкой прогулкой.. Одно дело—передвигаться на корабле, огромном, как дом, парить над волнами на высоте тридцати метров, совсем другое—плыть на уровне этих волн.

Мы испытывали все, что полагалось, в своем плавании: шли почти ощущью в плотном, непропускающем тумане, пережидали гнетущий штиль, три дня без передышки мчались, подхлестываемые жестоким, зато попутным ветром, перекачивались по морским ухабам—с волнами на волну, с гребня на гребень... И наша посудина—эта щепка в ревущем море—была для нас домом и единственным оплотом среди стихии.

С тех пор, когда я вижу парус, я чувствую, как бешено начинает колотиться сердце. Я вспоминаю море, цветущее парусами до самого горизонта. И, конечно же, нашу верную и надежную яхту, породнившую нас с волнами и с ветром.

— Вот ты бредишь парусом,—укоризненно сказал однажды мой знакомый.—А много ли у нас яхт? Удовольствие-то дорогое. Не случайно ведь то, что единственный король, ставший олимпийским чемпионом, завоевал свою медаль именно в парусных гонках. Все-таки это спорт для аристократов, избранных. Я вот попробовал записаться в парусную секцию—так на меня даже как-то странно посмотрели: «Мест нет»...

— А когда ты пошел в яхт-клуб?

— В мае.

— Попробуй прийти в октябре...

Знакомый был удивлен: какое же накануне зимы плавание? Но для яхтсмена поднятие паруса, как флага, лишь итог долгой и многотрудной работы.

Вспоминаю знакомых мне «парусников»—капитанов, рулевых, боцманов, матросов... Королевских особ среди них не было. Это рабочие и инженеры завода «Ростсельмаш»—экипаж крейсерской яхты, где капитаном Николай Фурсенко. Это опытный «морской волк» капитан яхты «Сирена» Валентин Педус, рабочий ростовского же завода «Электроинструмент», и его

коллеги по цеху. Их гораздо больше, чем могла бы принять разом на борт маленькая, переделанная из устаревшей гоночной яхты. Зато она по полгода бессменно в море, а экипаж на ней сменяется каждые две-три недели. И каждый из многочисленного экипажа по праву считает яхту своей.

Я знаю яхты, плавающие уже десятки лет, как, например, эстонская яхта «Ванемуйне», не раз обошедшая, если суммировать все ее маршруты, земной шар, а она выглядит так, как будто только что сошла со стапелей. И все это благодаря тому, что истые яхтсмены не дают ей стареть, своими руками ремонтируют и холят ее.

В команде таллинской яхты «Гренада» три школьника—Миша Васин, Игорь Седуков и Виктор Чабелец. Летняя Мухувийнская регата была их первым морским крещением. Но пришли они в яхт-клуб почти за год до этого в один из промозглых осенних дней, спросили, нет ли для них дела. Работа нашлась. Старый капитан Владимир Ефимович Левков решил обветшалую, списанную яхту обновить от киля до клютика. Теперь эту яхту вы всегда узнаете среди других. Своими высокими бортами она напоминает кaravelлу. Зато в каюте под палубой можно распрымиться во весь рост—неслыханная для яхты роскошь. Впрочем, какая же это каюта—салон! С диванами, столом, шкафчиками для одежды, книг, инструментов. Даже название судно получило новое—«Гренада». И была за оригинальность и удобство конструкции отмечена премией журнала «Катера и яхты».

Вполне, как можно убедиться, «королевская посудина». Только сделана она руками тех, кто на ней плавает. А это уже в корне меняет дело. И я не знаю, считать ли парусным крещением трех школьников первую в их жизни регату или отнести его почти на год раньше, когда они «реанимировали» яхту.

Конечно, для того, чтобы решительно «шагнуть в море», надо еще встретить такого капитана, как Левков... Со своим чемоданчиком я бродил взад-вперед по узкому бетонному пирсу между приткнувшимися с двух сторон вздернутыми острыми носами и низкими тупыми кормами яхт. Капитаны колебались, брать ли на борт дополнительный груз. Увы, мои 65 килограммов плюс одежда и кое-какие вещи не такая уж несущественная нагрузка во время гонки для маленького судна. Левков же только деловито спросил:

— Согласны спать на палубе? Потому что у меня уже перебор—восемь душ.

Вскоре я оценил рисковость капитана. Среди десятков яхт, участвовавших в регате, только его экипаж включал, кроме меня, фактически новичка, и трех подростков, еще и трех девушки. С прочих судов, укомплектованных исключительно опытными «морскими волками», поглядывали на нас насмешливо. Впрочем, лишь до первого финиша, когда «Гренада» уверенно пришла второй... Школьники заправски несли вахту, а уж с нашей поварихой и «боцманшей» сравняться попросту было некому.

Продолжение на IV обл.

ЧЕМПИОНЫ ВРЕМЕНИ

Начало на 22-й стр.

— Мы не вернемся к Фляшону. У нас с тобой уже пятьсот франков плюс остаток после покупки пирожка и двух шляп.

— Играл?

— Да еще как! Мне всегда чертовски везет за карточным столиком.

— А если бы на шулерах нарвался? — спрашиваю я.

— Бросил бы после второго или третьего проигрыша. Ведь начали-то по маленькой. Не пошла бы карта — значит, не пошла. Да и ребята на шулерах непохожи. Либо старатели с рудниками, либо здешние скотоводы.

— Что же будем делать?

Мартин загадочно усмехнулся.

— Возьмем билеты на «Гекльберри Финна».

Глава III «ГЕКЛЬБЕРРИ ФИНН»

В воскресенье в десять утра по местному времени мы с Доном, прикатые к борту самой высокопоставленной в буквальном и переносном смысле пассажирской палубы парохода, молча наблюдали церемонию отплытия. Мы были одеты специально для «высокопоставленной» палубы: Дон в новенькой клетчатой куртке с красным платком на шее, я — в скромном синем сюртуке и светло-сером цилиндре с твердыми, как железо, пальми. Переодеться пришлось потому, что ничего, кроме каюты первого класса, мы в кассе купить не смогли: все билеты были проданы еще накануне.

Ключи нам выдал стюард, не очень уважительно нас встретивший: видимо, наше новое платье все же не соответствовало «высокопоставленной» палубе парохода. Да и багажа у нас не было, так что не знаю, за кого он нас принял: за гастролирующими шулерами или охотниками со серебряными слитками, только вчера еще погруженными в трюм парохода. Мы видели эту погрузку. Два ряда полицейских с автоматами выстроились на причале вплоть до трюма. Между рядами другие полицейские, уже без оружия, тащили один за другим небольшие, но, видимо, нелегкие ящики со слитками серебра. Полицейских было действительно много, и в своих зеленых мундирах они скорее походили на солдат: выправкой и четкостью движений, которой, кстати, могли позавидовать даже профессиональные грузчики.

Сейчас их на пароходе не видно, но поскольку на кормовую палубу, где находится верхний люк «серебряного» трикона, никого не пускают, значит, и здесь их цепкий отряд. Я дохожу до кормы, где рыжий матрос в тельняшке преграждает мне путь: «Дальше нельзя. Запрещено». И я покорно бреду назад вдоль борта, рассматривая гуляющих пассажиров. Ни одного типа, подобного посетителям салуна «Веселый петух» или моим коллегам по разноске мешков на причале. Женщины в длинных шелковых платьях и соломенных капорах с цветными бантиками у подбородка, мужчины в аккуратных, как у Мартина, курточках или цветных сюртуках, как у меня, только из лучшей материи и лучше сшитых. На ногах или узкие шевровые ботинки, или длинные шнурованные башмаки, какие до сих пор носят в Канаде и северных штатах Америки. Один старый джентльмен, прогуливающийся с красивой девушкой в голубом платье, посмотрел на меня внимательно. И опять мне показалось, что это неспроста, хотя я и был совершенно уверен в том, что мы до сих пор никогда и нигде не встречались. Вероятно, сбит с толку моим сходством с какими-то своим знакомым, подумал я.

Мартина я нашел в каюте. Он уже лежал на верхней койке и дымил сигаркой явно местного производства. Мое же внимание привлекла древность каюты. Изношенная обивка — вот-вот рассыпается шелк, древние, хотя и начищенные до блеска медные ручки, истертый коврик под ногами.

— Даиненко ходит старина «Гек» — говорю я.

— У них есть и винтовые суда, — добавляет Мартин. — Ходят до Филера — их нефтяного центра на юге — и каких-то островов в океане. Некоторые уходили и дальше, но не вернулись. А вернувшиеся так и не обнаружили других континентов. Не обнаружили их и парусники. Здесь карты изображают Город, как единственное государство одного материка, окруженного океаном.

Может быть, это действительно так, но откуда Мартин знает об этом?

— От корабельного механика, — охотно откликается он. — Познакомились с ним за стаканом яблочной водки в баре. Представился я человеком, ухитившимся не постичь всех основ наук и техники. В Городе таких много — школ не хватает. Оказывается, здесь и двигатель внутреннего горения открыты, только автомобили строятся кустарно, в маленьких мастерских, как у нас некоторые гоночные машины. И они чертовски дороги — я о здешних говорю, только миллионы и покупают.

— Значит, и миллионы есть?

— Говорят, есть.

— Все-таки они шагнули вперед за полсотни лет.

— Даже билансы строят, как братья Райт...

Стук в дверь — и стюард приглашает нас к обеду.

В каютах-компаниях так же шумно и пестро, как и на палубе. Цветные камзолы и жилеты мужчин, нарядные платья женщин. Завитые волосы, широкие галстуки.

Два стула за нашим столом пусты. Возле них останавливаются уже приметившийся мне хорошо одетый седой джентльмен с белокурой кружевной амазонкой. Рассчитано или случайно? Но этот раз он не разглядывает нас с нескрываемым любопытством, а просто тихо и вежливо спрашивает:

— Все столовы в зале заняты, а у вас два свободных кресла. Не разрешите ли присоединиться старину с дамой?

Мартин, даже не взглянув на меня, вскакивает, подвигая девушку стул.

— Будем только рады, мадемузель.

— Мисс, — поправляет она. — Мисс Стил, или просто Мин-

ни. А это мой дядя, сенатор Стил. — Последние слова она произносит подчеркнуто, вероятно, полагая, что они не могут не произвести впечатления.

Но ни фамилии, ни звание в первый момент не вызывают у меня интереса. Я просто встаю и любезно кланяюсь элегантному старцу.

— К вашим услугам, сенатор. Жорж Ано.

— Дональд Мартин, — представляетя Дон.

И тут же разительная перемена происходит со спокойным сенатором. Он как бы весь освещается изнутри. Двумя руками обнимая мои плечи, он с очевидной радостью воскликнет:

— Я так и думал, джентльмены! Вы оба дети или внуки моих старых друзей. Совсем как они в молодости — так похожи! И даже имена те же. А ведь с Ано и Мартином мы были в подполье и вместе освобождали Город от хунты Корсона Бойла. Только потом они куда-то исчезли. Так же непонятно исчезли, как и появились...

Этот монолог помогает мне сыгрывизировать ответ. В первый же момент я растерялся. Ведь то был Джемс Стил, первый человек, кого мы встретили пятьдесят лет назад в этом мире, тогда еще двадцатилетний юноша, действительно добрый и верный товарищ.

— Вы не ошиблись, сенатор, но боюсь, что объяснить все сейчас мы не сможем. Это — не для застольной беседы. Но мы с вами можем встретиться после обеда, скажем, вдвое. И я расскажу вам все, что знаю. Устраивает?

Сенатор немножко растерянно заказывает обед. Мартин тактично предлагает тост за прекрасную амазонку, которая привлекла его внимание еще на улице, девушка краснеет, сенатор смеется, и опасный момент объяснения счастливо откладывается.

— В Город? — спрашивает сенатор, поглаживая выющуюся седую бородку.

— В Город, сенатор.

— Дела?

— Пожалуй. В связи с ними у меня к вам вопрос, — пользуясь новой возможностью оторвать старика от воспоминаний. — Мы с Доном далеки от политики. Так уж случилось — не знаем ни партий, ни их лидеров. А вы наверняка сможете многое объяснить.

— Например?

— Кто такой Тур Мердок?

— Тур Мердок? — удивленно повторяет Стил. — Вас он интересует как личность или как политическая фигура?

— И то и другое. Я познакомился с ним в кабинете Вильсона в Сильвервилле.

Я рассказываю историю своего знакомства с Мердоком.

— Значит, одним выстрелом разбили бутылку? — смеется сенатор. — А что сказал Тур Мердок?

— Он предложил бродяге прекратить самодействительность, и, представьте себе, этот громила отступил, как побитая собачонка.

— Таких собачонок у Мердока десятки тысяч. И это не просто разбойничья шайка, хотя таких у него немало, — это костяк будущей партии. К счастью, еще не легализованной.

— Какой партии? — спрашиваю я.

— Реставраторов свергнутого нами полицейского государства.

— Он даже не родился еще в то время... Что он знает о нем?

— Есть свидетельства очевидцев, есть и свидетельства слушателей и читателей. Мердок умный и образованный человек. Бывший шериф на серебряных рудниках. Шериф жесткий и требовательный, с умением управлять, что и вознаградило его. Его заметили, пригрели и даже предложили какой-то пост в руководстве. Но он вышел в отставку и занялся политикой. Сначала был «полуистом», как и мы, потом откололся: наш демократизм его не устраивал. Для партии «джентльменов» у него не было ни состояния, ни положения, вот он и попробовал основать третью, еще правнее. Крупным собственникам обещал снижение налогов, мелким — расширение торговли и земельных угодий, бродягам и неимущим — свободное освоение новых земель. Наша страна, как вы знаете, огромна и необжита, но все новое, что вы откроете и захватите, будь то земля или участки рыбачьих и охотниччьих промыслов, вы обязаны оплатить государству — это доход и прибыль казны. На открываемых новых землях каждый может захватить столько, сколько сумеет обработать и обжить. По идеи неплохо. Но аграрный воротила может захватить в тысячи раз больше, чем обычновенный фермер. А ликвидация сената и единоличная диктатура Мердока освободят его от любых обещаний.

— На что же он рассчитывает?

— На сенатские выборы. Но по нашим законам кандидатов может выставить только легализованная партия. Юридически такой партии у него нет. Билль о ее легализации провален. А для военного путча у него еще мало силенок.

— Господи, как скучно! — воскликнет белокурая соседка Мартина. — Вы все о политике... Мистер Мартин слушает, а я скучаю.

Мартин мгновенно находится:

— Может быть, мы с вами пока посидим на палубе?

— Конечно, погуляйте, — поддерживает его сенатор, — а мы с Ано продолжим наш разговор.

Мартин с пленинницей Стила уходит. Мы в столовой уже одни. Только где-то позади официанты убирают посуду, а на двух отдаленных столиках запоздавшие попивают вино.

— Не удивляйтесь, сенатор, — перехожу я к критическому объяснению. — Я мог бы сказать еще смелее: не удивляйтесь, Джемс. Я не сын Жоржа Ано. Я тот же самый Ано, который боролся бок о бок с тобой. Я могу напомнить тебе все подробности наших встреч. Ты же знаешь, откуда мы тогда пришли? И сейчас мы оттуда же — с Земли.

Сказать, что сенатор удивлен, значит ничего не сказать; он потрясен до немоты.

— Но ведь прошло уже пятьдесят лет, а вы... вы все тот же, — шепчет он.

— На Земле другое время, Стил. Другое его течение. У вас проходит год, у нас месяц. Да и этот подсчет приблизителен. И как далеко от вас Земля, мы не знаем.

— Значит, еще одна космическая катастрофа?

Я долго думаю, прежде чем ответить. Если даже наши ученыне не в состоянии объяснить происходящее, то нам со

стилом просто придется признать это как факт. Случилось? Случилось. Необычайное? Абсолютно. Значит, успокимся и гадать не будем. Рассказанное Стилу останется со Стилом, а мы с Мартином будем жить и работать, пока в этом есть необходимость.

— Надолго к нам?

— Кто знает, с какой целью мы опять переброшены. Полагаю, что предстоит события, в которых нам придется участвовать. Вот почему я заинтересовался политикой. Мне нужно узнать, как изменился ваш мир. Уже то, что мы видели в Сильвервилле, говорит о многом.

— Сильвервиль — это окресты Ано.

— Тогда и его не было.

— Многого не было. И нефти и серебряных рудников. И не ловили тунца в океане. Не разводили скота. Не было ни боен, ни холодильника. — Стил задумчиво перебирает пальцами и вдруг сжимает их в кулак. — Сейчас мы уже старики, третье поколение переживает зрелость, а четвертое начинает расти детей. Кого интересует сейчас легенда о прародителе Земли, от которой мы якобы оторвались? Только авторов школьных учебников.

Я вспоминаю наш первый разговор пятьдесят лет назад по здешнему счету. «Вы говорите по-английски и по-французски. А слыхали о таких государствах, как Англия и Франция?» «Нет». «А о частях света, о материалах и скважинах?» Джемс и Люк, его брат, непонимающе смотрели на нас. «А вы в школе учились?» «Конечно», — хором ответили оба. «Есть такой предмет — география», — сказал я. «Нет такого предмета», — перебил Люк. «Что-то было», — остановил его брат, — что-то рассказывали нам о мире, где мы живем. Кажется, это называлось географией, потом ее запретили».

— Значит, воскресли все-таки географию? — спрашиваю я, не без ехидства.

— Давно. На стапелях Ойлера строятся морские суда. Уже удалось обойти вдоль берегов весь наш континент. А вот к границам его по суше еще не добрались. На севере и северо-востоке непроходимые леса. Природа меняется медленно, не то что люди.

— Странно у вас теперь одеваются, — говорю я. — Даже мне пришло сменить шкуру.

— Капризы моды. Разве у вас она не изменчива? Лет двадцать назад какой-то художник изобразил людей в цветных камзолах и шляпах с высоким верхом. С тех пор и пошло. А молодежь у нас предпочитает незамысловатые штаны и куртки. Ну, а мастеровым и фермерам просто нельзя иначе.

— Фермерам? — переспрашиваю я. — Когда-то их называли «дикими»?

— «Диких» давно уже нет. Они прародители нашего сельского хозяйства. Кто сейчас кормит Город? Фермеры и ранчмены. Не заводы, а земля.

И Стил подтверждает то, что мы с Мартином уже давно поняли. «Облака» уничтожили искусственное снабжение Города. Технический управляющий центр просто исчез неизвестно куда, от продовольственного континуума остались лишь скотоводческая Ферма и склад семенного зерна. Пришло сразу же ввести продовольственные карточки, а «дикие» стали первыми поставщиками хлеба, рыбы и мяса. Но и они не смогли предотвратить беды: начался голод. Тотчас же был обнародован закон, поощряющий охоту и рыболовство, а также обработку земельных участков в новооткрытых районах. Тысячи людей устремились из Города на Реку и в прилегающие леса. Одно за другим возникли фермерские хозяйства и скотоводческие ранчо, конные заводы и рыбные промыслы. Грандиозно вырос меновой рынок, где меняли на продукты все что угодно. Город ожидал...

Вечером у себя в каюте я повторяю Мартину рассказ Стила.

— Ну а мы при чем? Зачем мы здесь? — спрашивает Мартин.

Дверь открывается без стука — а может, и был стук, да мы не слышали — и в каюту входит уже знакомый мне Тур Мердок. Он в том же костюме, только без цилиндра.

— На последний вопрос могу ответить я, — говорит он. — Вы кричали так громко, что было слышно сквозь полуоткрытую дверь. Вы здесь, джентльмены, для того, чтобы помочь мне, ну а я для того, чтобы помочь вам.

Мы с Мартином не находим слов для ответа. Мы просто ждем, глупо моргая глазами. А Мердок продолжает:

— Кто вы, я знаю. Прочел ваши имена в регистрацииной книге для пассажиров, кроме того, с мыслью Ано я познакомился лично, а мистер Мартин видел меня в салуне Вильсона, когда выходил из игорного зала. Вы записались как путешественники. Вас это не обижает, надеюсь? Ведь путь с грузового причала к верхней палубе «Гекльберри Финна» не так уж короток, чтобы рядовой путешественник прошел его за два дня. Так вот, у меня к вам, джентльмены, два предложения.

— Что же вы предлагаете? — спрашиваю я.

— На будущее? Участие в моих делах за достойное вознаграждение.

— В каких делах? — перебиваю я. — Может быть, в тех, для которых используется джентльмен по имени Пасквя?

Мердок улыбается, ничуть не смущенный.

— У Паскви свои обязанности и свой круг знакомых. А вас я видел в обществе сенатора Стила. И разговор, судя по всему, был деловым и добрым. Вот это меня и привлекает.

— Могу ли узнать, почему, мистер Мердок?

— Вполне, мисс Ано. Чем скорее вы или мистер Мартин войдете в круг интересов сенатора, тем нужнее вы будете для меня.

— Подумаем, — говорю я.

— Теперь о предложении на эту ночь. Не ложитесь спать или по крайней мере не раздевайтесь. Если услышите шум на палубе или даже выстрелы, не выходите из каюты. И учтите, что ни вам, ни сенатору Стилу никто не грозит.

— А кому грозит? — спрашивает Мартин. Он явно недоволен и не хочет скрывать этого.

Но Мердок по-прежнему улыбается.

— До встречи ночью.

Продолжение следует.

КАКОЙ ЦЕНОЙ ЗАВОЕВАНО СЧАСТЬЕ,— ПОЖАЛУЙСТА, ПОМНИТЕ!

ДЕВУШКА ИЗ ПЕСНИ

Древняя и мудрая земля Латвия воспета в легендах и сказаниях Стабурага и Лачплесиса, песнях и стихах Дарзиня, Павула и Судрабкална. Латвия дарит людям солнце и море, «желтое золото сосен» и «живое серебро» холодных латгальских озер и Балтики. Из седой древности, из латышских народных песен пришел к нам дивный образ этого края — меч прорубает дорогу въходящему солнцу. Меч и солнце...

Люди прорубают дорогу к солнцу, свободолюбивые, смелые, гордые. Это они помогли защитить и отстоять первую пролетарскую революцию. Это они, мужественные наследники Октября, сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а сейчас строят новую, светлую жизнь, имя которой — коммунизм.

Осенью я вместе с товарищами побывала в Музее красных латышских стрелков. Мысленно прошла большой и трудный путь бесстрашных сынов маленького по численности народа.

Латышские стрелки...

После Октября, когда у Советской власти еще не было своей армии, первыми полками, пришедшими на ее защиту, с богатым военным опытом, смелыми и бесстрашными, были латышские стрелковые части.

Латышских стрелков встречали Петроград, Москва и Самара, древний Псков и Харьков. Смелые сыны и дочери Латвии навечно уснули в приволжских степях,

за ширью Дона, в глухих болотах Сибири и в дальнем Тобольске. Они выполнили свой интернациональный долг и поэтому бессмертны в народной памяти.

Фабрициус, Вацетис, Алкснис, Петерс. Им доверили брат Зимний, охранять Кремль и В. И. Ленина. Владимир Ильич часто беседовал с ними: расспрашивал о жизни, о делах, о настроении.

Помните светловские строки о девушке из «Каховки»: «...сквозь дым улыбались ее голубые глаза... И девушка наша в походной шинели горящей Каховкой идет...»? Кто она, эта девушка из «Каховки»? Она тоже из латышских стрелков.

Седую женщину с голубыми глазами и сейчас можно встретить в Музее латышских стрелков. Это Зельма Яновна Пиген — та самая, из песни.

За полтора года до Октябрьской революции пятнадцатилетняя Зельма Пиген стала членом партии большевиков. Когда началась гражданская война, ушла на фронт. Под Киевом была тяжело ранена, но через месяц с остатками отряда вступила в третий Курземский латышский полк. Там сначала кое-кто усмехался: дескать, девица убежит после первого выстрела. Но после первого боя Зельме жали руки: «Ты парень подходящий». Стрелка Зельму Пиген вскоре избрали секретарем партийчайки. Это значило, что Зельма на самых трудных участках всегда была впереди. Такая у коммунистов привилегия.

Сейчас Зельма Яновна на отдыхе, но решительно

не желает думать о покое: член партийной комиссии при ЦК Компартии Латвии, она же член совета старых большевиков, член совета рижской группы ветеранов, наконец, член совета музея стрелков. К ней идут письма со всех концов страны. Много конвертов из Каховки — там столько друзей и знакомых!

Идут годы, десятилетия... Но не забыты дела дедов и отцов. Родина помнит своих сыновей и дочерей, боровшихся за ее счастливое будущее.

Каждый день в гвардейском учебном мотострелковом Краснознаменном полку имени Латышских стрелков проходит с высоким напряжением. Будущие командиры, операторы-наводчики и механики-водители старательно овладевают боевым мастерством.

Курсанты часто встречаются с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн — латышскими стрелками. Они учатся у них мужеству и отваге, верности и долгу.

Молодое поколение воинов с честью продолжает славные боевые традиции своих дедов и отцов. Это о них написал поэт Валдис Лукс:

Внуки красных латышских стрелков
входят в храмы науки —
то, что начали деды,
смело продолжат внуки.

Юлия ШМИДТ,
Латвийская ССР

ЗАГОВОРЯТ ЛИ СНИМКИ ГЕРОЯ?..

Мы до обидного мало знаем о довоенной жизни славного воспитанника комсомола, легендарного политрука-панфилова Героя Советского Союза Василия Георгиевича Клочкова.

И вот находки, пришедшие ко мне в ходе работы над книгой о нем. Две фотографии, снятые им самим (он был, как рассказывают, страстным фотолюбителем). Они явно смогут дополнить его биографию, как хочется надеяться, интересными подробностями.

Но кто увековечен на снимках? Помнят ли эти люди о том, с кем столкнула их судьба в тридцатые годы? Чем запечатлелся им будущий политрук и каким он был в ту пору? Десятки вопросов...

Василий Клочков пробыл в комсомоле шесть лет и все эти годы был активным его работником. Сельский избач в 15 лет и делегат районной комсомольской конференции, старший пионервожатый, стенгазетчик и руководитель бригады синеблузников: по заданию райкома участвует в коллективизации — по нему стреляют из кулацких обрезов... Затем член райкома и даже, по некоторым данным, был избран в бюро райкома.

Жажда кипучей общественной деятельности осталась в нем навсегда.

Вольск 1937 года. Двадцатишестилетний Клочков в

ОСОАВИАХИМОВЦЫ. ВОЛЬСК, 1937 год.
ФОТО В. Г. КЛОЧКОВА.

преддверии выборов в Верховный Совет СССР — руководитель кружка женщин-работниц и домохозяек по изучению Конституции. К сожалению, это, пожалуй, и все, что сейчас известно в связи с этим снимком.

Еще важная страница его биографии. Здесь же, в Вольске, он политрук горкома Осоавиахима на обще-

ственных, как бы мы сегодня сказали, началах. Но пока разыскан лишь один очевидец этого. И, увы, скучу его воспоминания. На снимке же большая группа тех, кто занимался под руководством будущего героя.

Именно в это время ему присваивается воинское звание младшего политрука запаса. Отныне обнаруживается целая цепочка фактов. Клочков, оказывается, прошел службу в рядах РККА и окончил полковую школу младшего комсостава. Это Пенза, 1934 год. В Вольске он тоже призывался на армейские сборы. Между прочим, раньше писали, что до войны он в армии не был.

Однако кто может расшифровать эти, по сути дела, совсем «немые» пока еще снимки и вписать новые строчки в рассказ о жизни В. Г. Клочкова? Предвижу с надеждой, что найдутся и откликнутся его друзья и знакомые, что в поисках этих людей вступят красные следопыты, старшеклассники-краеведы, комсомольцы. Их усилия помогут благородному делу дальнейшего увековечения памяти легендарной личности. Каждое записанное слово воспоминаний, каждая новая деталь и дополнительные штрихи к биографии Героя Советского Союза Василия Георгиевича Клочкова, конечно же, чрезвычайно важны.

Валентин ОСИПОВ,
Москва

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ

Однажды в Фокинский район партком пришло письмо от Григория Платоновича Бутова, комсомольца двадцатых годов, уроженца Брянска. Письмо заинтересовалось школьники, красные следопыты. Они попросили Григория Платоновича прислать известные ему адреса брянских коммунистов и комсомольцев 20-х годов, проживающих в разных городах Советского Союза, и начали их разыск. Потом родилась идея: всех, с кем начали переписку, пригласить в школу. Ребята сомневались: соберутся ли? К предстоящему вечеру встречи поколений создали музей боевой славы. Оформили дневник следопытов, подготовили самодеятельность. Школьники все делали сами, охотно, по собственной инициативе, зная, что результаты их работы увидят герои. В день встречи собралась вся школа. Гости, комсомольцы 20-х годов, рассказывали ребятам о славных делах их ровесников, вершивших революцию.

Перед сегодняшними школьниками встал 1919 год, гражданская война. Брянский железнодорожный узел переживал топливный кризис. Каждое полено и доска были на вес золота: десятки паровозов стояли в тупике, на «паровозном кладбище». Вместе с молодыми рабочими коммунист А. Е. Носов решал топливную проблему. Первая большевистская организация поселка Лыговский (сегодня это Фокинский

район Брянска), созданная еще в 1917 году, принимала решение создать ячейку Российского Коммунистического Союза Молодежи из парней и девушек железнодорожного депо. Председателем комсомольской организации избрали Сергея Трофименко, секретарем — Виктора Толстунова. Комсомольцы развернули среди молодежи поселка пропагандистскую работу: раздавали газеты и журналы, писали на больших плакатах сводки с фронтов гражданской войны, проводили летние митинги. Их недаром прозвали железными комсомольцами. Старенько здание кинотеатра «Электричка» они приспособили для агитационной работы. Здесь проводили собрания, показывали спектакли, пели революционные песни: «Мы — кузнецы, и дух наш молод...», «Вихри враждебные веют над нами...».

Григорий Даушнин, Петр Кожемяко, имевшие фронтовой опыт и военные знания, обучали комсомольцев стрельбе из винтовок и пулеметов, боевым порядкам при наступлении и обороне. Положение в республике с каждым днем становилось напряженнее: с юга шла белогвардейская армия генерала Деникина. По решению второго Всероссийского съезда РККМ прифронтовые комсомольские организации начали мобилизацию комсомольцев в ряды действующей Красной Армии. Комсомольцы Лыговской организации вместе с Виктором Толстуновым попросили отправить их на фронт. Райком партии вынес решение: для комсомольской работы оставить только девушек. «Возвращайтесь героями», — провожая ребят, говорили они. Комсомольцы направили в пулеметную роту батальона особого назначения Брянского укрепрайона. Сразу же начались бои. Комсомольцы подали заявления с просьбой принять их в партию. На исходные позиции одна за другую выезжали пулеметные тачанки молодых коммунистов. Вот впереди Виктора Толстунова тачанка Тихона Сошенко. Он занял выгодную позицию, прижал пулеметным огнем неприятельские цепи к земле. Бойцы бросились вперед, уже видны позиции врага. — победа! Но замолчал пулемет Тихона: не стало отважного пулеметчика. После боя стоял, опустив голову, Виктор Толстунов...

Сегодня здесь, в школьном зале, после долгой разлуки встретились старые друзья, герои гражданской войны. По приглашению Григория Платоновича Бутова школьники приезжали к нему в гости, в Ленинград. Конечно, среди экскурсантов были только те, кто хорошо успевает. После первой встречи установилась крепкая дружба между брянскими комсомольцами 20-х годов и годами 70-х. О своих успехах ребята пишут новым наставникам. Встречи поколений стали традиционными. В адрес школы идут письма. В них — летопись славного пути, пройденного Ленинским комсомолом за шестьдесят боевых лет.

Владимир КНЯЗЕВ, учитель,
Брянск

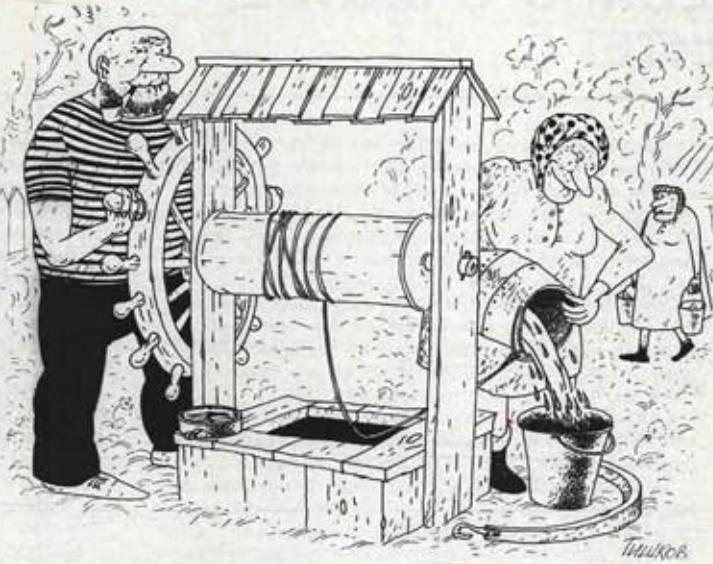

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

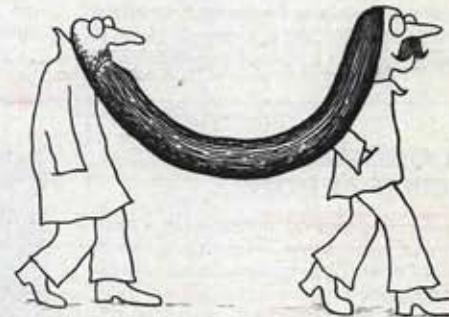
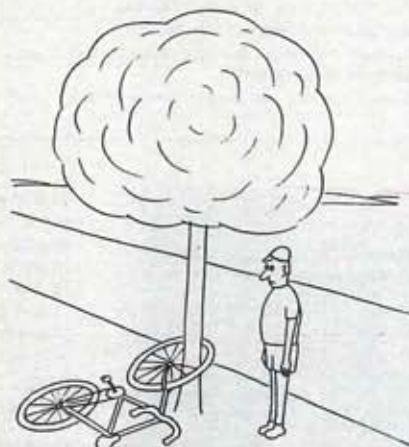

Рисунок Андрея ФЕЛЬДШТЕЙНА

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

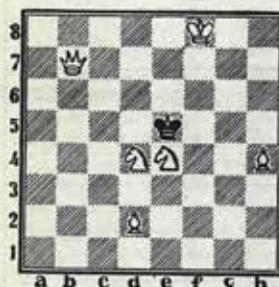
Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЫ

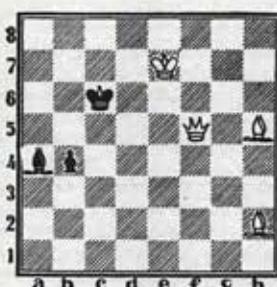
КОНКУРС МИНИАТЮР

Продолжаем публикацию заданий конкурса на лучшее решение шахматных задач-миниатюр, объявленного в № 18 «Смены».

ВТОРОЙ ТУР

Мат в два хода.

Мат в три хода.

Как было обусловлено, решения композиций второго (а также третьего—шестого) тура посыпаются в адрес редакции на открытках (без конвертов), причем ответ на каждую задачу—на отдельной почтовой карточке. На той стороне, где указаны адреса редакции «Смены» и отправителя, вверху слева следует сделать пометку «Конкурс миниатюра, тур второй». На обороте, где приводятся ответы в шахматной нотации, вверху справа обязательно проставьте свой конкурсный регистрационный номер.

Не забудьте, пожалуйста, что письма на второй тур надо посыпать с 21 ноября по 31 декабря 1978 года.

КОГДА «НА МУШКЕ» КОРОЛЬ

Немало интересных примеров шахматного творчества встретилось в поединках международных турниров, состоявшихся минувшим летом в Киеве и Риге.

К такому положению пришла после 41-го хода черных партия победителя киевского турнира 24-летнего советского гроссмейстера Александра Белянского (у него были белые фигуры) с гроссмейстером из Венгрии Иваном Фараго. Смелым пешечным прорывом на своем правом фланге львовянин вскрывает линии для стремительной атаки, которая быстро приводит его к победной цели.

42. f4—f5! g6:f5 43. Ld1—f1 f5:g4 44. Lf1—f6 g4:h3 45. Ce3:h6!

Белые резонно отказываются от выигрыша ферзя за ладью, легкую фигуру и пешку, потому что партнер смог бы тогда упорно сопротивляться.

45. ...F6—g4 46. Cg2:h3 Fg4:d4 47. Lc3—g3 Fd4—a1+ 48. Kр1—h2 Fa1:e5 49. Lf6:b6, и черные капитулировали.

39. ...Lb7—c7 40. Cc5—b6 Lc7—c6 41. Сb6—a5 Lc6—a5 42. Ca5—e1 Kpg6—f5 43. Le8—g8 Kpf5—g4 44. f4—f5 e6:f5 45. Lg8:g7+ Kpg4—f3 46. Lg7—g5 Kd5—e3!, и белые сложили «оружие», их король попал в матовую сеть.

КРАСИВАЯ КОМБИНАЦИЯ

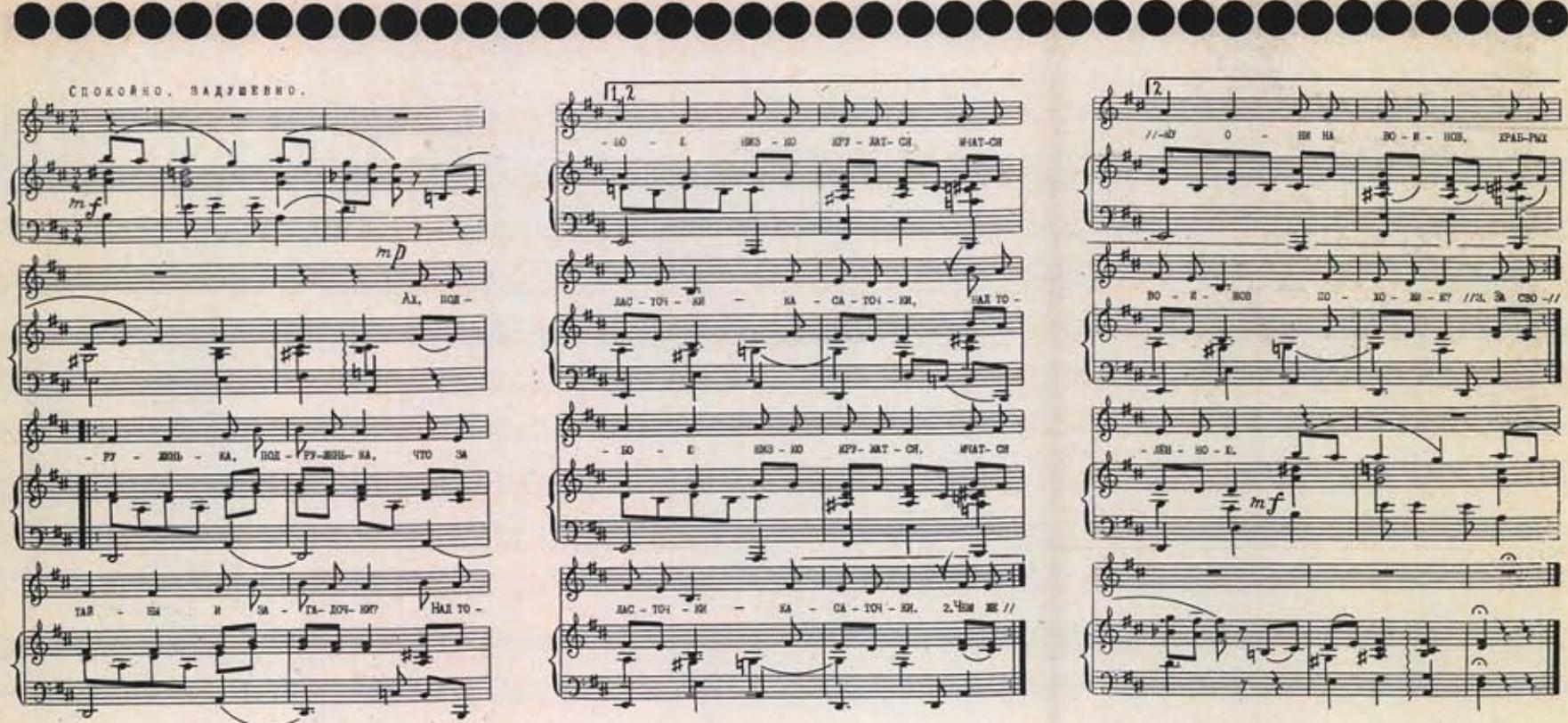
Впечатляющей жертвой ферзя порадовал калужанин В. Никитин в поединке против А. Казанцева из Липецка на всесоюзном шахматном фестивале 1978 года в Юрмале.

Последовало: 18. Kh8—f7+! Kpd8—c7 19. Fe2—e5+ Kpc7—b6 20. Fe5:c5+!! Kpb6:c5 21. Cc1—e3+ Kpc5—b4 22. a2—a3+ Kpb4—a5 23. b2—b4+ Kpa5—a4 24. Kf7—d6 Cg4—e6 25. Kd6—e4!, и ввиду неотвратимого матта черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.08.78. Подписано к печати 01.09.78. А 01453. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2252. Заказ № 2717. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЛАСТОЧКИ

Слова Анатолия СОФРОНОВА.

Музыка Вадима ГАМАЛИЯ.

Ах, подруженька, подруженька,
Что за тайны и загадочки?
Над тобою низко кружатся,
Мчатся ласточки-касаточки.

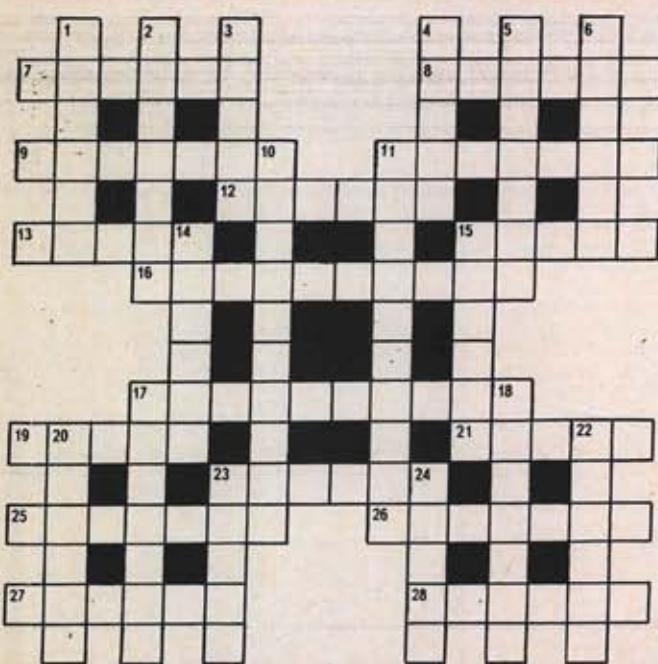
Чем же, чем обеспокоены?
Чем касаточки встревожены?
Почему они на воинов,
Храбрых воинов похожие?

За твою судьбу тревожатся,
За любовь, что к горю сдвинулась.
Не хотят, краса пригожая,
Чтоб грустила ты, кручинилась.

Ты подруженька, подруженька,
Вытри слезоньки соленые—
В небе ласточки закружатся
Над тобою, над влюбленною.

КРОССВОРД

Составил В. ШАНТИН,
Ангарск

По горизонтали:

7. Действующее лицо оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы». 8. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 9. Флотоводец, один из руководителей первой Севастопольской обороны. 11. Картина художника-передвижника И. С. Остроухова. 12. Деталь духового инструмента. 13. Минерал темно-красного цвета. 15. Черноморский порт в Болгарии. 16. состав артистов, исполняющих групповые танцы. 17. Остров Мар-

лайского архипелага. 19. Приток Иртыша. 21. Инструмент, деталь станка, обрабатывающего металл, дерево, пластмассы. 23. Сочетание музыкальных звуков различной высоты. 25. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 26. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 27. Коренное население автономной советской республики. 28. Город на юге Ирака.

По вертикали:

1. Озеро на Южном Урале. 2. Город в Смоленской области. 3. Строительная дорожная машина. 4. Поэт, автор песни «Смело, товарищи, в ногу!». 5. Гвардец, защитник Парижской коммуны. 6. Минерал, драгоценный камень. 10. Картина И. И. Левитана. 11. Земноводное. 14. Архитектурно офор-

мленный главный вход здания. 15. Город в ГДР. 17. Небольшой двухэтажный дом в пригороде, поселке. 18. Спутник Нептуна. 20. Приток Колымы. 22. Персонаж «Сказки о мертвый царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. 23. Курорт в Бурятии. 24. Подземный водосток для осушения почвы.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

7. Жалейка. 8. Корзина. 11. Мидлсбро. 12. Волнопрез. 13. «Жатва». 14. Бажан. 16. Гонки. 19. Знаменатель. 20. Ходильник. 24. Корма. 25. Литва. 28. Асеев. 31. Горловка. 32. Теодолит. 33. Пирогов. 34. Ермолай.

По вертикали:

1. Капитан. 2. Тепловоз. 3. Якоби. 4. Рояль. 5. Изморозь. 6. Индейка. 9. Рота. 10. Овца. 15. Жанрист. 17. Сабля. 18. Десна. 20. «Хамелеон». 21. Кислород. 22. Монотип. 23. Семинар. 26. Икар. 27. Ватт. 29. Автол. 30. Кодры.

МОРЕ, ЦВЕТУЩЕЕ ПАРУСАМИ

Начало на 29-й стр.

Да, да, такой уж это «сигнитический» вид спорта — многодневные крейсерские парусные гонки, где умение парить борцам при крене градусов в семьдесят так же важно, как и способность определяться по звездам. Опыт здесь накапливается медленно — годами. Бывалый яхтсмен по морю не «плавает» (*«Мусор плавает»*, — обычно ответят вам), — он «ходит». А первые шаги надо делать съязда — лет с десяти — двенадцати. Некоторые таллинские тренеры считают, что даже раньше: в Эстонии участвуют в гонках даже младшие школьники. Конечно, крейсерское судно, сложное в управлении, им еще не по плечу. Но среди многих классов современных парусных судов есть и младший — *«Кадет»* — подготовительный, либо называемый *«Оптимист»*.

Как выглядит *«Оптимист»*? Фанерный корпус да парусок на мачте. Суденышко настолько легкое, что двое подростков без труда спускают его на воду. Но главное его качество — остойчивость: *«Оптимист»* необычно ши-

рок: соотношение длины и ширины — два к одному. Такой «коробок» попросту не в состоянии перевернуться кверху дном даже при сильном ветре. И в управлении *«Оптимист»* прост и надежен.

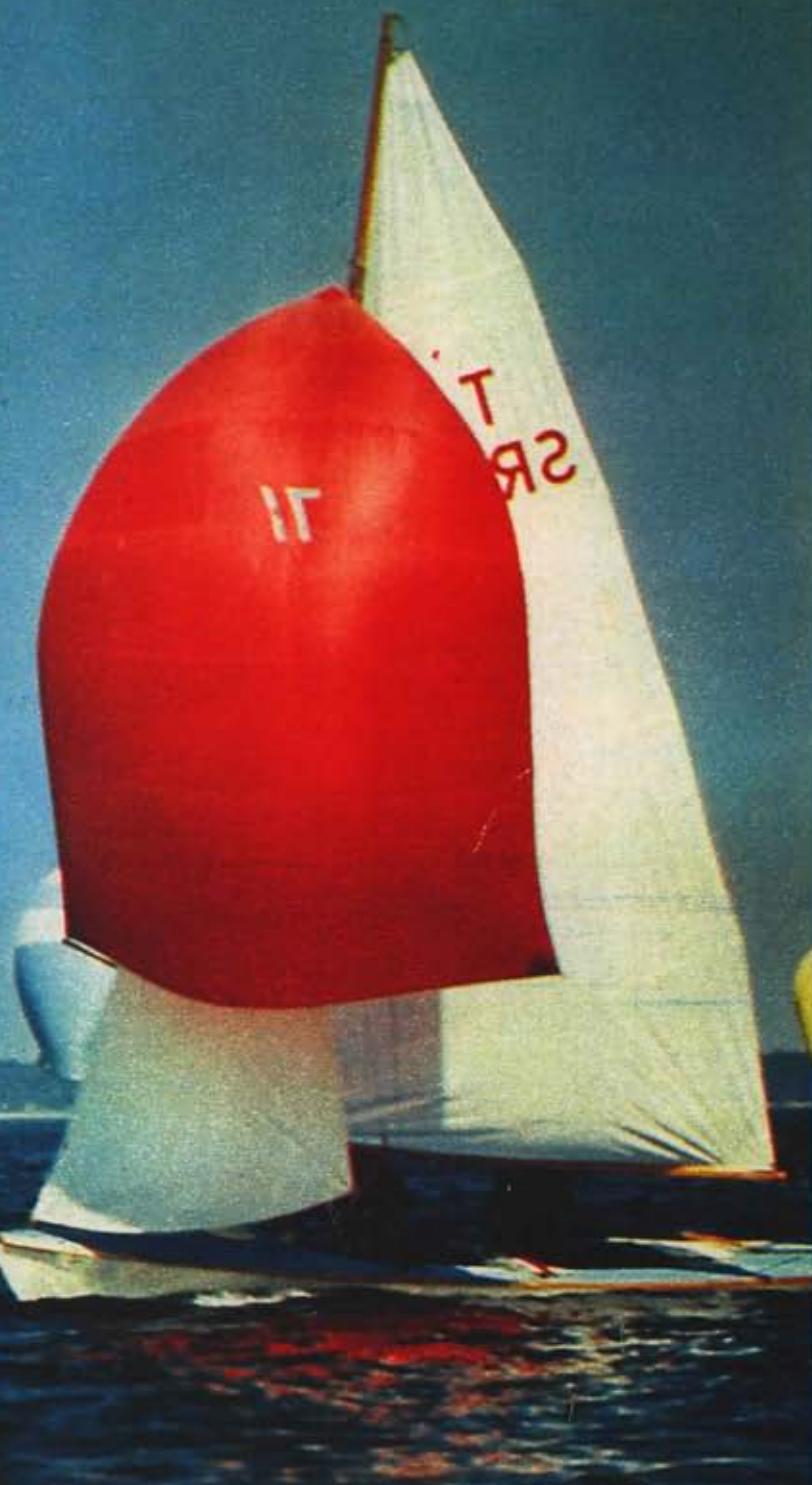
Еще одно неоспоримое достоинство *«Оптимиста»* — его дешевизна, простота изготовления. Ежедневно от снега до снега из устья реки Пирита на простор Таллинской бухты друг за другом, точно гусата, выплывают стайки *«Оптимистов»*. Большинство судов сделано руками самых юных спортсменов.

Парус — это спорт. Но он развивает и техническое мышление. Спроектировать и построить судно, пусть самое маленькое, но на котором, однако, можно пытаться в плавание, — это что-то да значит! К тому же, построив судно, человек должен научиться управлять им, то есть стать навигатором. Следовательно, обязан быть предельно внимательным на уроках астрономии и физики, полюбить географию, уметь найти неожиданное решение для сложной математической задачи.

Ах, море, море... — Приедется все, лишь тебе не дано примелкаться», — сказал поэт.

Мне повезло: живу в Москве на Штурвальной улице. Если свернуть направо за угол и спуститься по Парусному проезду, выходишь к Химкинскому водохранилищу. Отсюда, с этих застроенных стандартными панельными домами берегов, уходят в плавание и классические спортивные суда, и

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ИДУЩЕМУ ПОД ПАРУСАМИ НЕОБХОДИМЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДВА КАЧЕСТВА: БОГАТСТВО ФАНТАЗИИ И УПОРСТВО В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ.

самодельные, и даже надувные суденышки, снабженные, однако, и мачтой и парусом.

Путь их подчас неблизок: наша суходолина столица, как известно, порт пяти морей, удаленный друг от друга на тысячи километров. Но не обязательно к морю лежит путь столичных капитанов. Очень популярна *«московская кругосветка»* — тоже ведь многодневное крейсерское плавание, только по внутренним водам: по Рыбинскому водохранилищу, Волге, Оке, Москве-реке...

А поглядишь на карту — сколько таких «кругосветок» в нашей необъятной стране!.. Так что не отчайвайтесь, если у вас еще нет судна. Самый прославленный из капитанов, всемирно известный писатель Джозеф Конрад, сказал однажды, что паруснику необходимы прежде всего два качества: богатство фантазии и упорство в достижении цели.

